
И. М. БОВКУН
Подвиг под псевдонимом
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

И. М. БОВКУН
Герой
Советского Союза

ПОДВИГ ПОД ПСЕВДОНИМОМ

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

Р2
Б72

Литературная запись
Н. И. Леликова

Оформление
Г. Ордынского

Б $\frac{70803-322}{М101(03)78}$ 351—78

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Раскрывая эту книгу, помни — в ней все правда. Давнишняя, незнакомая тебе, тяжелая, страшная, но правда. Ведь для того, чтобы ты, юный современник, имел возможность учиться в школе, читать книги, радоваться солнцу и ясному небу, нам, в далекие для тебя 1941—1945 годы это солнце, это небо и всю родную землю пришлось отстоять от страшного врага — от фашистских захватчиков.

В то время Иван Михайлович Бовкун был офицером Советской Армии, пограничником, отцом малых сыновей. Войну он со своими бойцами встретил на границе, был тяжело ранен, подобран колхозниками и спрятан от глаз врага, оказался на оккупированной территории, вел борьбу с врагом в подполье и в партизанских отрядах, стал командиром крупного соединения, был удостоен звания Героя Советского Союза.

Иван Михайлович Бовкун не писатель и не собирался писать книг. Но встречи со школьниками и пионерами, многочисленные вопросы, которые ему задают, заставили И. М. Бовкуна взяться за перо.

Книга получилась интересная. Потому что в ней рассказано об интересных событиях, раскрыта еще одна страница невиданной партизанской войны в тылу врага.

Соединение «За Родину!», которым командовал Иван Михайлович Бовкун, действовало в северной части Украины, на Черниговщине. Этот край вошел в историю Великой Отечественной войны со славой партизанского края. Только в Черниговской области под руководством подпольного обкома нашей партии, который возглавляли секретари обкома А. Ф. Федоров и Н. Н. Попудренко, было организовано несколько крупных партизанских соединений, много больших и малых партизанских отрядов, подпольных райкомов партии и комсомола, различных подпольных организаций и групп, по Черниговской земле проходили легендарные рейды партизанских соединений Федорова, Ковпака, Руднева.

Соединение «За Родину!» твердо занимало позиции в нескольких районах области вблизи железнодорожной магистрали Киев—Москва. Одной из главных задач соединения было — не допускать по дороге движения вражеских эшелонов.

Я знаю, как юные читатели любят читать книги, в которых рассказывается о невыдуманных событиях. И сам очень люблю книги про Великую Отечественную войну, написанные ее участниками, людьми, которые не только видели и знали, что такое война, но сами сделали многое для победы над врагом. Поэтому считаю необходимым подтвердить, что все, что рассказал Иван Михайлович Бовкун, было в жизни, проходило на наших глазах. Я лично не раз встречался с командиром партизанского соединения «За Родину!», поскольку наши отряды действовали по соседству, не раз наносили врагу удары совместными усилиями, вместе помогали доблестной Советской Армии в 1943 году форсировать реку Днепр.

В моей памяти невыдуманный рассказ Героя Советского Союза Ивана Михайловича Бовкуна воскресил незабываемые события, величественные дни всенародной борьбы с врагом за свободу, независимость и будущее нашей Родины, за счастье грядущих поколений.

Юрий Збанацкий,
Герой Советского Союза

КАК БЫЛА НАПИСАНА ЭТА КНИЖКА

Как вообще книжки пишутся? Наверное, садится человек за стол, берет бумагу, авторучку или карандаш и начинает писать слово за словом, предложение за предложением. А профессиональные писатели, те, пожалуй, просто вкладывают в машинку лист бумаги — и полетели страницы! Вот уже стоит книга на полке, в красивом переплете, с золотым тиснением. Любо-дорого поглядеть.

Раньше мне именно так все виделось. Хотя я понимал, конечно, что писать книги умеют далеко не все, и себя самого относил к категории людей, которые лишь читают. А писать? Ну нет! Как говорят, это не моя профессия. Вложить лист в машинку я, конечно, сумел бы. А вот дальше — дело сложнее... Есть же, наверное, какие-то хитрые писательские «секреты», не зная которых и не пробуй садиться за письменный стол...

Тем не менее книжку я написал. Вот как это случилось.

Есть во Львове улица Ленина. Одна из самых красивых и примечательных. По ней ходят трамваи. Но не

такие, как в других городах. Здесь колея более узкая. Трамваи для Львова изготовили по заказу в Чехословакии, в городе Брно. Сделали на славу. Окна широкие, сиденья удобные, мчат мягко, бесшумно, без толчков.

В таком трамвае я часто ездил на работу. Как-то раз зашел в вагон, выбрал место у окна. Напротив меня — маленький мальчик с отцом. Мальчик глядел в окно, что-то спрашивал. Обычные детские вопросы: «А это что? А это почему?» Вдруг перевел взгляд на меня, увидел на груди Звезду Героя Советского Союза, протянул руку.

— Можно потрогать?

— Нет, — говорю, — нельзя.

— Почему?

— Это особая звездочка. Когда ты вырастешь, я тебе расскажу о ней.

— Не обманешь? — спросил мальчик.

— Нет, я никогда не обманываю.

Ответил, а сам думаю: вырвалось неосторожное обещание, как теперь его выполнить?

— Тебя как зовут, дедушка? — продолжал юный пассажир.

— Иваном,— сказал я. И тут же спохватился: — Иваном Михайловичем. А тебя?

— Меня — Костя.

На том наше знакомство с Костей могло и закончиться. Когда трамвай стал приближаться к остановке, они с отцом направились к выходу. Я еще подумал: завтра забудет обо мне мальчуган. Сколько ему? Года четыре? Ну, может, пять. Не больше.

Но ведь бывает в жизни всякое — и неожиданные встречи, и совпадения. Вышло так, что года через четыре мы с тем же Костей снова оказались в одном трамвае. Правда, я его не узнал: он очень вырос за это время. Меня же узнать было, конечно, легче. Хотя бы по длинным усам, которые раньше назывались буденновскими. Усы у меня примечательные. На встречах ветеранов Великой Отечественной войны я всегда хожу в чемпионах — никто не может похвастать более длинными.

— Здравствуй, дедушка Иван! — сказал Костя. На этот раз он ехал в трамвае уже не с отцом, а со своим

собственным дедом.— Ты мне обещал рассказать про звездочку.

— Конечно,— отвечаю, хотя сам, честно говоря, лишь смутно припоминал первую встречу и разговор.— Расскажу, если хочешь.

Костин дед сразу же ему замечание сделал: нехорошо, мол, в трамвае задевать незнакомых людей.

— А он мне не незнакомый, а знакомый, — ответил Костя.— Он обещал про звездочку рассказать. Его зовут дедушка Иван Михайлович. Раньше у него были черные ботинки, а теперь желтые.

Как только он заговорил о ботинках, я понял, что передо мной гражданин с отличной памятью и наблюдательностью и что шутить с ним не следует.

— Хорошо,— говорю. — Давай договоримся, где нам встретиться.

В тот день мы немного погуляли в скверике около кинотеатра. Втроем: Костя, его дедушка и я. Оказалось, что живут они по соседству. А в выходной, когда я вышел в скверик подумать и покурить, Костя сам ко мне подошел.

Хотите верьте, хотите нет, но через месяц я уже готовился к встречам с Костей. Даже кое-какие пометки делал в блокноте.

В свое время я написал не один отчет о действиях нашего партизанского соединения «За Родину!». И сколько фашистских эшелонов пустили под откос, и сколько мостов взорвали, сел и городов освободили. О нашем соединении писали книги и даже слагали песни. Но ведь Косте я все рассказывал иначе. Его мало интересовали цифры и факты. И вопросы он задавал совершенно другие, какие взрослые обычно не задают.

— Ты не боялся?

— Тебе очень больно было, когда контузило?

— Кто был хитрее — ты или майор Стессель, который поклялся тебя поймать и повесить?

— Подкладывать мины — это совсем просто?

Я старался рассказывать обо всем Косте как можно правдивей. Но так, чтобы ему все было понятно. Я видел, как внимательно глядят на меня два черных глаза, как впитывает он в себя каждое слово. Пройдут годы, Костя станет взрослым. Инженером или токарем.

Солистом оперного театра или пограничником. Кем бы он ни был, мне хочется верить, что наши разговоры в скверике возле кинотеатра сохранятся в его памяти. Это важно не только для того, чтобы будущие поколения не забыли тех, кто в тяжелую для Родины минуту отстоял ее с оружием в руках. Это важно, чтобы миллионы таких мальчиков, как Костя, относились к жизни ответственнее, так, как мой юный соратник по борьбе с врагом Герой Советского Союза Яков Батюк, как пионеры, которые помогали нам в те трудные годы.

Я обещал вам рассказать, как была написана эта книга. Так вот, началась она со встречи с мальчиком Костей. А потом... Потом все же были и письменный стол, и чистые листы бумаги, и авторучка. И даже магнитофон с шуршащими бобинами. Даже машинка. И неоценимая помощь писателя А. Стася и журналиста Н. Леликова, которые помогли литературно обработать мои записки.

РАЗГОВОР С ТАРАСОМ БУЛЬБОЙ

Все выглядело именно так, как должно было выглядеть. Тарас появился во дворе. Твердо и тяжело ступая, подошел ко мне и сказал:

— Вставай-ка, сынку! Ты что это разлегся? Не время!

Я попытался подняться, но почувствовал сильную боль в затылке. Неужели спал на чем-то твердом? Может, на камне?

— Не время!—повторил Тарас.—Не время лежать! Ты что — казак или паненка? Ты погляди, что вокруг делается!

Я хотел было сказать Тарасу, чтобы он лег на землю: не ровен час — ударит из-за угла автомат. Но язык не слушался меня.

— Поднимайся! — сказал Тарас.— Иди умри с честью или победи!

— Но я ранен!

— Ничего подобного! — возразил Тарас.— Я все видел. Ты зашел на хутор, чтобы хозяин показал тебе дорогу в село Глазное. Он дал сигнал одному из своих сыновей. В сенях тебя сзади ударили молотком по голове. Младший сын хозяина уже побежал за немецкими автоматчиками. Они приближаются.

Действительно: вижу, по дороге идут к хутору человек пятнадцать немецких автоматчиков. Бью по ним длинной очередью, на полдиска, из своего ППД. Автоматчики залегли.

— Теперь беги! — сказал Тарас.— К кустам, в лес!

Поднимаюсь и бегу к углу дома. Несколько очередей взбивают на утоптанной земле пылевые фонтанчики. Еще одна очередь из ППД в сторону немцев: надо прижать их к земле, ошарашить, сбить с толку. Вижу, что бородатый — он вел остальных — дернулся и припал к земле. Значит, попал. Остальные отползают за бугорок, убитого тянут за ноги.

Теперь пора. Петляя, пригибаясь к земле, бегу к лесу. Пуля настигает меня около самых кустов. Собственно, никакой боли не почувствовал. Но внезапно тяжелой стала левая нога. Падаю и последние спасительные метры ползу к зарослям. В диске еще есть патроны. Надо дать еще одну очередь по фашистам. Вот теперь хорошо. Снова залегли. Значит, у меня минут пять форы. Надо уйти, оторваться от преследователей.

Лес. Бреду, цепляясь за ветви, за стволы деревьев. Главное — не упасть. Подняться я уже не смогу. Но ведь надо перевязать рану. Пуля засела повыше колена. Нога распухла. Рана кровоточит. Стиснув зубы, рывком снимаю сапог. К счастью, в сумке нашелся индивидуальный пакет. Наспех перевязываю рану, выламываю толстый сук и, опираясь на него, ковыляю на восток, еще надеясь догнать своих.

Ночь наступила внезапно, будто кто-то вдруг набросил на лес темный мешок. Боясь заблудиться, я время от времени поглядываю на фосфоресцирующую стрелку компаса. Наверное, лес был не очень велик.

Или же мне так показалось. Деревья внезапно расступились. Впереди, за кукурузным полем, в густой, черной в ночи листве выступили неясные очертания хат. Главное, куда я стремился? Кто знает? Тропка привела в садик у маленького, но добротно срубленного дома. Выглянула луна. Матово заблестела в ее свете цинковая крыша.

Во дворе, под деревьями, стояли пятнистые автомашины. Немного в стороне притаились две танкетки. А что, если свои? Присматриваюсь: прямо у моих ног, почти что касаясь рукой сапога, сопя и похрапывая, лежит плотный здоровяк. Запястье перехвачено ремешком часов, пилотка надвинута на лицо, белая пряжка ремня отпущена. Фашист!

Вокруг распластались под шинелями тела сонных солдат. Некоторые спят раздевшись — в трусах и майках, аккуратно подстелив под себя коврики. Как на даче. Разлеглись в чужом саду, под чужими яблонями... А я у себя дома, на своей земле должен прятаться, ползать, бояться каждого шороха!

Под ногой хрустнула ветка. Солдат у моих ног что-то невнятно пробормотал и повернулся на бок, зябко сгибая ноги: ему, видите ли, холодно!

Позднее я не раз вспоминал эту сцену и этого солдата. Откуда пришел он сюда? Из какого города? Из какой земли? Где когда-то радовалась его первой улыбке мать? Где учили его делать первые шаги? И для того ли учили, чтобы он, по своей или по чужой воле — кого это уже интересовало? — направил их сюда, в эту незнакомую и непонятную ему страну.

Ушел я от этого дома. Через час переправился через реку Горынь. Пук сухого сена, обернутый плащ-палаткой, поддерживал на воде одежду и оружие. Отдышавшись, долго лежал в камышах — без сил, без дум... Со мной делалось что-то странное: то морозило, зуб на зуб не попадал, то вдруг бросало в жар, а перед глазами плыли сине-зеленые круги — наверное, я бредил. Да, конечно же, бредил. И Тарас Бульба привиделся мне в бреду.

Как я попал сюда, в камыши? Откуда взялись силы идти?

Война. Да ведь она только что началась. Кажется, еще вчера был мирный день. И чистое голубое небо над головой. Мы говорим «мирное небо», но не совсем понимаем, что это такое... Пока не приходит война. И тогда мы видим над собой небо, начиненное смертоносным металлом.

Бои на границе. Отступление. Оборона под Ковелем. В общем-то, дрались мы крепко. И сами понимали это. Враг продвигался вперед с трудом. Много позднее, уже после войны, я прочел в записках начальника генерального штаба Германии Гальдера слова о том, что ожесточенное сопротивление советских пограничников напугало и ошарашило фашистских стратегов. Слишком большие потери пришлось понести вермахту, взламывая советскую пограничную оборону. С первых часов войны «план Барбаросса» (разработанный вплоть до часов и минут) по срокам не выдерживался. Тогда я всего этого знать еще не мог. Но чувствовал, что агрессору пришлось несладко. Я вспомнил слова бойца по фамилии Затуливитер.

«Ладно,— говорил он, лежа в траншее на берегу реки Стырь, его ранило в руку, но он отказался идти в тыл.— Ладно, вы меня, гады, прижали. Но троих я с собой утяну. Не сомневайтесь!»

Поначалу я не понял, о чем он говорит. Потом до меня дошел смысл этих слов: троих фашистов Затуливитер поклялся отправить на тот свет, если уж ему придется погибать.

Дрались мы жестоко. Против нас бросили огромную, четко отрегулированную армию. Она многократно превосходила по численности наши войска, стоявшие на западной границе. Да и нападение было внезапным. Пришлось отступать.

В ту ночь в камышах я пытался подсчитать, сколько фашистов за эти дни убил лично. Получалось, что не менее шести. Что ж, если придется погибать, то хоть не даром. Но ведь я еще жив. И не сдамся! У меня в руках оружие.

Я вспомнил фашистских солдат, спавших в садике у крытого цинком домика. Можно было дать очередь по ним, а дальше — пусть ловят, пусть убивают. Счет врагов мог вырасти до полутора десятков.

Под утро я пел украинские песни и читал вслух стихи Пушкина.

Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Вспоминал своих любимых писателей — Пушкин, Гоголь, Шевченко, Толстой, Есенин, Маяковский, Фадеев... А у того солдата, что спал под вишней, закрыв лицо пилоткой, были свои любимые писатели? Наверное, были. Но он пришел сюда, чтобы отнять у меня моих. Где погибнет этот солдат? У какого города или у какой реки? Мне и в голову не приходило, что он может остаться живым — сдаться в плен или, получив тяжелое ранение, на правах инвалида демобилизоваться из армии. Мне представлялось, что он обязательно должен погибнуть. Может быть, я был прав. Лишь единицы из тех, кто в форме вермахта перешел нашу границу, возвратились домой.

Начало светать. Сознание уплывало от меня. Хотелось лишь одного: свалиться прямо на мокрую землю, лежать, ни о чем не думая. Что видел я в этот день, а что мне пригрезилось? Тарас Бульба... Бой на хуторе... Одинокий путь через лес... Спящие в вишневом саду враги... А я прячусь здесь, в камышах. Во всем этом было что-то страшное, что-то невероятно неправильное. То, с чем рассудок мириться не мог. Ведь я был хозяином этой земли! От деда и пращура дальнего! От времен Киевской Руси и бородатых варягов.

— Что вам здесь? Зачем опять пришли? Что вы идете и идете к нам? Что вы здесь забыли?

Наверное, я кричал очень громко и с шумом шел через камыши.

Старый Тарас снова появился рядом; грозно топорща седые усы, сказал:

— Добре, добре, сынку. Собирай своих хлопцев, возвращайся назад и погуляй с ними тут. Хорошо погуляй, так, чтоб проклятая немчура света не взвидела. Чуешь меня?

— Чую, батьку! — ответил я и вдруг совсем явственно услышал:

— Тише, товарищ, немцы кругом.

Передо мной стоял пожилой человек в поношенном дешевом костюме и смотрел на меня сочувственно.

— Возьмите! — протянул он мне кусок хлеба с медом.— Чем богат. Подкрепитесь и идите, здесь опасно.

Еда действительно придала мне сил, я зашагал тверже.

Сзади послышался шум моторов. Я оглянулся и увидел троих мотоциклистов. Мог ли я раньше подумать, что настанет время, когда обычный звук двигателя на моей земле станет грозить мне опасностью. Сейчас он означал только одно: враги.

Я свернул с дороги и бросился к лесу. Боли в раненой ноге почти не чувствовал, бежал так быстро, как позволяли силы. Оставалось их, видно, немного. Рев моторов неумолимо надвигался. Сейчас раздастся очередь — спиной я ощутил холодок смерти. К счастью, лес был совсем близко. Еще несколько отчаянных прыжков... Все, пронесло, здесь меня уже не достанут. Пробежал, продираясь через кусты, еще метров сто и залег в зарослях папоротника. Автомат наизготове. Теперь идите.

Немцы не пошли. В те первые дни войны наш мирный лес еще не стал партизанской зоной. Но уже тогда немцы его боялись. То ли инстинктивно, то ли предвидели, что скоро деревья начнут стрелять.

Мотоциклисты остановились на опушке.

— Рус, рус, ком!

Следом пронеслось несколько очередей, по верхушкам кустов засвистели пули.

Снова крик — и снова очереди. Для чего? Для того, чтобы убедить меня выйти? Как бы не так, ждите!

Потом я не раз удивлялся нелогичности некоторых поступков немцев. Многие из них были коварны, хитры, по-садистски жестоки и вместе с тем нередко по-детски наивны. Поманив человека лишним куском хлеба, они предлагали ему стать осведомителем или поручали проникнуть в партизанский отряд с террористическими целями. Тем, кто соглашался, обычно верили, даже гордились друг перед другом удачно проведенной вербовкой. Конечно, оказывались и предатели, и люди,

открывшие замаскированную раньше ненависть к Советской власти с первым появлением зеленого мундира в их городе. Но в большинстве случаев такой способ вербовки давал обратный результат. Он способствовал проникновению наших разведчиков во вражеский лагерь. Отнюдь не случайно партизаны заранее были осведомлены о большинстве готовящихся против них акций.

Бывали и другие случаи. Равнодушный фашистский чиновник объяснял задержанному ни в чем не повинному мирному жителю, что его нужно расстрелять для порядка. Последнее чиновнику казалось очень убедительным аргументом, и он считал, что достиг со своей жертвой полного взаимопонимания и согласия.

Откуда это шло? Интересное наблюдение я обнаружил впоследствии в мемуарах Ф. И. Шаляпина. Рассказывая о своих поездках в Западную Европу еще до первой мировой войны, сравнительной свободе отношений в Англии, Франции, Италии, он противопоставляет жесткий режим кайзеровской Германии. На каждом перекрестке, подмечает Шаляпин, на каждом мало-мальски видном месте красовались таблички с надписями, в которых преобладали два слова: «орднунг» (порядок) и «ферботен» (запрещено).

Впрочем, сама по себе любовь к порядку достойна похвалы. Но в сочетании с фашистской пропагандой врожденная страсть к порядку и впитанное с молоком матери бюргерское преклонение перед властями давало страшные результаты. Конечно, лучшие люди Германии фашистской пропаганде ничуть не поддались. Да на них она и не рассчитывалась — ими занималось гестапо. А сколько обывателей удалось оболванить! Если человека хоть и не сильно, но методично бить молотком по темени, темя станет мягким. Если обывателю систематически вдалбливать в голову, что он принадлежит к избранной нации, что он лучше и умнее других и призван повелевать ими, он довольно легко может утвердиться в этом. Жесточайшее заблуждение! Ни за какое другое, наверное, не приходится в конце концов так тяжело расплачиваться.

Постреляв в свое удовольствие (удивительно, но рачительные немцы не экономили патронов) и, очевид-

но, устав кричать, мотоциклисты укатили. Когда шум моторов затих, я выбрался из своего укрытия, вышел на опушку и, придерживаясь кромки леса, побрел вдоль дороги. Путь преградил ручей. Неширокий, но берега у него были топкие. Не успел я сделать и двух шагов, как завяз почти по колени. Пошел лесом, отыскивая место с более твердым дном. Почва всюду была такая же вязкая, однако вскоре я наткнулся на переброшенное через ручей поваленное дерево. Опираясь на палку, вступил на этот незамысловатый мост и на середине его невольно остановился.

Припекало полуденное солнце. Подо мной, журча, катились куда-то прозрачные струи воды. Хотелось припасть к светлой поверхности потока жадными губами, долго и со вкусом, до тяжести в желудке пить прохладную влагу, растянуться на уютной поляне в земляничном раздолье и сквозь колодец в высоких, опрокинутых вверх кронах смотреть в голубую бездну, по которой, словно одинокие белые овцы, лениво проплывали легкие облака.

Мне почему-то вспомнился романс, услышанный по радио буквально накануне войны. Исполнял его мой любимый певец Иван Семенович Козловский.

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю...

Показалось странным, необъяснимым, что поток так же стремительно бежал куда-то, как будто ничего в мире не случилось, как будто вокруг не грохочет металл, не бродят по земле смерть и пламя.

Я заставил себя идти дальше и вскоре очутился на довольно просторной поляне. Посредине ее паслись стреноженные лошади, в тени крепкого молодого дуба, очевидно спрятав их здесь и охраняя, сидело семеро мужчин. Заметив меня, один из них, тщедушный и невзрачный на вид, тонким голосом заговорил:

— Довоевался, пан комиссар. Пану комиссару надо не сюда, а к немцам, пока они еще принимают в плен.

— Война вроде не кончилась,— попытался я улыбнуться,— и в плен торопиться мне нет резона.

— Если пан комиссар сам не хочет, мы можем пану помочь,— усмехнулся все тот же писклявый.

— Я тебе так помогу, что своих лошадей не увидишь! — проговорил я свистящим шепотом и поднял к груди автомат.

— Так их, так, сынку! — поддержал меня могучий казацкий полковник Тарас.— Нечего изменникам нашу землю поганить.

Писклявый замолчал, отвернул голову, вобрал ее в плечи. Никто из семерых не двинулся с места. Я прошел мимо них и скрылся в молодом сосняке.

Рана моя кровоточила, стучало в висках, мозг пылал...

— Что же это такое? — вслух спросил я кого-то невидимого и без сил опустился на землю. Мне все вдруг стало безразличным, хотелось только лечь, прислонить горячую голову к мягкой нежной зелени...

Очнулся я в постели. Раздетый, лежал на домотканой холщовой простыне, теплое одеяло укрывало меня до подбородка. Низко надо мной нависал чисто выбеленный потолок, который пересекала массивная поперечная балка.

Комната была мне совершенно незнакома. Оставалось только ждать объяснения хозяев.

Я вынул руки из-под одеяла. Слушались они меня неохотно, все тело было налито слабостью.

«Здорово сдал ты, казак,— сказал я себе.— А ведь рана казалась пустяковой».

Приоткрылась дверь, в нее выглянуло чистенькое девичье личико. Несколько мгновений девушка внимательно смотрела на меня, потом так же бесшумно притворила дверь.

Вскоре она зашла в комнату вместе с пожилым мужчиной.

— Тебе, верно, померещилось, Януся,— ласково сказал мужчина.— Пан не проснулся, пан спит.

— Нет, тату, говорю вам, нет. Я хорошо видела, как он смотрел.

Услышав эти слова, я широко открыл глаза.

— Добрый день, пан,— проговорил мужчина.— Как пан себе почувае?[1]

— Где я? — вместо ответа спросил я, мучительно вспоминая, где уже видел этого мужчину.

— Пан у друзей,— мягко сказал мужчина.

Из последующего рассказа я узнал, что зовут хозяина дома Павел Станиславович, что фамилия его Тростинский. Он был среди тех семерых, стороживших в лесу лошадей (так вот где я его видел!). По моему виду он понял, что я уйти далеко не могу. Дождавшись вечера, под вымышленным предлогом задержался в лесу и, когда остальные ушли, стал искать меня в сосняке. Скоро услышал стон. Тогда он взял лошадь, поехал домой, запряг подводу и вместе со своим семнадцатилетним сыном вернулся за мной. Недалеко от него живет фельдшер Станислав Жураковский. Он сделал мне операцию и лечил после нее.

Прочитав в моих глазах невысказанный вслух вопрос, Тростинский объяснил:

— Пусть пан не думает. Этот Галабка, что хотел продать пана немцам, не наш приятель. Он пришлый в здешних местах человек. Сидел еще при панской Польше. Нет, нет, не как политический, а как уголовник. Теперь почувствовал в фашистах братьев по натуре, хочет выслужиться.

— Фронт теперь где? — тревожно спросил я.

— Фронт далеко,— печально ответил Тростинский.— Говорят, уже у самого Киева.

— Так быстро? — Я приподнялся на локте.

— Ой, быстро, быстро! Но и не так, как раньше. Пан знает, что он пролежал без сознания ровно двадцать четыре дня?

Силы постепенно возвращались ко мне. Днем хозяева уходили из дому, запирали меня на замок. А вечерами я подолгу беседовал с Павлом Станиславовичем, его детьми, фельдшером Жураковским. Невеселыми были их рассказы. В Костополе фашисты расстреляли все еврейское население. А сейчас по селам украинские националисты уничтожают советских активистов, не щадят и их семей. Убивают за то, что вступил в кол-

---

[1] Почувае — чувствует (укр.).

хоз, и за то, что поляк. На соседнем хуторе расстреляли две семьи.

— Мне пора,— сказал я Тростинскому на четвертый день после того, как пришел в себя.— Подлечился, а отдыхать сейчас не время.

— Пан сам знает, что делать,— ответил он, отводя глаза в сторону.

— Дайте мне мою форму.

— Нет, нет,— хозяин мой энергично запротестовал,— только не сейчас! Еще два-три дня. Пан должен окрепнуть.

— Да оставьте вы свое «пан»! — в сердцах не выдержал я.— Я ж советский командир.

— Прошу прощения, я не имел в виду, что товарищ «пан», у нас просто так говорят.

— Знаю,— согласно кивнул я,— а вот слышать не могу, ухо режет. Вы уж тоже извините. И чувствую себя совсем здоровым, уйду сегодня.

Я твердо посмотрел Тростинскому в глаза. На этот раз он не отвел взгляд. Без слов мы поняли друг друга.

— У вас дети! — выложил я свой самый веский аргумент.

— У многих дети. И у тех, что расстреляли, были дети. Идет война, и прежде всего надо оставаться людьми,— спокойно ответил Тростинский.

На следующий вечер я уходил от него. Павел Станиславович принес мне свой старый костюм. Не хотелось надевать его, за годы службы я привык к форме. Но идти в ней немецкими тылами значило подвергать себя бессмысленному риску.

Пришлось расстаться и с автоматом. Тростинский с готовностью принял его на хранение, и я понял, что сидеть и дожидаться конца войны он не будет.

В узком пиджаке, приплюснутой старой кепке я как бы уменьшился в размерах. Испытания последних дней отложили выразительный след на моем лице, даже самому себе я казался значительно старше. По предложенной Павлом Станиславовичем версии решил выдавать себя за возвращающегося к семье заключенного, осужденного Советской властью. У новых «хозяев» такие люди вызывали сочувствие.

Вот уж не думал никогда, что придется мне играть роль уголовника!

Глухими проселками шел в Нежин, куда, по имевшимся у меня сведениям, эвакуировались из пограничных районов семьи военнослужащих. Может, и моя жена там?

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Подсолнечниковое поле стояло неубранное и мертвое. Шляпки у большинства растений были сломаны, откручены. Над теми, до которых люди не успели добраться, поработали птицы, и они выставляли напоказ множество мелких ячеек, очень похожих на пустые пчелиные соты. Высохшие стебли с сохранившимися еще вверху отвисшими, сморщенными листьями тихо раскачивались на ветру, печальным видом своим напоминая уставшее и разбитое войско.

На краю поля маленький старик — ссохшийся, в потрепанной шляпе,— взмахивая топориком, срубал под корень перестоявшиеся стебли и аккуратно складывал их рядышком один на другой.

— Здравствуйте, отец! — тихо приветствовал я странного работника.

Старик разогнулся, не спеша, оценивающе осмотрел меня и безразличным тоном ответил:

— Здравствуйте, коли не шутите.

— Какие тут шутки, отец! Закурить бы.

— Доброму человеку махорки не жалко,— сказал старик и достал старый матерчатый кисет.— Идете далеко ли?

— До Броваров надо добраться. Думаю жену там найти. Мы с ней оба учительствовали на Западной Украине. Она на каникулы домой подалась, я остался. Теперь вот путешествую на своих.

— Много народу потерялось,— задумчиво произнес

старик,— все ищут друг друга. Только попробуй отыскать — земля большая. Давно идете?

— Да уже дней десять.

— И как там?

— Война, отец, что ж тут говорить. Враг жесток.

— И здесь лютует немец, льются слезы людские.

Только тут я понял, что проговорился. По привычке машинально назвал немцев врагами. И старик не переспросил, не насторожился, воспринял мои слова совершенно естественно.

Нелегко давалась нам наука подпольной конспирации. Особенно на первых порах было немало промашек, порой очень тяжелых, стоивших жизни замечательным людям. И все же в большинстве случаев неосторожная откровенность лишь привлекала к нам людей, оставшихся честными советскими гражданами, рвавшимися на борьбу с врагом. Не всем сразу удавалось найти верный путь, сплотиться в организацию, действовать продуманно, четко. Некоторые, не выдерживая нового порядка, восставали в одиночку. Гибли. Их место занимали десятки новых борцов. И постепенно выросло и окрепло четко организованное всенародное сопротивление.

Нужно ли было таиться мне от того старика? Мы стояли друг против друга, два советских человека, понимающих друг друга. Он так же, наверное, ненавидел захватчиков. Был ли смысл перед ним притворяться? Позднее я убедился, что поступил правильно. Конечно, в те дни встречались, хоть и не часто, предатели, специально подосланные фашистские агенты. Бессмысленно было бы перед каждым открываться. Но тот старик вызывал к себе доверие.

— Это для чего ж, отец? — все еще медля, спросил я и кивнул на срубленные стебли.

— Топить. Дров-то теперь не завозят,— ответил он и без всякой связи продолжал: — У меня дочь тоже учительница. В Воронеж эвакуировались. А дальше что будет? Охо-хо, времечко! Все перемешалось.

— Да, перемешалось. Вот я тебя, отец, обманул. Никакой я не учитель, а кадровый советский командир.

— Я не спрашиваю кто,—сказал старик угрюмо,— лишь бы человек был.

— Человек, конечно. И стыдно мне от своих таиться.

— А ты свой стыд спрячь. Он на лбу у тебя не выступит. Люди-то всякие бывают. Видел небось новых активистов. Раньше незаметными были, все в тени держались, лишь поддакивали. А сейчас повязки на рукава нацепили и глотки на народ дерут.

— Недолго им верховодить. Каждого к ответу потребуем.

— Это как еще сказать насчет недолго! Эвона куда уже фронт откатился — и не слышно.

— А мне именно туда, отец, надо, к фронту. И силы есть, и злость накопилась.

— За Днепр тебе переправляться придется. Вплавь не возьмешь — судорога схватит, а то и вообще задубеешь.

— Я уж как-нибудь...

— Такие вы молодые да горячие! На авось надеяться любите. Запоминай: в селе Козин живет мой свояк. Скажешь ему, что от Константина Семеновича. Он найдет, как перевезти.

Старик дал мне на дорогу табака на несколько закруток, краюху хлеба. Я зашагал в указанном им направлении. Но добраться до села Козин мне было не суждено.

Переночевав в скирдах, утром двинулся дальше. По пути лежало село Безрадичи. Чтобы меньше попадаться на глаза полицаям, решил его обойти. Дорога вела вдоль леса, затем спускалась с горы в открытую низину, село же раскинулось на склоне. При спуске нужно было перейти мостик. Когда вступил на него и оглянулся, увидел, что сзади, в двухстах метрах, дорогу пересекает большая группа немцев с собакой. Чтобы не вызвать у них подозрения, волей-неволей пришлось, не сворачивая, идти в село. Едва я ступил на первую улицу, как из-за поворота показалась новая группа немцев, конвоировавшая шесть человек, таких же заросших и грязных, как я.

— Рус, ком, ком! — закричали они, увидев меня.— Папир!

Свои документы я уничтожил. Здесь, во вражеском тылу, они мне могли бы сослужить лишь плохую служ-

бу. Гитлеровцы же, захватив их, вполне могли бы ими воспользоваться. Проходя через Ямполь, я взял у свояченицы метрическую запись ее мужа, Стороженко Михаила Дмитриевича. Он был 1914 года рождения, я исправил единицу на ноль, и возраст наш стал приблизительно одинаковым. Протянул немцу выписку. Он брезгливо взглянул на нее и, очевидно посчитав малоубедительной, автоматом показал мне, чтобы я присоединился к остальным задержанным.

Нас погнали через село. По дороге конвоиры остановили еще несколько человек, так же, как у меня, требовали у них «папир» и, почти не рассмотрев его, велели задержанным становиться в наш строй.

Вскоре нас стало одиннадцать. Посчитав, что собрано достаточно, немцы завели всех во двор, приказали сесть на землю, один из конвоиров зашел в дом. Через четверть часа оттуда вышел офицер, мельком взглянул на нас, отрывисто что-то гаркнул.

— Шнель, шнель! — загоготали конвоиры, подталкивая автоматами тех, кто не торопился подниматься.

Нас снова поставили и погнали.

Лес все ближе, в вечерних сумерках уже отчетливо видны силуэты деревьев.

Припомнил, что по дороге в село невдалеке от леса видел овраг. Если всем сразу броситься врассыпную и вниз, многие, наверно, успели бы уйти. Только надо договориться.

— Товарищи! — кричу.— Бежим!

Резко прыгаю в сторону, цепляюсь за кусты, падаю, переваливаюсь через голову и кубарем скатываюсь по обрывистому склону. С размаха плюхаюсь в липкое жидкое месиво. Несколько секунд лежу, не в силах шевельнуться, жадно, как выдернутый из воды окунь, ловлю ртом воздух.

Трах... тах-тах!.. Трах... та-та-та!.. — проносится над головой.

Как в полусне, слышу отчаянные крики, брань. Напрягаю все силы, вползаю в густые заросли камыша, вдавливаю тело в болото.

Наверху снова раздаются выстрелы, звучат отрывистые гортанные слова. Потом все смолкает. Еще не-

сколько минут лежу не двигаясь. Над обрывом тишина. Видно, поленились за мной гнаться.

Осторожно отползаю метров на двести, выбираю место посуше, перевожу дыхание. Выход один: добраться до села и попроситься к кому-нибудь на несколько часов. Помогут. Ведь я на своей земле, ведь живут же на ней люди.

Иду вдоль обрыва, спотыкаюсь, падаю, снова поднимаюсь. Выхожу на дорогу, тащусь дальше и стучусь в первую же хату.

Тишина, потом неуверенные шаги, дребезжащий мужской голос спрашивает:

— Кто там?

— Свои.

Что я могу еще сказать? Мы все советские люди сейчас свои. Общая большая беда сделала нас еще сплоченнее, ближе друг к другу.

— Чего вы хотите?

— Обсушиться и хоть немного поесть.

Дверь отворили. Следом за хозяином я зашел в бедно обставленную комнату. Возле средних размеров печи одетая по городскому молодая женщина, сидя на постели, укачивала ребенка. За самодельным столом на такой же самодельной скамейке сидела пожилая, похожая на нее, очевидно мать.

— Где вас так угораздило?..— спросила она, с сочувствием глядя на меня.

— Подожди, мать,— оборвал ее мужчина.— Дай сначала человеку поесть. А вы переоденьтесь,— добавил, обращаясь ко мне, и достал из угла старые брюки и телогрейку.

Пока я стягивал в сенях свою грязную одежду, хозяйка расстелила на столе полотенце, выставила на нем кувшин с молоком, положила рядом хлеб.

— Ненастье кругом...— задумчиво проговорил хозяин, когда я наконец отодвинул кружку. Непонятно было сразу, то ли он говорит о погоде, то ли вообще обо всей жизни.— Вот и вам досталось.

— Мне еще ничего,— сказал я,— другим хуже.

— Неужели вы с теми были, что сегодня под лесом расстреляли? — всплеснула руками женщина.— Как

же вам спастись удалось? Гнались, поди, да все по болоту.

— Нет, не гнались. А по болоту уходил — это точно. На мне написано.

— Всем сейчас трудно. Вот дочка,— хозяин кивнул на молодую женщину,— студентка, в Киеве училась. Там и замуж вышла, за летчика. Он с первого дня на фронте, а она с сыном к нам приехала. Здесь хоть коекак сыты. Но беда с полицаями. Увидели малого, каждый день приходят, где муж, спрашивают.

— А вы сами-то знаете?

— Где ж ему быть? Летает. Да вы отправляйтесь на лежанку, вымотались небось.

Вытянувшись на теплом твердом ложе, я тотчас заснул.

Под утро я покинул гостеприимных хозяев. Одежда моя высохла, хозяйка собрала мне в дорогу хлеба, сала, хозяин дал табаку... И снова зашагал я на восток. А через день вышел к Днепру. Старый колхозник, имени которого я так и не узнал, помог мне переправиться на левый берег.

Тогда я не мог представить, что ровно через два года примерно в этом же районе буду в обратном направлении с боем форсировать Днепр во главе партизанского соединения.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВМЕСТО ОТСТУПЛЕНИЯ

На встречах со школьниками, в разговорах с юными друзьями, которые по возрасту теперь вполне годились бы мне во внуки, часто слышу вопросы:

— Что самое страшное во время войны? Танковые атаки? Враги? Артиллерийские налеты? Может быть, массированные бомбежки?

Обычно я отвечаю: ни то, ни другое, ни третье. Пока рядом с тобой товарищи, пока ты сражаешься в ря-

дах своей роты, своего полка, своей дивизии — тебе ничего не страшно. И ты — непобедим. Куда сложнее приходится тем, кто в силу различных причин (а во время войны могут быть всяческие неожиданности) оказывается оторванным от регулярной армии, вынужден действовать в одиночку и сам должен принимать многие очень важные решения. Тут необходимо обладать незаурядной твердостью характера, полной убежденностью в правоте своего дела.

Вспоминая первые месяцы войны, могу теперь сказать, что труднее всего мне было именно в те недели, когда я очутился один в лесу, а затем проселками пробирался в сторону города Нежина, где надеялся примкнуть к какой-либо группе подпольщиков или же связаться с одним из партизанских отрядов. В том, что такие отряды должны были возникнуть в первые же недели и месяцы фашистской оккупации, я не сомневался. Но тут нужны были выдержка, твердость, продуманность действий. Ведь подстраховать тебя, помочь исправить допущенную ошибку некому.

Вот почему я так подробно описал начало своей партизанской деятельности. Я считаю, что началась она в тот момент, когда я принял первый самостоятельный бой с группой немецких автоматчиков. Позднее, в городе Нежине, мне удалось наладить связь с подпольщиками, а затем и организовать партизанское соединение «За Родину!». Об этом и пойдет речь в следующих главах.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В Нежине я очутился впервые; куда идти, где искать жену, толком не знал. Впрочем, у меня был один ориентир. На улице Объездной жила семья моего сослуживца Медведева. Помнил я, что его жену зовут Ольга.

Решил искать Объездную. Неторопливо вышел с базара, побрел наугад, присматриваясь к табличкам с

названием улиц. Встречные попадались редко. Шли торопливо, опустив головы, лица нельзя было рассмотреть. Лишь одно из них запомнилось сразу. Твердой походкой ко мне приближался подтянутый молодой мужчина в демисезонном пальто. Он резко отличался от других прохожих. И аккуратным, я бы даже сказал, несколько элегантным, внешним видом, и уверенной манерой держаться. Но больше всего поражало его лицо. Несмотря на хмурый осенний день, оно наполовину было закрыто темными солнцезащитными очками.

Если б мужчина был в военной форме, все сразу стало бы понятно. Так держаться мог только завоеватель в покоренном городе. Но этот был в штатском.

«Очевидно, приехал вслед за немецкой армией, видимо, матерый враг!» — подумал я и поспешил пройти мимо.

Как я потом жалел, что поздно познакомился с этим человеком и неверно оценил его с первого взгляда...

Размахивая пустыми солдатскими котелками, по улице шли два мальчика. Небольшие, лет по двенадцати, внешне очень похожие друг на друга, очевидно братья. Я подозвал их.

— Вот что, ребята, не покажете, где здесь живет Медведева?

— Тетя Оля? — сразу отозвался один.

— Подожди, Адик, — толкнул его в бок второй, младший на вид, и, обращаясь ко мне, строго спросил: — Вам зачем она?

— Земляки мы,— сказал серьезно,— она ведь с запада.

— Земляки — это другое дело,— немного помолчав, решил младший.— Идемте.

Мы подошли к небольшому деревянному домику. Дверь открыла незнакомая молодая женщина.

— Вам к кому?

— Мне нужно видеть Ольгу Медведеву.

— Оли нет дома, я ее сестра. Может, что передать?

— Нет, мне нужна она сама.

— Тогда заходите, скоро должна быть.

Тщательно вытерев ноги, я зашел в дом, сел на предложенный стул. Обстановка была небогатая. Большой обеденный стол посередине, несколько стульев,

высокая никелированная кровать. На обоях два квадратных светлых пятна — что-то раньше здесь висело, сейчас снятое и, очевидно, спрятанное. Мерно тикали старые ходики. Я склонил голову на руки, одолевала дремота.

В передней послышались легкие шаги.

— Это к тебе, Оля,— услышал я оттуда тихий голос.

Мои предположения оправдались: передо мной стояла жена моего боевого товарища. Но меня она явно не узнавала, хотя виделись мы не так давно — перед началом войны! Я исхудал, зарос бородой и выглядел по крайней мере лет на десять старше.

— Вы ко мне? — произнесла она наконец нерешительно.

— Не узнаете? — Я дружелюбно улыбнулся.

Женщина еще раз посмотрела на меня и повела плечами.

— А Анну Никитичну Бовкун вы знаете?

Тут она всплеснула руками, удивленно вскрикнула:

— Иван Михайлович! Как же так? Мы ж вас похоронили.

Теперь пришла очередь мне удивляться. Ольга подтвердила, что жена моя действительно находилась в Нежине и слышала рассказ людей, «видевших», как меня разорвало бомбой. Следом пришло извещение о том, что капитан Бовкун пропал без вести. За две недели до оккупации города она эвакуировалась на восток.

— А заместитель ваш здесь, Иван Михайлович! — обрушила на меня новое сообщение Ольга.

«Герасименко? Не может быть!» — едва не вскрикнул я.

— Точно. В селе Липов Рог живет, всего в четырех километрах. Только...— Она замялась.

— Что «только»? Мне нужно немедленно его увидеть.

— Увидеть нетрудно. Да непонятный он какой-то...— Ольга явно не хотела договаривать.

Расспросив подробно дорогу, я направился в Липов Рог. Своего заместителя застал за странным занятием. Повсюду в комнате — на столе, стульях, на кровати и

даже на полу — валялись куски материи от распоротых шинелей. Сам капитан возвышался над ними, взгромоздившись на табурете, и старательно орудовал иголкой. В углу на гвозде висела уже готовая, сшитая из старого сукна куртка. Я даже присвистнул.

— Здравствуй, капитан! — протянул ему руку.— Не знал, что у тебя есть и этот талант.

— Был капитан,— без энтузиазма ответил он на мое пожатие,— да весь вышел.

— Куда это вышел? — снова присвистнул я.— Отставки у тебя вроде никто еще не принимал.

— Какая отставка? — тяжело вздохнул Герасименко.— Не видишь, что делается кругом?

— Вижу! И ты считаешь, что для командиров самое время портняжничать?

Герасименко не ответил. Еще ниже пригнул голову и подчеркнуто сосредоточился на шитье. Молчание становилось тягостным. Но и говорить было явно не о чем.

Я встал, не попрощавшись направился к выходу. В эту же минуту послышался вежливый стук в дверь и следом в комнату шагнул высокий костистый мужчина в кубанке. Левую руку он держал на перевязи.

— Еще один капитан пожаловал,— с каким-то мрачным удовлетворением пробурчал Герасименко,— Коновалов Иван Сергеевич, окруженец.— И тише, себе под нос, добавил: — Два капитана, два Ивана.

— Эх, знать бы раньше, кто у меня в заместителях! — в сердцах проговорил я.

— А чем я плох был? — не выдержал Герасименко.— Дело знал, замечаний не имел как будто.

— Весь в этой показухе ты и прятался. Что в душе у тебя, никому не показывал. Скверно жил, бывший капитан.

— Зато выжил. И выживу. Зря на рожон не полезу.

— А другие, значит, зазря лезут? — Я махнул рукой и решительно переступил порог.

Мужчина в кубанке, который во время нашей ссоры не проронил ни слова, вышел вместе со мной.

— Ну и шкура этот портной! — сказал он, когда дверь за нами захлопнулась.— Он что, в самом деле твоим заместителем был?

— Был! — с досадой проговорил я.— Не сумел я его распознать тогда. На мне вина. Все ведь старался, выслуживался.

— Да-а...— протянул Коновалов.— В такие времена сразу ясно, кто чего стоит. Однако ж люди есть настоящие. Краснянский Петр, например.

— Капитан Краснянский,— удивился я,— командир стрелкового батальона?

О боевом командире, получившем орден еще во время финской кампании, я много слышал. Доводилось и служить с ним в одной части.

— Здесь, — улыбнулся Коновалов. — Выходит, нашего полку прибыло.

Дорогой Коновалов рассказал мне свою историю. Попал под Киевом в окружение, был контужен. Пришел в сознание, когда рядом из своих никого не было. Пробрался в Нежин, где и живет сейчас у тещи. Краснянский вместе с ним.

В городе Коновалов познакомил меня еще с несколькими офицерами. Мы долго совещались, спорили, как нам быть дальше. Краснянский настаивал, что надо идти на восток к линии фронта. Однако фронт ушел далеко — фашисты уже собирались праздновать взятие Москвы.

Большинство склонялось к тому, что нужно искать связи с партизанами или же самим организовать подпольную группу. Разбившись по двое, вышли в окрестные леса. Я отправился вместе с Краснянским. Трое суток мы месили глубокие снега в Носовском районе. Ходили по просекам, забирались в глухие чащи. Все напрасно — нигде никаких следов.

На третий день мы окончательно выбились из сил. У Краснянского на ноге открылась незарубцевавшаяся рана. Нужно было передохнуть, согреться, обсушить одежду и хоть немного поесть. Наши скудные запасы кончились в первый день, и держались мы на одной махорке. От едких затяжек кружилась голова, во рту стоял тошнотворный сладковатый привкус.

Увидев прижавшееся к лесной опушке село, решили попросить в нем приюта на ночь. В сумерки вышли на кривую, плохо утоптанную дорогу между домами. Вокруг ни души. Окна низеньких домишек смотрели

пустыми черными глазницами стекол — все как будто вымерло.

Но вот скрипнула дверь. На пороге показалась женщина с коромыслом через плечо. Мелко переступая обутыми в черные валенки ногами, направилась к обледенелому колодцу, зазвенела железной цепью.

— Добрый вечер,— сказал я, подходя.— Не дадите ли напиться?

Пить холодную воду мне, конечно, не хотелось. Просто сказал первые пришедшие в голову слова, чтобы завязать разговор.

Женщина поставила ведро на край колодезного сруба, выпрямилась, сказала просто:

— Пейте, воды не жалко.— И, пристально глянув на меня, внезапно спросила: — Иван Михайлович?

От неожиданности я замер. Откуда, кто может знать меня в этом селе, где я ни разу в жизни не был?

— Вы ж Бовкун, Иван Михайлович,— продолжала женщина,— я сразу вас узнала.

— Бовкун, это точно. Только вас не припоминаю...

— Ну как же? В Ровно встречались, разговаривали. Лейтенанта Вовкогона ведь помните? Я его жена, Надя.

Вмиг события отступили на несколько месяцев назад. Перед моими глазами промелькнул теплый майский вечер в небольшом полесском городе; я увидел своего командира взвода связи, статного, чернобрового, добродушного, насмешливого, и рядом его молодую жену, веселую, озорную. Вот, оказывается, кто эта крестьянка с печальными глазами монашенки.

— А сам он где, тоже здесь? — взволнованно спросил я.

— Ранили его, эвакуировали с госпиталем. Я вот к родителям заехала, да так и застряла.

Приняли нас, как родных. Через полчаса на столе стояла миска вареной картошки, от которой шел аппетитный горячий пар, в тарелках матово зеленели твердые соленые огурцы, нежно розовело нарезанное толстыми ломтями мороженое сало. Родители Нади рассказали нам, что в селе есть партизаны. Вернее, сами партизаны в лесу. А их семьи на месте. Но связаться с партизанами не так-то просто. Ведь приходится боять-

ся провокаторов. «Чужаков», людей со стороны, в отряд не принимают.

Тем не менее своего мы все же добились. И в конце концов попали в партизанский лагерь.

Долгий и трудный был у меня тогда разговор с командиром отряда Михаилом Ивановичем Стратилатом. Взять нас всех в отряд без проверки он решительно отказался и предложил пока вести подпольную работу в городе. Одновременно мы получили задание: взорвать склад горючего и убить коменданта города Виндлера. Лишь после этого можно будет вести разговор о том, чтобы наша группа влилась в отряд.

И сейчас, спустя много времени, мне кажется, что обошелся он с нами слишком сурово.

Вернувшись, мы доложили товарищам о результатах своих переговоров. Решили действовать. Но как? Мы не имели взрывчатки, не знали, как ее достать. Подступиться к коменданту было и того тяжелее.

ФЛАКОН СЕРНОЙ КИСЛОТЫ

зкоплечий высокий юноша в форме гестапо без стука вошел в комнату. Оглянулся влево, вправо, как будто ничего угрожающего не увидел. В эту минуту он напоминал гуся. На такую мысль наводила длинная тонкая шея, которая сиротливо вырастала из воротничка кителя.

— Ломтев?

— Да, я,— сказал Ломтев, поднимаясь из-за стола.

— Дмитрий Иванович?

— Да, Дмитрий Иванович.

Гестаповец долго, с минуту, внимательно смотрел на Ломтева, что-то решая в уме. Скорее всего, он хотел определить, можно ли доверять Ломтеву, вручив ему повестку на определенное число, или же лучше препроводить в гестапо под конвоем.

Внешний вид Ломтева убеждал, что бояться будто

бы нечего. Этот сломлен. Глядит под ноги, глаз не кажет. В комнате был еще один человек. Он сидел на лежанке, зажав между коленями полено. Ловко орудуя одной рукой, выстругивал деревянную ложку. Левый рукав старенькой сатиновой рубахи был пуст.

— Тебе повестка. Завтра ровно в семь, как указано. Знаешь, на какой улице мы помещаемся? — спросил он с нахальством подростка, который поверил в то, что его побаиваются взрослые.— Не опаздывай, а то схлопочешь по портрету. И повестку не забудь. Она служит пропуском.

Лишь когда парень ушел, Ломтев прочитал наконец, что написано на бумажке: «В 19.00 явиться в гестапо. Комната № 5. Референт...» Подпись и печать с орлом, держащим в лапах свастику.

Ломтев передал повестку безрукому. Тот тоже внимательно прочитал, а потом сказал:

— Этого фендрика, что приходил, я знаю. Пацан. В третьей школе учился, а теперь он у них не то переводчик, не то курьер. Впрочем, ты, Дмитрий Иванович, не очень тревожься. Если бы что-то серьезное, они бы сами за тобой пришли, а не этого посылали.

Но в эту ночь военный техник Ломтев уснуть не мог. В Нежин он попал случайно — доставил его сюда боец Федор Полуботько. В одном бою Федору оторвало руку, а Ломтева ранило пулей в грудь. Попали в прифронтовой госпиталь. Внезапно в село, где госпиталь находился, ворвались немецкие мотоциклисты. Ломтеву и Федору Полуботько удалось бежать. Кое-как добрались до дома Федора. Сам Ломтев был из Тулы. В Нежине его никто не знал. Тогда почему же он понадобился гестапо?

В гестапо, как ни странно, с Ломтевым разговаривали предельно вежливо. Референтом, подпись которого стояла на повестке, оказался немолодой лысый человек в гражданском темно-синем костюме из бостона. Широким жестом гостеприимного хозяина он указал Ломтеву на плюшевое кресло, подвинул поближе к нему пачку сигарет, щелкнул зажигалкой.

— Рад возыметь знакомство с вами. Вы есть замерзли? О, этот русский винтер, русский зима! Курите, прошу вас. Битте! У вас имеется есть диплом техниче-

ской академий, который изготавливайт военный специалист. Мы это знайт. Я! Вы совершил только один ошибка — не выполнил приказ коменданта о регистрация. Но мы на вас не обижался. Нам нужен специалист. Думаете, хотим сделать из вас шпион? Фи! Нет. Вас пошлют на база... военный технический склад... Надо только подписать вот этот бумаг. Очень маленький бумаг про то, что вы являетесь есть лояльный наша власть. У вас будет новый пальто и новый шапка. Вам не будет страшен русский зима, русский винтер...

Ломтеву дали сутки на размышления. И было о чем подумать.

Вечером мы собрали совещание. Ломтев был откровенно растерян.

— Придется уходить! — взволнованно говорил он.— Не могу ж я в самом деле работать на немцев.

— Уходить надо не только тебе, но и всем нам,— горячо поддержал Краснянский.— Сидим здесь, как мыши в подвале, а вокруг кровь льется. Разве так можно?

— Уйти всегда успеешь,— неторопливо проговорил Коновалов.— Где они тебе предлагают работу?

— На военном складе.

— Но ведь это то, что нам нужно! Мы давно должны его взорвать, ходим вокруг да около. А тут нас самих приглашают...

На следующий день Ломтев вышел на работу. Вскоре он рассказывал мне и Коновалову:

— Все получается как нельзя лучше. На складе меня приняли с распростертыми объятиями. Наверное, опасаются, все же я протеже гестапо. Доверили сектор горючего. Представляете, какой там можно устроить фейерверк!

— Значит, остановка за взрывчаткой?—подытожил Коновалов.

— Зачем? — Брови Ломтева удивленно поднялись кверху.— Достаточно маленькой бутылки серной кислоты. Пожар вспыхнет неожиданно среди ночи.

— Так просто! — воскликнул Коновалов.

— Просто, да не совсем...— протянул Ломтев.— Кислоту надо на склад пронести. Это нелегко. При входе всех тщательно обыскивают. Я, например, совершен-

но пока не представляю, как можно ее спрятать. К тому же кислоту надо еще достать.

За последнее взялся я. Не так давно повстречался мне в городе знакомый человек по фамилии Литвин. Обычный трус-приспособленец. Был он из окруженцев. Но воевать с захватчиками не собирался. Думал переждать тяжелые времена, не рискуя. Литвин умудрился даже открыть в центре Нежина патентованную часовую мастерскую. К нему-то и направился я со своим делом.

Хозяин сразу узнал меня. Но в мастерской находились немцы. Потому, наверное, отреагировал он на мое появление подчеркнуто холодно: появился еще один клиент — ну и ладно. Лишь когда важные посетители ушли, он сделал вид, что обрадовался.

— Чего ж вы стоите? Садитесь. Вон табурет.

— Как поживаете?

— Сами знаете, какие нынче новости. Кручусь-верчусь. Там куплю, там продам — на одном наваре и живу.

— Давно бы так. Война войной, а жизнь жизнью. Правильно?

— Именно. Живой человек что должен делать? Кушать... Причем ежедневно. А для этого что надо иметь? Деньги. Философия простая, но другой не бывает.

— Да я не по поводу философии, я по делу. Есть возможность неплохо заработать. В твоем хозяйстве серной кислоты не найдется?

— А какая плата?

— Два пуда муки. Мне — половина.

— Завтра будет! — решительно сказал Литвин.

И не обманул, принес бутылку по адресу, который я ему указал. Я отлил немного кислоты во флакон, а бутылку вернул Литвину. Объяснил, что сделка не состоялась, потому возвращаю всю кислоту обратно.

Литвин, конечно, огорчился. Но это меня ничуть не беспокоило. Кислоту добыли!

Удалось и пронести ее на склад — спрятали в гриве коня. Охранники возчиков обыскивали, а лошадей обыскать не догадались.

Склад загорелся как бы сам по себе, поздно ночью. Под утро нежинцы проснулись от необычной суеты на

улицах. Мчали машины с жандармами, по мостовой стучали копыта, пронзительно завывали сирены.

Из сектора горюче-смазочных материалов огонь перекинулся на соседние помещения. Сгорело свыше двухсот тонн горючего и десятки баков масла. Если учесть, что фашистская Германия всегда испытывала нехватку нефти и бензина, нетрудно представить, какой серьезной неприятностью обернулась для немцев гибель склада.

А мы ликовали. Самое любопытное, что немцы так и не догадались о диверсии. Ломтев предусмотрительно разбросал в некоторых укромных местах окурки. Комиссия, которая расследовала причины пожара, их нашла. Решили, что все случилось по недосмотру караульных и славянской разболтанности. Начальника караула отдали под военно-полевой суд.

Для нас пришло время вплотную заняться вторым заданием.

ПРОВАЛ

Явочную квартиру мы уже давно перенесли в дом сестер Ольги Медведевой и Марфы Степуры. Обе женщины охотно вызвались нам помогать и выполняли разные поручения, преимущественно по связи.

Как-то раз меня познакомили с молодым красивым человеком.

— Рекомендую Владимира Мачульского, премьера местного театра и выдающегося артиста всех времен,— сказал Коновалов.

— Да будет! — добродушно сказал Мачульский.— Бог весть чего обо мне наговорите. Глядишь, правда поверю в свой талант и пойду после войны в актеры.

То, что мне удалось узнать в последующие десять минут, было полнейшей и приятнейшей неожиданностью. Оказывается, в Нежинском театре существует

подпольная группа. Мачульский ею руководит. Знаток и любитель музыки, он, попавший в окружение боевой офицер, выдал себя за певца, который во время гастролей по западным областям Украины был застигнут войной и рад приветствовать новый порядок. Мачульского приняли в Нежинский театр, открытый специально для солдат и офицеров вермахта. Здесь он нашел еще несколько надежных людей. Они собрали радиоприемник, принимают сводки Совинформбюро, переписывают от руки, распространяют их по городу. Более того, готовятся к активным действиям.

В голове Мачульского родился дерзкий план: заминировать театр и взорвать его в момент, когда зал будет полон фашистами. Вдвоем с электриком театра Кузубом он наметил места, куда следует заложить тол, разработал систему электропроводки к минам. Взрыв почти полностью подготовлен. Оставалось достать взрывчатку и выбрать удобный момент.

— В театре бывает комендант города? — спросил я.

— Не только комендант,— сказал Мачульский.— В городе часто останавливаются идущие на фронт эшелоны. Офицеры вечером, как правило, ходят в театр.

Перед нами открылись возможности действительно большой операции, настоящего дела. Взрывчатки к тому времени у нас было достаточно. Однажды Коновалов увидел, как жена знакомого железнодорожника безуспешно старалась намылить белье толовой шашкой. Выяснилось, что в глухом тупике наши войска при отступлении оставили вагон с боеприпасами. Женщины из близлежащих домов обнаружили желтые бруски и решили, что это мыло. Частично тол растаскали по домам, но немало его осталось лежать засыпанным снегом. Понемногу мы перенесли это богатство в город и закопали на одном из огородов. И вот пришло время пустить его в действие...

В назначенное время Мачульский был на месте.

— Хорошо, что ты не опоздал,— сразу начал он.— У меня считанные минуты, слушай. Нас всех срочно собирают на репетицию. Вечером концерт. В городе остановилась лётная часть, в основном офицеры. Лучшего момента для взрыва не выбрать.

— Комендант тоже будет? — спросил я.

— Нет, ему только что вырезали аппендицит.

— Подождем, не вечно же он будет в больнице.

— Зачем ждать? — упорствовал Мачульский.— Из-за одного чинуши можем упустить такую возможность.

— Возможности и другие будут, не последний концерт даете.

Если б я знал, как вскоре все обернется, наверное, не остановил бы горячего лейтенанта. Тогда же для задержки взрыва были очень серьезные основания.

Недалеко от театра находился склад оружия. Среди его охраны были наши люди. Мы готовились к захвату склада. Несколько подвод с оружием решили завезти в лес. Нас собралось уже довольно много, настала пора переходить к открытой партизанской борьбе. Для этого требовались винтовки, пулеметы, патроны, нужно было иметь чем воевать. Взрыв театра мог сорвать уже почти полностью подготовленную операцию.

Мог ли я подумать, что уже назавтра все наши планы спутает предательство?

Заместитель начальника лосиновской полиции Божко, один из тех, кто помогал немцам охранять склад и кому отводилась главная роль в нападении на него, утром как ни в чем не бывало зашел в кафе позавтракать. Не успел он пройти к столику, как навстречу ему, раскачиваясь, двинулась грузная фигура. Несмотря на раннее время, полицай Рубаха был основательно пьян.

— Господин помощник начальника, прошу составить компанию.

Чтобы не попасть в объятия разомлевшего полицая, Божко пришлось увернуться.

— Гордые все стали! А напрасно. Рубаха свое дело знает, Рубаха скоро будет большим человеком.

— Откуда ты это взял? — Божко легко оттолкнул прилипшего собеседника. — С удовольствием бы с тобой выпил, но видишь — служба. Я только перекусить.

— Служба, конечно, всегда служба.— Рубаха икнул.— Да не всякому она дается. Один под носом у себя ничего не видит. Рубаха не такой, Рубаха всех их выследил.

— Шел бы лучше похмелился как следует.

— Похмелиться — это мы можем. — Полицай причмокнул языком. — Только напрасно вы думаете. Рубаха не пьян, Рубаха все видит, все слышит. Я выследил тех бандитов, которые хотят напасть на склад. Есть там, между прочим, и твои лосиновские. Проглядел ты, брат, проглядел. Хорошо, что Рубаха заметил.— Довольный, он откинулся на спинку стула.

Божко побледнел.

— Послушай,— зашептал он, придвинувшись,— ты это не выдумал? Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, хорошо понимаю. Сами меня агитировали в банду. А Рубаха что? Прикинулся простачком, слушал...

— Да если так,— быстро заговорил Божко,— надо немедленно заявить!

— Не надо заявлять. Рубаха все сделал сам, Рубаха службу знает...

Дальше Божко не слушал. Вихрем вылетел из кафе, вспрыгнул на коня и помчался к складу. По дороге его обогнали машины с немецкими солдатами. Вскоре в районе склада затрещали выстрелы. Божко придержал коня — предотвратить беду было уже невозможно.

«Надо хоть других предупредить»,— подумал и повернул обратно.

В это время помощник коменданта майор Штаркман слушал доклад директора театра.

— Какие мины, что он несет? — торопил майор переводчика.

— Я и так стараюсь,— бормотал дрожащий директор.— Понимаете, на репетиции госпожа Калиновская зашла в ложу коменданта. У нее упала брошка и закатилась под кресло. Брошка попала в щель. Когда госпожа Калиновская попыталась ее достать, она нащупала провода. Мы вскрыли пол. А там, а там...

— Идиоты! — заревел майор.— Кто вам приказывал вскрывать! Ваше дело петь песенки, а не совать свой нос куда не следует...

— Я думал, как лучше...— оправдывался директор.

— Ваше дело не думать! На это здесь есть мы, немецкие власти. Ваше дело выполнять приказы. Идите

в приемную и ждите. Мы еще разберемся, как с вами поступить!

Штаркман вызвал дежурного офицера. Через минуту солдаты садились в машины.

Мачульский увидел машину из окна, когда она была еще довольно далеко, и успел выскочить из дома. Ему удалось скрыться.

Когда начались трагические для нашей организации события, я находился у Ольги Медведевой. Пришел заблаговременно и ждал к условленному времени Краснянского, Ломтева и Мачульского. Коновалова в городе не было, он отправился в подсобное хозяйство доставать подводы для вывозки оружия со склада.

Сестры угощали меня морковным чаем, мы мирно беседовали о нашем житье-бытье, единодушно выражая надежду, что скоро настанут лучшие времена и оккупанты не будут спокойно чувствовать себя хозяевами на нашей земле.

Далекая автоматная очередь сначала не очень насторожила нас. В то время такое не было чем-то необычным, мы привыкли к тому, что каждый день где-то стреляют. Однако следом за ней прозвучала вторая, потом еще. У меня не оставалось сомнения — идет настоящий бой.

— Где это? Кажется, возле склада?

Сестры, прислушиваясь, молчали.

— Похоже, что там,— сказала наконец Ольга.

«Выходит, наши люди в охране склада начали преждевременно,— подумал я.— Но это невероятно. У них нет транспорта, они не знают, куда везти оружие».

Тут дверь резко распахнулась, в комнату влетел Краснянский.

— Надо уходить! — задыхаясь, проговорил он.— И как можно скорее!

— Да скажи толком, что произошло?

— Потом, — торопил Краснянский, — нас предали. Все, кто были на складе, схвачены. Арестованы также Ломтев и Полуботько. Я только что оттуда, не успел предупредить. Эх, и нашли же какому гаду довериться! — В сердцах он с силой хватил кулаком по столу.— Если б раньше знал, вот этими бы руками задушил...

На дальнейшие расспросы не оставалось времени. Мысль, как всегда в минуты опасности, работала четко.

— Оля, Маруся,— сказал я,— все листовки, копирку немедленно сжечь. Уничтожить всякие следы, окурки не забудьте тоже. Если появится кто-нибудь из наших, предупреждайте, чтоб немедленно уходили в лес. Встреча на явке в Красных Партизанах. Ну, ни пуха! Придет время — свидимся.

Последние слова я говорил уже с порога. Огородами мы с Краснянским пробрались на окраину и стали быстро удаляться от города. Так закончилась наша борьба с врагом в подполье. Впереди ждала партизанская война.

ВРАГОВ НЕ СЧИТАЮТ, А БЬЮТ

Среди труднопроходимых лесов, многочисленных рощ, роскошных низменных лугов и болотных топей проложила русло тихая речка Остер. На своем извилистом пути она вбирает в себя множество мелких речушек и совсем неприметных ручейков. От русла ответвляются заливы, старицы, протоки, вперемежку с которыми встречаются заросшие камышом пойменные озера. Весной, когда снега стают, вода поднимается, заливает низины и местами стоит сплошным, протянувшимся на несколько километров морем. Возвышенные части суши поднимаются в нем одинокими живописными островами. Бездорожье вокруг — ни пройти ни проехать. Самый удобный способ передвижения в эту пору года — лодки. Человек, хорошо знающий местность, может еще пользоваться бродами. При этом ему иногда приходится идти по пояс в воде.

На одном из таких островов и нашел себе приют партизанский отряд Стратилата. Положение, в котором я застал его, наводило на не очень веселые мысли. Зимой, когда мороз делал леса сравнительно легкопрохо-

димыми, каратели выбили отряд из оборудованного лагеря, сожгли все постройки, разворотили землянки. Предатели показали им путь к складам оружия и продовольствия. Все было разграблено, вывезено. И сейчас, находясь на временной стоянке, люди жили под открытым небом, спали на голой земле. Не хватало еды. Варили мучную похлебку, не брезговали и простым подножным кормом.

Но самым страшным было то, что вот уже несколько недель отряд почти полностью бездействовал. Поражение, которое он потерпел в бою с карателями, породило уныние. Ко времени нашего с Краснянским прихода некогда большой отряд насчитывал всего около тридцати человек.

Первые дни я присматривался, готовясь к решительному разговору с командиром. За это время случилось одно радостное для меня событие. В отряд пришли Мачульский с Коноваловым. Они сообщили, что явку у Медведевой гестапо не раскрыло и именно благодаря этому им удалось добраться до нас. Остальные известия были печальны: Ломтев и Полуботько повешены, Кузуб и значительная часть группы Мачульского арестованы.

Выбрав момент, я подошел к командиру и сказал:

— Пора бы в дело, командир. Который день сижу у вас нахлебником.

— Совесть мучает? — спросил он, пристально посмотрев на меня.— Хорошо, будет тебе задание. Возьмешь группу в десять человек и пойдешь в село Колесники раздобыть продуктов. Жители там сознательные, не откажут.

И вот мы идем весенним лесом. Воздух наполнен птичьими голосами. Набухшие почки разносят вокруг дурманящий аромат, в низинках среди нежно-зеленой молодой травы бриллиантовыми россыпями белеют колонии ландышей. От радостной картины пробуждающейся к жизни природы и от сознания того, что идем на дело, настроение у всех приподнятое.

Над нашей головой где-то в высокой зеленеющей совсем еще маленькими листиками кроне раздается звонкая соловьиная трель.

— Ранний разбойник. И днем ему непокоится.

Это говорит Саша Шевырев. Молодой шахтер из Краснодона с первых дней войны стал сержантом-кавалеристом. Вместе со своим взводом конной разведки он участвовал в нескольких десятках схваток с фашистами, прошел сотни километров вражескими тылами, пока наконец с немногими уцелевшими присоединился к партизанскому отряду.

Рядом с Сашей идет Володя Богданов. Ленинградец. Тоже из окруженцев. Эти двое сразу привлекли мое внимание своей удивительной способностью никогда не унывать. Шевырев держится подчеркнуто невозмутимо. Богданов же всегда старается казаться веселым. Пожалуй, немного он переигрывает. Но поставить это ему в упрек невозможно. Его располагающая улыбка, всегда припасенная про запас шутка очень нужны были людям в то тяжелое время.

Под стать им лейтенант Гравий Костюченко. Энергичный, сильный и слегка озорной. В отряде он вместе со своим отцом Иваном Даниловичем, партизанившим еще в гражданскую.

Учитель Ярмош, Потий, Шевчук. Совсем недавно я видел их угрюмые лица, потухшие взгляды. Сейчас лица посветлели. Идем на дело!

Перед тем как выйти к селу, я остановил группу.

— Будем просить продукты у своих или возьмем их у оккупантов с боем? — спросил я.— Давайте решать серьезно. Кто живет в селе? Семьи красноармейцев. Немцы о них знаете как заботятся — последнее забирают. Те же самые продукты, да и лучшее, мы можем забрать у полицаев, со складов награбленного фашистами добра. И нам хватит, и людям поможем.

— Правильно, командир! — поддержал Шевырев.— Я лично просить не собираюсь, хоть расстреляйте меня. Драться — это другое дело, это по мне.

В село вошли, когда стемнело. Задворками добрались до здания школы, где разместилась полиция, залегли. На улице ни души, тишина. На крыльце, опершись на винтовку, сидит часовой и клюет носом.

— Разреши, командир? — шепчет Шевырев и достает нож.

Я киваю и тут же кладу руку на плечо уже готового подняться партизана. Вдали слышны голоса. Вот они

ближе, ближе. Разговаривают громко, беззаботно, смачно сдабривая речь сальными шуточками и смехом. Нет сомнения — возвращаются полицейские.

— Стрелять только по команде! — передаю по цепи.

Полицейские совсем уже рядом. Даже в темноте фигуры их видны отчетливо. Их человек десять, как и нас. По голосам слышно, что все они изрядно пьяны. Плотно прижимаю к плечу приклад десятизарядки. Выбираю мишень и вместе с командой «Огонь!» нажимаю на спуск.

Несколько полицейских падает. Остальные в панике мечутся на дороге, не понимая, откуда стреляют и куда бежать. Дверь школы раскрывается, из нее выскакивают трое полицейских. Беру одного на мушку и вижу, как рядом падает второй. Еще несколько очередей. Все кончено.

Мы забираем трофеи — винтовки, ручной пулемет, патроны, нагружаемся продуктами из полицейских запасов и спокойно уходим в лес. Среди нас ни одного раненого. Все возбуждены и рады.

В расположение отряда вернулись ночью. Рассказываем товарищам о своем успехе. Нас поздравляют, хлопают по плечам, обнимают. А утром вдруг неожиданное...

Стратилат выстраивает отряд и ровным голосом читает приказ:

— «За невыполнение задания и самовольные действия объявляю командиру отделения Бовкуну выговор. Предупреждаю, что в случае повторения подобной недисциплинированности он будет отчислен из отряда».

За что? Вижу, как становится пунцовым лицо невозмутимого Шевырева. Стараясь сдержать охватившую меня ярость, говорю:

— Не понимаю, за что выговор, товарищ командир?

Стратилат внешне совершенно спокоен.

— В приказе сказано ясно.

— Нет, мне не ясно! Задание мы выполнили, все, что было поручено, принесли. И даже больше.

— Вам приказали лишь попросить хлеба. А вы вступили в бой с полицией.

— Что ж нам, брататься с нею?

— В строю не повышают голос, вы должны знать порядок, капитан.

— Я пришел в отряд воевать, а не отсиживаться.

— Если вы будете нарушать дисциплину, вас отчислят из отряда! — Тон командира такой же размеренный. Ну и выдержка у него.

— Да я сам уйду из такого отряда!

Стратилат побледнел, голос звенит чуть жестче:

— Обезоружить Бовкуна!

Ни к кому конкретно не обращенные слова повисают в воздухе. Меня не трогают. Пошатываясь, бреду в лес, падаю на мокрую землю и лежу, словно в забытьи. Мне ничего не надо, ничего не хочется. Скорей бы нашла меня шальная пуля.

Рядом замирают осторожные шаги. Кто-то нагибается надо мной, трогает за плечо. Нехотя поворачиваю голову. Стратилат.

— Трудно, капитан? — Голос звучит мягко, доброжелательно.— Не одному тебе, мне тоже. Всем сейчас трудно.

— Так почему же вы,— взвиваюсь я,— почему же вы не начинаете активных действий против захватчиков?

— Если б я только за себя отвечал,— печально улыбнулся Стратилат,— поверь, первый бы в пекло полез. Но я же еще и за людей в ответе. Немцы ведь ничего не оставляют без последствий. Ты подумал об этом? Пришлют карательный отряд — что будем делать?

— Драться.

— У них танки, пушки, обученные солдаты. А у нас? Горсточка плохо вооруженных людей. Накроют всех, как котят мешком.

— Накроют тех, кто считает себя котенком. Я не котенок.

— Горячий ты слишком, капитан. Неужели думаешь, мне приятно отсиживаться? Придет пора — ударим по фашистам.

— Когда же, когда она придет?

— А вот станет потеплее, соберемся мы с силами, вооружимся. Красная Армия начнет немчуру гнать.

Мы с тыла на нее навалимся. И очистим нашу землю, поверь мне.

— Значит, Красная Армия воюй, а мы ожидай? Я так не могу, я тоже солдат этой армии.

— Ладно, капитан, ладно.— Стратилат решил переменить тему.— Время покажет. Ты лучше скажи, что будешь делать. Серьезно уйдешь?

— Останусь! — твердо сказал я.

Вскоре Стратилат вызвал Николая Симоненко и дал ему задание — миной, сделанной из ручной гранаты, взорвать поезд на линии Нежин—Киев. Вместе с Симоненко отправились Шевырев, Сеник, Воловик и Мирошник. Вернулись они через два дня, усталые и счастливые. Операция прошла успешно. Весь эшелон взорвать не удалось — паровоз успел проскочить. Но три вагона с фашистскими солдатами и офицерами полетели под откос.

У нашего связного из села Красные Партизаны, Клима Скотаря, был припрятан станковый пулемет. Скотарь вытянул его из болота еще осенью 41-го, разобрал, смазал и закопал в сарае. Несколько раз связной напоминал нам, чтобы забрали у него оружие. Наконец, было это уже в июле, Стратилат отправил за пулеметом группу. Возглавил ее уроженец Красных Партизан, занимавший в последний предвоенный год пост председателя носовского Осоавиахима Николай Симоненко. Вместе с ним пошли Иван Данилович Костюченко, Саша Шевырев, Жора Воловик и разбитной, отчаянный парень, которого все в отряде звали Гришей-моряком. Наверное, прозвище это пошло оттого, что он никогда — ни в жару, ни в холод — не расставался со своим старым матросским бушлатом и тельняшкой.

Путь был неблизкий, а ночь короткая. Пока добрались, откопали пулемет, наступил рассвет. Днем возвращаться было небезопасно. Решили дождаться темноты в доме двоюродной сестры Симоненко — Арины.

Бессонная ночь давала себя знать. Четверо партизан легли отдыхать. На кровати, на лавках места всем не хватило, Гриша-моряк и Шевырев растянулись прямо на полу. Симоненко занял наблюдательный пост у окна.

Село давно проснулось. Женщины выгоняли из дворов коров на пастбище, кое-где над домиками курились дымки. По дороге медленно ехал на велосипеде полицейский. Симоненко узнал Слипака, одного из тех людей, которые специально были посланы партизанами в полицию.

— Позови его в дом! — попросил Симоненко сестру.

Слипак зашел неторопливо, степенно, при виде партизан не выказал удивления.

— Выкладывай, что нового? — спросил Симоненко.

— Новости невеселые, — потрогав усы, начал полицейский,— я уже сам хотел вас разыскивать. На вас готовится облава, собираются вместе нежинская и носовская полиция. Еще и подкрепление из сел.

— Вовремя мы здесь оказались,— кивнул Симоненко.— А где собираются?

— В Носовке.

— Значит, оттуда будут и наступать.

— Откуда ж еще?

Мнимый полицейский укатил.

Часам к десяти пришла мать Симоненко, принесла его полуторагодовалую дочку. Партизан усадил девочку на колени, раскачивал, делал ей «козы» и «буки». Казалось, война отступила далеко, мир вернулся в дом, где счастливый отец играет с дочуркой, а рядом отдыхают его товарищи, уставшие после ночной работы.

Далекий звук моторов насторожил Симоненко.

— Хорошего понемногу,— сказал он, не выказывая, однако, тревоги, и, поцеловав дочурку, отдал ее бабушке.— Идите, мне тоже передохнуть надо.

— Сдавай вахту,— приподнявшись, сказал Гриша-моряк,— моя очередь стоять.

— Да брось, я не устал! — отмахнулся Николай.

— Ложись, ложись, никто из нас не железный.— Гриша легонько приподнял командира за плечи.

Симоненко больше не сопротивлялся. Лег на пол, зажмурился и тут же снова увидел смеющееся личико девочки.

— Вставайте, нас окружают!

Симоненко мигом вскочил, сон словно рукой сняло. Гриша-моряк стоял посреди комнаты и показывал на

окно. Но и без него Симоненко видел, как к дому со всех сторон, пригибаясь к земле, бегут фигуры в солдатских и полицейских мундирах.

— Гранаты к бою! — резко скомандовал он.

И тут же со двора прозвучал окрик:

— Партизаны, сдавайтесь!

Вышибленная резким ударом, слетела с петель дверь. Длинная черная тень метнулась в комнату. Костюченко выстрелил. Овчарка с воем покатилась под печь. В открывшийся проем полетели гранаты. Это работали Шевырев и Воловик.

Неожиданный отпор заставил немцев отступить. Залегли за деревьями, за сараем и оттуда вели теперь методичный огонь. Шевырев, спрятавшись за дверной притолокой, отвечал короткими очередями. Костюченко, выпрямившись во весь рост у окна, старательно прицеливался.

— Ложись! Немедленно ложись! — закричал ему Симоненко.

Но команда запоздала. Старый партизан пошатнулся, винтовка выпала из его рук. Сделав один нетвердый шаг, прислонился к стенке, обвел комнату помутившимся взглядом и, достав финский нож, отчетливо сказал:

— Бейте их, хлопцы! Они бегут! Сыну передайте, что живым я не дался.

Костюченко прижал рукоятку кинжала к стене и навалился на острие всем телом.

— За мной, вперед! — крикнул Симоненко и бросился в дверь.

Смятые неожиданным натиском, немцы и полицейские бросились наутек. Офицер с пистолетом, что-то крича, выскочил им наперерез. Беглецы на мгновение замешкались, остановились. Этого мига оказалось достаточным Шевыреву для того, чтобы занять удобную позицию и ударить из автомата теперь уже по открытым мишеням.

— Всем отходить! — приказал Симоненко.

Партизаны быстро двинулись в сторону леса.

Поспешность, впрочем, оказалась ненужной. Ошеломленные дерзким отпором, перепуганные невероятно большими для такого неравного боя потерями, немцы

и полицаи примерно четверть часа не осмеливались подходить к роковому месту. Им мерещилось, что оставленный партизанами дом все еще глядит на них дулами автоматов.

Вечером того же дня в отряд пришло несколько человек из Красных Партизан, была среди них и Арина Симоненко. Они рассказали, что после боя в село нагрянули полицейские и забрали сто заложников.

Стратилат ходил чернее ночи.

— Вот чем оборачивается необдуманное лихачество, капитан! — сказал он мне.— Чем мы оправдаемся за невинную кровь?

— Оправдаемся, если отомстим! — ответил я.

Внимательно прочитайте дальнейшие строки, дорогие мои юные друзья. Я хочу поделиться с вами, может быть, самым главным своим жизненным выводом. Везде, всегда и во всем будьте борцами. Везде, всегда и во всем стойте за правду.

Я уже немолодой человек. Нелегкой и неровной была моя жизненная дорога. И если до сих пор я могу честно и прямо смотреть в глаза людям, если чувствую в себе еще силы, жажду жизни, жажду работы, то только потому, что всегда шел прямой дорогой, не изменял нашим идеалам и не изменял себе.

Само по себе зло не так уж сильно. Но стоит чуть дрогнуть, поступиться ему хоть немногим — вмиг оно выпустит свои щупальца, схватит мертвой хваткой, сдавит так, что не сможешь дышать, парализует нервы, волю, превратит в своего раба. Зло трусливо. Оно всегда основано на эгоизме, на страхе, неоткуда ему брать силы. А тот, кто стоит за правду, за достоинство человека, постоянно черпает их из неиссякаемых источников.

Пусть ты кажешься себе малым, слабым, пусть противоборствующие тебе силы вырастают в воображении до фантастических размеров. Не сдавайся! Борись! Ты услышишь, как на твой голос откликаются сотни других, почувствуешь, как в борьбе крепнут, удесятеряются твои собственные силы. Счастливо ли преодолеешь все препятствия или погибнешь героем — знай, правое дело, за которое ты сражался, всегда восторжествует.

Нелегко далась нашему народу победа в войне. Она завоевана ценой неисчислимых жертв, страданий. Но тем дороже, тем святее она для нас.

Весь мой опыт партизанской войны утверждает, что была она для нас тем успешнее, чем смелее, настойчивее, целеустремленнее мы сражались. Были в этой войне поражения, потери. Но как ни удивительно это покажется на первый взгляд, даже после них мы становились сильнее. На место десяти павших бойцов появлялись сотни новых. Люди шли к нам, потому что видели в нас действенную силу, понимали: за нами правда.

Если же где-то враг не получал немедленного отпора, то сразу же поднимал голову, еще больше наглел. И потери, и жертвы были при этом еще страшнее. Покорность, неуверенность в себе не останавливает зло, наоборот, позволяет ему разрастись. Остановить его может только сила. Сто крат прав был Суворов, когда говорил, что на войне «врагов не считают — их бьют».

Вскоре после описанных событий Стратилат, посчитав, что дальнейшая партизанская борьба не оправдана, принял решение отходить к линии фронта и соединиться с Красной Армией.

Шли лесом, ночами. Где точно фронт, сколько до него добираться, никто толком не знал. От постоянного недоедания, бессонных ночей, переходов по болотам и чащам люди вымотались, бездействие родило неуверенность. В таком состоянии отряд вряд ли мог оказать серьезное сопротивление врагу. А ведь люди в нем были замечательные. Я вспомнил, как четверо наших бойцов опрокинули в Красных Партизанах около полусотни жандармов и полицаев. Разве они не доказали, что мы можем драться? Зачем мы отходим, почему?

Сравнительно долгое время нам удавалось избегать встречи с оккупантами. Но где-то она должна была произойти. И случилась в самый неблагоприятный для нас момент.

Возле села Гусовка в Березнянском районе мы вынуждены были остановиться на дневку в небольшом лесу. Половина легла отдыхать, остальные занимались приготовлением скудного завтрака.

— Немцы, немцы! — закричал часовой.

Мы вскочили, схватились за оружие и увидели, как в пятидесяти метрах от нас по лесу идут цепью зеленые мундиры. Затрещали выстрелы. Мы сражались разрозненными группами, кого где застало нападение. Так же маленькими группами стали отходить. О том, чтобы держать организованную оборону не могло быть и речи.

ОТРЯД СОБИРАЕТСЯ

Нам вчетвером удалось добраться до камышей. Углубившись в них метров на двадцать, залегли. Когда приблизились немцы, бросили гранаты. Разрывы отбили у карателей охоту преследовать нас дальше. Покричав и постреляв наугад, они ушли. Мы дождались в укрытии темноты, потом вышли на место боя. Как было условлено, дали два выстрела. Никто не ответил. После короткого совещания решили возвращаться. Ни у кого не оставалось желания пробираться к далекой, неизвестно где проходящей линии фронта. Врага можно бить и здесь, в его тылу.

Переправившись через Десну, расположились на отдых. Разожгли в ямке небольшой костер, пекли выкопанную в поле картошку.

— Который час, не скажете? — прозвучал внезапно надо мною звонкий голос.— Часы с утра стали, беда прямо...

Я пружинисто вскочил. Прямо передо мной стоял Володя Богданов и широко улыбался.

— Володька, черт! — обрадованно крикнул я.

— Собственной персоной с пятью сотоварищами.

Из темноты к нам подошли Шевырев, Ярмош, Григорьев, Дмитриенко и Татьяна Каленик.

— Живые, смотрите, все живые! — обрадованно хлопал себя по коленям Мирошник.

— А ты думал, что теперь в лесу только покойники

бродят? — с легкой насмешкой заметил Богданов.— Посмотри на Сашу, похож он на покойника?

Шевырев выглядел действительно великолепно. Казалось, изнурительные переходы, лишения последнего месяца никак не сказались на нем. Он оставался таким же подтянутым, аккуратным и невозмутимым.

— Значит, нас стало десятеро,— сказал я.— А что со Стратилатом, не знаешь?

Ничего определенного никто сообщить не мог.

Бой под Гусовкой дорого обошелся отряду. Погибли Федор Бибик, Иван Радзин, Сергей Марченко, Наташа Боровик. Многие были ранены, среди них и Краснянский. Возвращаться на старые места он не захотел, вместе с группой партизан отправился дальше к фронту.

Капитан добился своего. Потом мне рассказывали, что после освобождения Нежина он появился в городе. Грудь в орденах, на погонах майорские звездочки. Заходил к сестрам Ольге Медведевой и Марфе Степуре, расспрашивал о нас. Через день вместе с частью ушел дальше на запад. Встретиться нам не удалось. Гвардии майор Петр Краснянский погиб, освобождая болгарскую землю.

Никто не мог рассказать и о судьбе Володи Мачульского. Значительно позднее мне сообщили товарищи по оружию, что он прошел дорогами войны до Берлина, после чего сменил офицерский мундир на фрак артиста.

Решили идти в Бобровицкий район, чтобы соединиться с находящимся там партизанским отрядом Бабини.

Разыскать его удалось довольно быстро и неожиданно легко. Пробираясь глухими лесными тропами, мы вышли на поляну, на которой отдыхала небольшая группа людей. Дымился костер, в черном от сажи и копоти котелке варилась каша. Простоволосая девушка в теплой стеганой фуфайке, присев на корточки, помешивала кашу деревянной ложкой. Четверо партизан, приспособив вместо стола перевернутый вверх дном ящик, резались в подкидного. Еще трое лежали на траве. Рядом, прислоненные к дереву, стояли винтовки. Возле играющих и вовсе не видно было оружия. Нигде никакого намека на охранные посты.

Такая беспечность неприятно поразила меня.

— Кто такие? — резко спросил я, беря на изготовку свою десятизарядку.

— А вы кто? — угрюмо отозвался один из играющих.

— Да это ж свои,— услышал я внезапно знакомый голос.

Обернулся. Из шалаша вылезал Симоненко.

— Николай, ты?

— Как видишь.

— Что ты здесь делаешь?

— Загораю.— В голосе Симоненко слышалось откровенное недовольство.— А вы каким ветром?

— Решили вернуться, ищем отряд Бабини.

— Значит, пришли по назначению,— усмехнулся Симоненко и заглянул в шалаш.— Командир, к тебе.

Из шалаша показался высокий, плотный человек. Слегка потянувшись и расправив гимнастерку, спросил начальственным баском:

— Какое у вас ко мне дело?

— Мы из отряда Стратилата, недавно вышли из боя...

— Знаю,— оборвал Бабиня,— а дальше?

— Что дальше? — удивился я.— Принимайте под свою команду.

— Это невозможно.

— Почему?

— У нас свои задачи и докладывать вам о них я не собираюсь.

— По-моему, ты не прав,— услышали мы вдруг уверенный голос. Говорил пожилой мужчина, как оказалось, комиссар отряда Порфирий Кихтенко, партизанивший еще в гражданскую. Он выбрался из шалаша следом за Симоненко и Бабиней. — Люди хотят бороться с врагом, какое право имеем мы отказывать им?

— Для партизанской войны большие отряды не годятся. Они громоздки и потому не маневренны,— стоял на своем Бабиня.

— Не маневренны? — взорвался Симоненко.— Да о какой маневренности ты говоришь? Сидим здесь, как кроты в норе.

— Потому и сидим, что нас немного,— сказал Бабиня.— Надо будет, сумеем быстро уйти. Ты припомни, мы за все время хоть одного человека потеряли? Нет. А будет здесь целый табор — всех перебьют, как цыплят.

— Будет нас много, не нам немцев бояться придется, а им нас,— не сдавался Кихтенко.— Как комиссар отряда и коммунист я категорически настаиваю на том, чтобы принять пополнение. Моя воля подчиняется моей совести. И сейчас она приказывает мне быть с теми людьми, которые хотят сражаться с врагом. Ясно? Если ты не примешь в отряд людей, я уйду с ними.

— Золотые слова, комиссар! — подхватил Симоненко.— Я тоже с тобой.

Следом за ними к нам присоединился Павел Сеник и Оксана Коробка, девушка, варившая кашу.

Теперь нас стало четырнадцать: двенадцать мужчин и две девушки. Нам не хватало оружия, мы не были обеспечены продовольствием, но мы хотели действовать.

В тот же день у нас состоялось первое собрание. Я был избран командиром отряда, а Порфирий Федорович Кихтенко — комиссаром.

Кое-как поужинав имеющимися небогатыми запасами, мы расположились на ночлег. Никто не унывал.

Утром, когда рассвет только еще занимался, меня разбудил Дмитриенко.

— Товарищ командир, неподалеку в стогах ночуют какие-то люди.

— Сколько их?

— Точно не знаю, как будто человек пять-шесть.

— Возьми двух бойцов и узнай точно.

Три фигуры исчезли в предрассветном тумане. Вместе с Шевыревым и Сеником мы подготовили к бою ручной пулемет и залегли в ожидании. Не прошло и десяти минут, как в тумане снова замаячили фигуры людей. Теперь их было больше — Шевырев насчитал девять человек. Идут без опаски во весь рост. Передний срывает шапку, машет ею.

— Выходите встречать гостей!

Это Дмитриенко.

Поднимаемся, идем навстречу. Один из приближаю-

щихся кажется удивительно знакомым. Высокий, несколько сутулый, с размашистой походкой. Неужели Стратилат? И тут же слышу его голос.

Новых сведений группа Стратилата не принесла. Так же, как и наша, она с трудом отбилась от немцев и ушла болотистыми зарослями. Идти к фронту больше охотников не было.

С Михаилом Ивановичем мы проговорили все утро. Он придерживался прежней точки зрения.

— Под Гусовкой мы получили хороший урок,— говорил,— нужно быть осмотрительнее.

— Нет, нужно быть решительнее,— настаивал я.

— Решительнее — согласен. Но и осторожнее.

Наши пути расходились. Стратилат предложил бывшим бойцам своего отряда перейти в его подчинение. После короткого совещания за ним последовали Николай Симоненко, Василий Ярмош и Гавриил Мирошник. К нам перешел Дмитрий Дзюба. Пожелав друг другу успеха, мы расстались.

Вскоре после того, как группа Стратилата покинула нас, стоявший на посту Григорьев привел в отряд незнакомую девушку. Босая, легко одетая для ночных путешествий по лесу, она робко переминалась с ноги на ногу, не зная, что отвечать на вопросы. Подошла Оксана Коробка.

— Маша! Ты как сюда попала?

Оказалось, обе они из села Плоское, учились в одной школе. Неделю назад Машу Калашникову вместе с другими юношами и девушками полицаи пригнали на работу в Платоновку. Там они триеровали зерно, предназначенное для отправки в Германию. Поработав несколько дней, по одному, по двое стали разбегаться. В ту ночь удрала и Маша, теперь пробиралась домой.

— А охрана ваша что же, ворон ловила? — спросил Саша Шевырев.

— Им не до нас,—быстро заговорила Маша.—У них там еще пленные красноармейцы есть.

— Много пленных? — поинтересовался я.

— Точно сказать не могу, нас близко не подпускали. Наверное, человек пятьдесят будет. Ох как над ними издеваются! Чуть что — прикладами.

— А полицейских много?

— Кто ж их знает? Может, человек пятнадцать.

Огнем вспыхнули глаза Саши Шевырева. В уголках тонких губ Володи Богданова промелькнула довольная улыбка, на бледных щеках Павла Сеника запульсировали желваки.

— Ясна задача, ребята? — спросил я.

— Тут и советоваться нечего,— вспыхнул Шевырев.— Грош нам цена, если мы испугаемся паршивых полицаев и не освободим своих.

— Верно,— кивнул Кихтенко,— командиру нужно было просто узнать ваше мнение.

— Мнение? — удивленно посмотрел на товарищей Богданов.— Разве здесь еще могут быть мнения?

— Иного от вас и не ожидал,— заключил я.— Придется тебе, Маша, снова вернуться в Платоновку, поведешь наш отряд. А пока расскажи подробно, где держат пленных, как охраняют.

В село пошли, разбившись на три группы. Кихтенко и Шевырев, каждый с тремя бойцами, зашли с флангов, а я с Богдановым, Григорьевым и Сеником направились прямо на хозяйственный двор. Вокруг ни души. Тишина нас насторожила: уж не приготовлена ли нам засада?

Внезапно от стены отделился силуэт в темной форме полицейского.

— Кто тут шляется? — послышался деланно строгий окрик.

— Свои,— без заминки отозвался я. — У меня пакет пану начальнику. Ты не можешь проводить к нему?

— Буду я каждого провожать! — буркнул полицейский.— Я на посту, не видишь?

— Вижу, вижу,— говорю я, подхожу к часовому и упираю ему в грудь ствол пистолета.

Сеник выхватывает у него винтовку.

В готовых вылезти из орбит глазах полицейского застыл ужас, изо рта вырывается приглушенное мычание.

— Тихо, тихо, дядя, если хочешь жить,— шепчу я, держа пистолет у его груди.— Тебя как зовут?

— Ми... м-ми,— снова мычит полицейский.

Володя Богданов не выдерживает, прыскает в кулак, потом говорит:

— Совсем от страха обалдел, а с виду ничего, на мясокомбинат сгодится... Ты вот что, дядя, попробуй открывать рот и шевелить языком, может, что-нибудь получится. Ну, давай, как тебя зовут?

— М-м... Митро.

— Ага, Митя, значит. Умница, Митя,— не унимается Богданов,— видишь, ты уже научился говорить.

Эта сцена меня невольно забавляла. Однако сейчас было не до шуток.

— Митя,— говорю как можно спокойнее,— ничто твоей жизни не угрожает. Только слушай, что тебе говорят.

— Я буду слушаться.

— Вот и хорошо. Сколько вас в селе?

— Тринадцать душ.

— Так, молодец. А где они?

— Шестеро в хате спят, четверо сторожат барак с пленными, по одному у свинарника и у конюшни.

— Смотрите, он и арифметику знает,— снова не выдерживает Богданов.

— Отставить смешки! — уже строго распоряжаюсь я.— Ты, Митя, веди нас прямо к бараку. Если будут спрашивать кто, отвечай, что свои, с пакетом к начальнику. Уверенно отвечай, иначе стреляю. Понял?

— Все понял,— испуганно лепечет полицейский.

Направляемся к бараку.

— Кто идет? А ну стой! — слышим, как щелкает затвор.

— Это я, Митро,— отвечает «наш» полицейский.— Тут хлопцы с пакетом к начальнику.

— Шляются по ночам, — звучит недовольный голос. — Буду я сейчас начальника будить им, как же!..

Внезапно голос обрывается. Это Володя Богданов приставил к горлу полицейского нож.

— Что там, Андрей? — раздается из темноты. К нам приближаются еще три фигуры и с удивлением обнаруживают, что взяты на прицел автомата.

— Спокойно, без паники,— командую я.

С двух сторон к нам подходят группы Кихтенко и

Шевырева. Несколько минут — и полицейские лежат связанные с кляпами во рту.

Григорьев открывает тяжелый висячий замок на дверях барака. Входим, присвечиваем фонариком. На земляном полу в два ряда лежат люди. Худые, ввалившиеся глаза, не тела — скелеты. Наше появление не вызывает у них никаких эмоций. Лишь один осторожно поворачивает в сторону дверей голову, снова опускает ее, стараясь прикрыть лицо полой рваной куртки. Приготовленные заранее слова: «Товарищи, выходите, вы свободны!» — замирают у меня на губах. Нет, так их не поднимешь, люди совершенно подавленны.

Командую громко, по-военному:

— Вста-ать!

Это действует. Пленные нестройно, но довольно быстро поднимаются.

Не даю им прийти в себя:

— В шеренгу по два стано-вись! Рав-няйсь!

Пленные строятся.

— Кто умеет обращаться с лошадьми — два шага вперед!

Из строя вышло человек пятнадцать.

— Товарищ комиссар,— обращаюсь к Кихтенко,— возьмите с собой бойца Коробку и вместе с этими людьми идите на конюшню готовить подводы. Задание ясно?

— Ясно,— четко откликается Кихтенко.— Айда, хлопцы, к конюшне.

— Ты, Павел Васильевич,— обращаюсь уже к Сенику,— с Таней останешься здесь. Остальные со мной.

Послушный Митро привел нас к дому, где спали полицейские. Долго не мог достучаться. Наконец из-за дверей послышался хриплый голос:

— Кого тут нелегкая носит?

— Пакет господину начальнику,— ответил Митро,— очень срочно.

Заскрипели запоры, показалась взлохмаченная голова. Тут же сильные руки схватили полицая за горло. Бесшумно мы проскользнули в сени. Ударом ноги я распахнул двери в комнату и властно приказал:

— Руки вверх! Не двигаться!

Луч фонарика высветил массивный обшарпанный стол посреди комнаты. На нем засохшие объедки, поч-

ти пустая бутыль самогона. Полицейские лежали в нижнем белье на расставленных у стен кроватях. Четверо неуклюже поднялись, один не шелохнулся.

— Ты что, не слышишь? — подскочил к нему Григорьев и ткнул в бок дулом винтовки.

Полицейский, пошатываясь, поднялся, сделал шаг к столу и тут только заметил незнакомых вооруженных людей. Он провел рукой по глазам, словно пытался отогнать кошмарное видение.

Все шестеро были связаны.

— Ну и вояки,— злорадствовал Богданов.— С такими просто скучно, хоть бы один выстрел пришлось сделать.

Как бы в опровержение этих слов со стороны конюшни раздался выстрел.

Оставив двух человек в охране, мы бросились туда. По приказу Кихтенко пленные выводили лошадей и запрягали их в подводы. Лишь Оксана Коробка стояла, прислонясь к дверному косяку. Глаза ее были устремлены в одну точку, опущенные бессильно руки держали карабин. Я проследил за ее взглядом и увидел в углу неподвижную скорчившуюся фигуру полицейского.

— Не обращай внимания, командир,— сказал Кихтенко, — только что девочка прошла боевое крещение.

Когда подводы были готовы, я собрал всех людей у барака. Полицейских водворили на место пленных, заперли.

— Теперь к складам,— распорядился я,— выносите и грузите на подводы все, что можно, нечего фашистам оставлять. Только предупреждаю, товарищи,— обвел взглядом освобожденных красноармейцев,— на еду не набрасываться. Вы изголодались, понимаю, но именно потому вам и опасно сразу наедаться.

Через час во главе обоза из пятнадцати тяжело нагруженных подвод мы двинулись к лесу.

Отойдя четыре километра от села, я остановил группу, построил.

— Как, товарищи,—сказал, обращаясь к недавним пленным,— поняли, кто мы такие?

— Партизаны! — дружно откликнулись несколько голосов.

— Хотите сражаться вместе с нами или будете прятаться по норам?

— С вами, с вами! — снова прозвучал нестройный хор.

Молодой белобрысый боец выступил из строя, встал по команде смирно:

— Рядовой Белоусов. Разрешите вопрос, товарищ командир?

— Говорите.

— Как будет с оружием?

— Разве вы в подразделении не получали оружия? — жестко спросил я.

— Получал.

— Где же оно?

— Я дрался до последнего. Но вы ж знаете, там было такое...

— Вы оставили свое оружие врагу,— безжалостно оборвал я.— Теперь ваша задача взять его у врага. Ясно?

— Ясно.

— На этом все. Кто хочет, может следовать за нами, кто не хочет — свободен.

Тридцать девять человек пошли за отрядом. Двое, согнувшись и пряча взгляд, свернули в сторону.

В нашем распоряжении были примерно сутки спокойного времени. До утра полицейские пролежат в бараке. Пока их освободят, пока они очухаются, сообщат немцам и те соберут карательный отряд, настанет вечер. Ночью немцы в лес не сунутся. Значит, преследования можно ожидать не раньше следующего утра. Этого вполне хватит, чтобы создать в лесу продовольственные базы и перебраться в другой район.

Весь день мы рыли ямы, прятали в них добытое продовольствие, тщательно маскировали. Я тем временем переписал всех бойцов пополнения: имена, фамилии, партийность, воинское звание. Теперь в моем распоряжении было уже пятьдесят человек. По сравнению с тем, как мы начали,— сила.

Вечером собрали собрание. Среди нас было девять коммунистов и двадцать комсомольцев. Секретарем партийной организации избрали Михаила Григорьевича Гонту, комсомольцы назвали своим вожаком Володю

Богданова. Отряд разделили на два взвода. Командиром первого был назначен Шевырев, второго — Григорьев, начальником штаба стал Сеник.

— Продовольствием на ближайшее время мы обеспечены,— сказал я в заключительном слове.

— Ого, на таких харчах можно до самого Берлина дотопать! — не удержался Володя Богданов.

На этот раз, однако, шутка не вызвала одобрения.

— Боец Богданов, не перебивайте, — продолжал я. — До Берлина мы дойдем. А пока будем бить врага здесь. И для этого нам в первую очередь необходимо оружие. Добудем его в бою. Для безопасности нам нужно передислоцироваться. Сразу после собрания выступаем. Отдыхать будем потом.

ПРАВДА НА ВСЕХ ОДНА

В Нежине, Носовке появились вражеские части. Одновременно туда потянулись полицейские из Козельца, Олишевки, Кобыжчи, Бобровицы, окрестных сел. Было совершенно очевидно, что против нас готовится крупная операция. Иначе незачем было бы немцам сосредоточивать силы так далеко от фронта.

Две группы по три человека вышли в разведку. Нужно было узнать, где находятся основные силы, откуда и когда ждать удара.

Начальник штаба капитан Сеник вместе с Невинским и Кабанцом отправились в районный центр Носовку. С мальчишеских лет он знал там каждый закоулок, знакомы были ему и большинство жителей. От них надеялся получить основные сведения, а что удастся, посмотреть своими глазами.

Было темно, шли не таясь. В ночную пору немцы и тем более полицаи не любили показываться на дорогах. Вот уже видна окраина поселка, колхозный ток.

— Стой, кто идет! — Окрик прозвучал примерно в пятидесяти метрах.

— Свои! — как когда-то, ответил Сеник.— Сейчас увидишь.

— Пароль!

Это было полной неожиданностью.

— К оврагу бегом! — шепнул Сеник.

Разведчики метнулись в сторону, и тут же пулеметная очередь бросила их на землю.

Невинский и Кабанец успели добежать до дерева, залегли за толстым стволом, стали отстреливаться.

Сенику, повернувшему последним, пришлось упасть на открытом месте. Пока враги его не видели, он был в безопасности. Но сколько так могло продолжаться?

Над головой свистели пули. К пулемету присоединилось еще несколько автоматов, били длинными очередями. Явно стреляли не одни полицейские.

«Как неосторожно! — ругал себя в душе капитан.— Сам влип, людей под огонь поставил. Если б знать, что они выставят такие посты! Раньше ничего подобного не было».

Эти мысли пронеслись в голове в течение секунды. Сеник дослал в затвор патрон и выстрелил по невидимому противнику. Новая очередь заставила его втиснуться в мокрый песок. Пули ложились совсем рядом, он чувствовал, как тело обдали земляные фонтанчики.

«Здесь не продержаться»,— мелькнуло в голове.

На мгновение наступила тишина.

— Партизаны, сдавайтесь! — послышалось с той стороны, где находился вражеский пост.

Сеник вскочил, громадными прыжками, виляя из стороны в сторону, бросился к дереву, за которым скрывались его бойцы.

Снова затрещали выстрелы.

«Пронесло, — облегченно подумал Сеник, с размаху падая на землю рядом с товарищами,— теперь уйдем». И в этот миг почувствовал, как ноги ниже колен обожгло болью.

«Ничего,— успокоил себя,— кость не задета, до оврага добегу, дальше фашисты не сунутся».

Сеник лег удобнее, попробовал слегка подтянуть ноги и едва не вскрикнул от боли.

«Худо дело,— подумал с тоской,— это, видно, конец. Не может быть, так глупо».

Голень под сапогом окутывало чем-то теплым. «Кровь»,— догадался Сеник. И тут же увидел, как впереди поднялась фигура с автоматом, быстро пробежала метров десять в сторону, плюхнулась на землю. За ней последовала вторая.

— Товарищ командир, немцы обходят! — услышал рядом голос Невинского.

— Вижу.— Слова бойца заставили забыть о ране.— Отползайте к оврагу, я прикрою.

— А вы? — спросил Невинский.

— Не задавай вопросов. Приказываю отползать! Ясно?

— Ясно,— упрямо сказал Невинский,— только прикрывать буду я.

— Приказы не обсуждают! — резко проговорил Сеник.

Бойцы промолчали, но не двинулись с места.

«Хорошие ребята...— Теплый тугой комок подкатил к горлу капитана.— Пропадут ни за что, из-за меня пропадут».

— Поймите,— сказал он,— мне все равно не уйти— ноги.

— Значит, будем драться вместе,— заключил Кабанец и выстрелил по бегущему врагу.

В ответ усилился огонь автоматов. Стрелки залегли совсем близко, метрах в тридцати.

Слегка приподнявшись, Кабанец бросил на звук гранату. Следом за разрывом наступила мгновенная тишина, потом снова треск выстрелов. Автоматы били теперь из разных мест, сектор охвата расширился.

Сеник отчетливо понял, что еще совсем немного и за ними захлопнется западня, и уже никому не удастся выбраться. Нужно было немедля, сейчас принимать единственное решение.

— Немедленно в овраг! — снова крикнул он.— Передайте командиру, что немцы сосредоточиваются в Носовке.— С этими словами он приставил к виску пистолет и нажал спуск.

Невинский с Кабанцом поползли к оврагу, сбежали пологим склоном и скрылись в частоколе деревьев.

Немцы и полицаи обступили Сеника. Унтер-офицер брезгливо ткнул носком сапога неподвижное тело.

— Мертвый бандит,— равнодушно проговорил он, ни к кому не обращаясь.

— Да это ж Сеник! — удивленно воскликнул молодой полицейский, всмотревшись в убитого партизана.

— Какой Сеник? — строго спросил начальник полиции Тимко.

— Да из наших он.

— Что значит из наших? — Голос Тимко звучал грозно.— Ты соображаешь, что говоришь?

— Да я не то имел в виду... Из носовских он.

Молодой полицай нагнулся над капитаном, приложил ухо к груди.

— Живой,— сказал он,— сердце бьется.

— Живой? А ну приведи его в чувство.

Полицай затряс Сеника за плечи, потом ударил несколько раз по щекам.

— Что он делает? — спросил по-немецки унтер-офицер.

— Господин офицер,— подскочил к нему Тимко,— этот человек не убит. Он только ранен или притворяется.

— Надо узнать, кто такой.

— Уже знаем. Этот бандит из местных.

— Семья есть? — спросил унтер.

— Родные его где? — перевел Тимко и вызверился на молодого полицая.

— Здесь живут.

— Есть семья, господин офицер,— подхватил Тимко.

— Нужно всех забрать! — скомандовал немец.

Капитан был без сознания. Он не слышал и не чувствовал, как его подхватили под руки, бросили на подводу, потом трясли по разбитой, ухабистой дороге. Не видел, как из дома, где жили его родные, выволокли двух стариков, молодую женщину с ребенком. Как и полицаи, не заметил он притаившуюся за сараем девушку — свою семнадцатилетнюю племянницу Галю Данилко.

— Вот ваш выродок, любуйтесь! — кричал Тимко, заталкивая родных капитана в повозку.

Потом все направились в гестапо.

Лощеный офицер, выслушав пространный доклад Тимко, сказал возмущенно:

— Вы с ума сошли! Раненого нужно непременно спасти. Понимаете, как нам сейчас нужны точные сведения о партизанах!

Сеник очнулся в больничной палате. Прямо над собой он увидел мужчину в белом медицинском халате, белой шапочке. В руках у него поблескивал шприц.

«Как же я сюда попал и где я?» — силился вспомнить капитан.

Мужчина что-то сказал по-немецки.

И тут же до сознания долетели новые слова. С другой стороны постели сидели гестаповский офицер и Тимко.

— Очухался, вот и хорошо,— говорил полицай.— Не волнуйся, мы тебя вылечим. А пока ты должен ответить на наши вопросы. Совсем немного. Сколько в отряде партизан, где они находятся и как вооружены. Понятно?

«Торопятся, видно, сильно,— догадался Сеник,— если так сразу начинают».

Он вспомнил, как нелепо наткнулся на пост, как был ранен, как стрелял в себя.

«Я должен быть мертвым, — подумал он. — Как же так получилось? Выходит, не судьба. Ребята, наверное, ушли. Или...»

Он тревожно обвел комнату глазами.

— Ты находишься в немецкой больнице,— объяснил Тимко, по-своему истолковав его взгляд. — Здесь тебе ничто не угрожает. Здесь хорошие врачи и еда. Нужно только говорить.

«Что он хочет? — с досадой подумал Сеник.— Неужели ничего не понимает?»

— Ну,— не умолкал полицейский,— рассказывай. Скажешь правду — будешь жить.

— Если скажу, не буду, — тихо проговорил Сеник.

— Будешь, будешь! — горячился Тимко.— Ты бо-

ишься мести партизан? Ничего, мы тебя защитим. Если захочешь — уедешь в Германию.

— Я не боюсь.

— Тогда чего же ты молчишь? Говори, говори правду.

— Хочешь правды? — Губы Сеника слегка скривились.— Слушай. Мне дорога моя жизнь, и именно потому ты от меня ничего не узнаешь. Двадцать восемь лет я прожил честно и не хочу перечеркнуть их одной минутой малодушия. У предателей нет жизни. Вот в чем правда. Одна она, другой не существует. И ты, немецкий прислужник, что продал свою страну, уже труп.

Тимко побагровел.

— Это тебе так не пройдет! — прошипел, задыхаясь.

— Что он сказал? — спросил немец.

Тимко перевел, опустив то, что было сказано про него.

— Этот дурак думает, что делает большое дело, — пожал плечами офицер. — Ему же будет хуже, объясни.

Тимко резко дернул больную ногу капитана.

— Морщишься, больно? Будет хуже. У нас не такие, как ты, начинали канарейками петь. Лучше признавайся сразу.

Сеник собрался с силами, сел, рванул на голове повязку и потерял сознание.

— Большевистский фанатик,— презрительно скривился офицер.— С такими возиться бесполезно, я эту породу знаю. Можете с ним кончать.

И он вышел из палаты.

— Теперь ты мне за все ответишь! — заревел Тимко и принялся бить капитана кулаками.

Он позвал двух полицейских. Они подхватили Сеника за ноги и поволокли по коридору.

НА ОПЕРЕЖЕНИЕ

Весть о гибели Сеника, которую принесли в отряд к утру Невинский и Кабанец, оглушила меня. Не хотелось верить, что так нелепо погиб наш товарищ, опытный боевой командир.

Днем в отряд прибежала Галя Данилко. То, что она рассказала, отозвалось в сердце болью и гневом.

Собрал командиров взводов.

— Враг сосредоточивает силы в Носовке, через день-два выступит. Какие будут предложения?

— Времени достаточно, чтобы уйти,— сказал рассудительно Григорьев.— Пусть прочесывают пустое место.

— Уйти всегда успеем,— немного подумав, отозвался Шевырев.— А что, если самим напасть? Они готовятся на нас идти, а мы на них, первыми.

— Надо все же быть серьезнее.— Кихтенко говорил спокойно, но в голосе чувствовалась легкая укоризна.— У немцев танки, пушки, их не меньше чем пять человек на каждого из нас. А мы — атаковать.

— Но если учитывать внезапность нападения,— не сдавался Шевырев,— силы не так уж и неравны.

— Пожалуй, комиссар, это мысль,— заметил я.

Кихтенко посмотрел на меня с удивлением.

— Ну, знаешь, от тебя такого не ожидал. Ты ведь опытный командир, прекрасно должен все понимать.

— Мы говорили недавно о том, что на станции Бобровица много оружия,— продолжал я,— что там уже почти сформирован эшелон с советскими людьми для отправки в неволю. Вот и настал удобный момент, чтоб напасть на станцию. Немцы хотят выступить против нас в одном месте, а мы атакуем их в другом. Будем действовать на опережение. Это спутает им все карты.

К вечеру я позаботился о том, чтобы охрана лагеря была усилена, а сам вместе со взводом Шевырева и половиной взвода Григорьева направился к станции.

Погода была слякотная, противная, но для нас благоприятная. В такую легче укрыться, меньше опасности наскочить на засаду или патруль.

На шоссе послышался шум мотора. Свет фар выхватил из темноты мелкие серебристые грозди падающих капель. Пустой грузовик. Конечно же, это удача.

Притаились за деревьями. Когда машина проносилась рядом с нами, ударили короткой очередью по ветровому стеклу. Скрип тормозов, машина, вильнув в сторону, останавливается. Тотчас подбегаем к ней. Кто-то резко дергает дверь кабины — на шоссе вываливается мертвый немецкий солдат. Водитель смотрит на нас расширенными глазами, рук с баранки не снимает.

— Вылезай!

Молодой, одетый в гражданское водитель медленно выходит, мнет в руках пилотку.

— Ты что, русский?

— Украинец.

— А работаешь на немцев! — Шевырев говорит зло.— Как же так? Шлепнуть бы тебя.

— Да разве я по своей воле? Я ж пленный, из окружения.

— Мы тоже из окружения. Однако воюем.

— И я с вами, всей душой.

— Это хорошо,— сказал я.— А теперь проверь мотор, не поврежден ли.

Водитель нагнулся над капотом, осмотрел его со всех сторон.

— Все в порядке, даже царапины нет.

— Горючего достаточно?

— Полный бак, только что на станции заправился.

— Переодевайся! — показываю Белоусову на убитого солдата.

Он сразу понял и через несколько минут был уже во вражеской форме.

— Поворачивай обратно,— говорю шоферу.— На станцию. В машину, хлопцы!

Дорога никудышная. Но водитель ведет машину уверенно, скорость довольно высокая. Чувствуется опытная рука.

— Скоро станция, меньше километра осталось,— говорит Иваницкий. Места эти он знает прекрасно и, наверное, смог бы ориентироваться даже в абсолютной темноте.

Стучу по кабине, показываю водителю, чтобы свернул в сторону. Клюнув носом, машина сползает за обочину, останавливается. Мы спешиваемся. Оставляю возле машины двух партизан.

— Держи машину в полной готовности! — говорю шоферу.— Каждую минуту может понадобиться.

— Есть держать в полной готовности! — отвечает он и неожиданно щелкает каблуками.

Идем быстрым шагом. Холодные капли текут по лицу, сползают за воротник. Под ногами чавкает жидкая глина. Нервы наши напряжены, непогода нас беспокоит меньше всего.

Уже видны нечеткие контуры вокзала. У входа горит подслеповатый фонарь. Возле него неторопливо прохаживается часовой. Дальше темнеет расплывчатый силуэт водокачки и ярко светится зеленый глазок семафора.

— Шевырев с первым отделением на водокачку. Дешко со вторым — на склад сена. Пароль «Фома» — отзыв «Макар». Это на тот случай, чтобы в суматохе не стрелять в своих. Все. Выполняйте задачу.

Два отделения бесшумно скрываются в темноте.

Подзываю Белоусова, шепчу ему несколько слов. Он кивает и направляется к станции. Часовой ходит все так же размеренно. Приближающийся немецкий солдат не кажется ему подозрительным. Белоусов уже рядом с ним, останавливается на мгновение, потом бросается на врага, подминает его.

Во весь дух мчимся к вокзалу. Врываемся в темный коридор. Толкаю одну дверь — пусто, другую — за столом, на скамейках у стен, сидят несколько немцев. На лицах изумление, испуг. В комнату летит граната — ее метнул кто-то из моих ребят, кажется Потемкин. Прыгаю в сторону, прижимаюсь к стене. Взрыв, звон разбитого стекла, крики, стоны.

По лестнице стучат сапоги. Застигнутые врасплох гитлеровцы ищут спасения на втором этаже. Там у них казарма. Не даем им опомниться, преследуем по пятам.

Стреляя на ходу из винтовок, автоматов, вбегаем в комнату с двумя аккуратными рядами железных кроватей. Враги ошеломлены, не сопротивляются. Несколько человек в нижнем белье бросаются к окнам, прыгают. Тотчас же снаружи раздаются короткие очереди — бьет наш ручной пулемет. Еще минута — выстрелы затихают, все кончено.

Вдали — простуженный гудок паровоза. Вспоминаю: на семафоре зеленый.

— Стре́лки! — кричу. — Немедленно перевести стрелки!

Несколько человек выбегают из помещения.

— Не туда, не туда, за мной! — Это голос Иваницкого.

Пыхтенье паровоза все ближе, уже отчетливо слышен перестук колес. Поезд идет, не сбавляя скорости.

«Неужели не успели, неужели проскочит?»

Длинная черная тень проносится мимо вокзала. Раздается тревожный гудок. Потом резкий удар, скрежет металла, грохот вздымающихся на дыбы, переворачивающихся вагонов. Поезд с разгона налетел на стоящий в тупике порожняк. Из уцелевших вагонов выпрыгивают солдаты, падают, сраженные нашими пулями. Нескольким удается найти укрытие. Они открывают ответный огонь.

Становится жарко. Самое время уходить. Нельзя, мы еще не выполнили своей задачи.

Григорьев с несколькими бойцами стреляет из окна станции.

— Скорее к пулеметам,— говорю ему,— освобождайте людей.

Григорьев что-то кричит, бросается к лестнице. Бойцы бегут за ним. Я тоже спускаюсь следом. Слышу, как усиливается стрельба у водокачки. Видно, нелегко приходится Шевыреву. Скорее бы, скорее — сейчас минуты решают все.

За пакгаузами взмывают вверх огненные языки. Группа Дешко подожгла сеносклад. Пламя быстро разгорается, теперь в его свете хорошо видны станционные постройки, массивная вышка водокачки, разбросанные по путям сцепления вагонов, перевернутый

вверх колесами паровоз, змеящиеся, блестящие мокрые рельсы.

Возле стоящих особняком шести пульманов хлопочут наши бойцы. Сорваны запоры с одного. На землю спрыгивают девушки, бросаются врассыпную.

«Женский вагон»,— догадываюсь я.

Уже открыты все вагоны.

Станцию заполняет бегущая толпа.

— Фома, Фома! — слышу я крик.

«Зачем он,— невольно удивляюсь,— разве здесь разберешься?»

И вдруг страшной силы взрыв сотрясает воздух. На миг все замирают, падают на землю. Потом снова поднимаются, бегут.

Над водокачкой высоко вздымается фонтан огня. «Молодец Шевырев!»

Потом я узнал, что ребята его перестарались. Для надежности заложили десятилитровую бутыль сыпучего аммонала — единственной взрывчатки, которая у нас тогда была. Водокачка взлетела в воздух со всеми потрохами — на месте ее образовалась глубокая воронка.

Прошло еще несколько минут — станция опустела. Тяжело дыша, к вокзалу со всех сторон подбегали партизаны. Вот Дешко с ребятами, Григорьев, Белоусов в немецком мундире. Вот, наконец, и Шевырев. Кудри разметались, лицо в копоти, глаза возбужденно блестят. Сейчас бы фотографа.

— Все в сборе? — спрашиваю.

— Все, все! — раздается нестройным гулом.

— Раненых нет?

— Нет, нет.

— Забирай трофеи — и к машине!

Нагруженные оружием, ящиками с продовольствием, свертками обмундирования, мы бежим назад. За нашей спиной полыхает пламя, клубится дым.

Шофер оказался толковым парнем. Едва мы подбежали к машине, как тут же взревел мотор. Помогая друг другу, переваливаемся через борта кузова. Грузовик выезжает на шоссе, набирает скорость. Вот и лес. Все — дальше ехать опасно. Останавливаемся, спрыгиваем на землю.

Машина больше не нужна. Водитель включает скорость, соскакивает с подножки. Мы сворачиваем в лес, углубляемся в чащу. Теперь пусть немцы нас ищут.

* * *

Хмурое осеннее утро. Низко, почти над самыми верхушками деревьев клубами серого пара бесконечной чередой несутся облака. Не переставая накрапывает мелкий, частый дождик. Коричневая кора сосен, длинные зеленые иголки, ветки кустарника, жухлая трава, хворост — все сплошь усеяно серебристыми чешуйками капель. Почва, пропитанная влагой, как губка, скрадывает шум шагов, мягко пружинит под ногами.

Унылый пейзаж резко подчеркивает царящее в нашем партизанском лагере радостное возбуждение. Бойцы еще не остыли после успешной ночной операции, весело, я бы сказал даже с некоторой долей хвастовства, вспоминают ее подробности, смакуют их каждый на свой лад, подтрунивают друг над другом. Если б не неблагоприятная для прогулок погода, можно было бы подумать, что это студенты, выехавшие на пикник после сдачи выпускных экзаменов.

Внезапно гул смолкает. Слышится треск, хрипенье — и затем размеренный голос Левитана:

«От Советского Информбюро...»

Вмиг все подхватились с мест, обступили повозку, на которой Миша Попов, радист по специальности, установил захваченный на станции приемник с полным комплектом сухих батарей. Затаили дыхание, слушаем.

Всё врут фашисты: стоит Москва, стоит Ленинград, перемалываются в пыль лучшие гитлеровские дивизии на Волге. Страна борется, собирается с силами, готовится нанести врагу сокрушительный удар!

Мы тоже боремся. Пусть нас пока немного, пусть мы далеко во вражеском тылу, за тысячу километров от фронта, мы не прячемся, не сидим сложа руки, а сражаемся, делаем одно общее дело со всем нашим народом.

Умолк голос диктора, его сменила музыка. Долгие месяцы оторванные от Большой земли, лишенные поч-

ти всякой информации, не считая отвратительной и угнетающей лжи геббельсовского ведомства, преследуемые, мы наконец слышим голос Москвы.

Громкое «ура» проносится над лагерем. Десятки рук подхватывают радиста, подбрасывают в воздух.

— Утренник, посвященный разгрому фашистов на станции Бобровица, продолжается! — выкрикивает Володя Богданов.

После операции в Бобровицах наши люди преобразились даже внешне. В числе трофеев, кроме оружия и продовольствия, были также безопасные бритвы, мыло, одеколон, даже машинки для стрижки волос. Всех этих, в общем-то, элементарно необходимых мужчине предметов обихода долгое время мы были лишены. Большинство обросло бородами, прически были отнюдь не воинские.

Среди освобожденных в Платоновке пленных был один парикмахер. Ему пришлось несколько дней работать по специальности. Такой очереди у него не было раньше в самые горячие дни.

Отряд на глазах молодел. Казалось, вместе с бородами, космами люди сбрасывали буквально по десятку лет.

Сменили и одежду. Мы захватили немало немецких, венгерских военных мундиров. Наши старые куртки, гимнастерки, галифе истрепались и давно просились в утиль. Поэтому желание переодеться представлялось вполне естественным.

Ко мне подошел Потемкин, протянул сверток, сказал:

— Это вам, товарищ командир.

В свертке был мундир немецкого обер-лейтенанта, сапоги, фуражка с высокой тульей, плащ с пелериной. На френче позванивали две медали.

— Ты за кого меня принимаешь? — строго спросил я.

— А что? — удивился Потемкин.— Мундир хорош, вполне новехонький. И размер вроде ваш.

Я хотел было тут же популярно объяснить ему, что такое воинская честь и воинская форма, но неожиданно в голову пришла интересная мысль. Она сразу увлекла меня, на минуту я забыл обо всем остальном.

— Так что, товарищ командир? — вернул меня к реальности голос Потемкина.

— Ничего, я о другом,— ответил, улыбнувшись,— спасибо за заботу.

Двумя подводами мы въезжаем в село Берковое. На нас немецкие мундиры. Рядом со мной расфранченная Оксана Коробка. По замыслу она должна играть роль переводчицы. Правда, переводить, по сути, нечего. Немецкое произношение Оксаны ужасно, наше же и того хуже. Но в селе, мы знаем, немцев нет. Полицаи же говорят по-немецки не лучше нашего. У них маскарад должен пройти.

Подъезжаем к зданию школы, останавливаемся. Навстречу выбегает коротенький полицейский с одутловатыми щеками. Становится смирно, тянется, прижимая пухлые руки к бокам.

— Господин обер-лейтенант, полицейский стан села Берковое несет службу по охране порядка. За прошедшие сутки никаких происшествий не было. Дежурный по стану полицейский Скрипка.

Оксана говорит мне несколько слов по-немецки. Я киваю.

— Сколько в селе полицейских? — спрашивает она.

— Двадцать два,— подобострастно схватывается Скрипка.— Четырнадцать здесь, один больной, семеро отдыхают дома.

— Созвать всех! — властно командует Оксана.

Я не произнес ни слова. Но полицейским это не кажется странным. Немецкий офицер для них слишком высокое начальство, его поведение не подлежит обсуждению.

— Будет исполнено, айн момент! — старается Скрипка.— Марусенко, Худолей! — кричит он полицейским.— Слышали, что приказал господин обер-лейтенант? Живо!

Мы спешиваемся, идем в школу. Я делаю жест полицейским, чтобы следовали за нами.

— Всем собраться! — говорит Оксана.— Господин обер-лейтенант будет проводить инструктаж.

Заходим в комнату, когда-то служившую классным

помещением. Теперь парты вынесены. Посредине два стола, вокруг беспорядочно расставлены стулья, табуреты. В комнате полно табачного дыма, на полу окурки, обрывки оберточной бумаги. Столы грязные, засаленные, в углу валяется пустая бутылка. Полицейские нас не ждали и не успели навести порядок.

Брезгливо провожу по стулу кончиком пальца.

— Сейчас, сейчас, одну минутку.— Скрипка подбегает, полой куртки смахивает пыль, лицо его расплывается в угодливой улыбке.— Прошу садиться, господин обер-лейтенант.

— Гут! — киваю и сажусь совершенно не сгибая спины, так, как это делают прусские офицеры.

Солдаты тоже рассаживаются. Полицейские стоят, переминаются с ноги на ногу. Несколько минут никто не произносит ни слова.

— Осмелюсь спросить,— не выдерживает Скрипка,— господа не соизволят у нас отдохнуть? Если что, так мы мигом, у нас на такой случай все готово.

Он вертит шеей так, словно воротник ему тесен.

— Швайген! [1] — бросаю отрывисто.

— Будете говорить, когда спросят! — переводит Оксана.

Снова молчание. В комнату начинают заходить вызванные сюда полицаи. Один, другой, третий... Двое держатся на ногах нетвердо, однако стараются не подать вида, воротят лица в сторону, чтобы не слышно было сивушного запаха. Наконец все в сборе. Скрипка делает жест, порываясь что-то сказать. Оксана останавливает его рукой, спрашивает:

— Все?

— Так точно.

— Сейчас с вами будет говорить господин обер-лейтенант.

Спокойно поднимаюсь, в моей руке появляется пистолет. Рядом со мной становятся Миша Чиж, Паша Жусубеков, Алеша Иванов, Потемкин, Кусов, Белоусов, направляют на полицейских автоматы.

— За что? — испуганно бормочет Скрипка. — Мы преданно служим немецким властям и фюреру, всеми

---

[1] Молчать!

силами искореняем заразу. В селе нет ни одного коммуниста и комсомольца, их родные под наблюдением.

— Преданно служишь, предатель? — говорю на чистейшем русском языке.— Кончилась твоя служба.

Полицейские ошарашены, но все еще ничего не поняли.

— Господин обер-лейтенант, — вопит Скрипка, — вышла ошибка... Честное слово, верой и правдой...

В этот момент вертлявый, с нервным лицом полицейский, уяснив наконец суть происходящего, прыжком бросается к двери. Жусубеков подставляет ему ногу, полицейский падает, катится к стенке.

— Руки вверх! — командую.— Ни с места!

Полицейские послушно поднимают руки.

— Теперь по одному выходи!

Жусубеков и Чиж по-хозяйски собирают составленные в пирамиды винтовки.

Удивительная картина предстала в тот день жителям. Какие-то странные немцы построили полицейских в колонну и под конвоем повели из села.

На опушке Монастырского леса останавливаемся.

— Слушайте приговор партизанского суда! — как можно жестче говорю я.— За измену Родине, за невинно пролитую кровь людей...

— Товарищи, товарищи!—перебивает меня Скрипка. Губы его трясутся, в глазах животный страх.— Не расстреливайте, только не расстреливайте! Я ж свой, я до войны работал в райземотделе, я смогу быть вам полезен, вот увидите.

— Именем советского народа вы приговорены к расстрелу!

...Так, не дожидаясь, пока немцы выступят против нас, и, вернее, опережая их, мы начали свой карательный поход.

Оставаться в районе Бобровицы дальше было опасно. Фашисты быстро перебросили сюда силы и вот-вот должны были прочесать лес. Решили перебраться в пойму Остра, туда, где когда-то базировался отряд Стратилата. Разбились на две группы. Бóльшая во главе с начальником штаба Михаилом Гонтой двинулась прямо на новые места. А я с группой партизан, пере-

одетых в немецкую форму, отправился кружным путем. Пока враги не разобрались, можно было попытаться разгромить еще один полицейский стан. Кроме прямых задач, эта операция должна была носить маскировочный характер, отвлечь внимание карателей от передвижения наших основных сил.

В вечерних сумерках мы пересекли границу Бобровицкого района и часов около десяти вечера въехали в село Браницу. По рассказам местных жителей, полицейские здесь особенно свирепствовали. Возглавлял их пришлый человек по фамилии Бойко. Говорили, что он прошел специальную подготовку в черниговском гестапо. Среди своих подчиненных он навел относительный порядок. Они не пьянствовали сутками напролет, как полицаи в большинстве сел, а несли службу дисциплинированно и ревностно. Людям от этого было только тяжелее. Поборники «самостийной Украины», к которым причислял себя Бойко, а на деле фашистские холуи, выискивали и выдавали гестапо не только коммунистов и комсомольцев, но и всех, кто когда-либо активно поддерживал начинания Советской власти, буквально терроризировали семьи красноармейцев—практически все население села. В общем, веревка давно плакала по его шее.

Полиция размещалась в помещении сельсовета. У входа нас встретил часовой.

— Где начальник? — спросила Оксана.

— Здесь. Проводит планерку ночных действий.

— А ты почему не на планерке?

— Приказано бдительно нести наружную охрану помещения.

— Бдительна хорош, бдительна шайтан не пройдет! — проговорил Жусубеков, спрыгнув на землю.

Пока охранник трудно уяснял смысл ломаной речи «немца», Жусубеков подошел к нему вплотную, в руке его сверкнул нож.

В освещенной тремя керосиновыми лампами комнате сидят полицейские, вытянув шеи, слушают рослого широкоплечего человека в командирской гимнастерке с трезубцем на пряжке ремня. Бойко говорит зычно, уверенно.

Внезапно снаружи раздается треск, за ним звон по-

сыпавшегося стекла, край маскировочной шторы отодвигается, и в образовавшемся отверстии появляется дуло пулемета.

Секунду Бойко смотрел на него словно завороженный, потом дернулся рукой к кобуре. Тут же комнату прошила очередь, Бойко снопом повалился на стол, опрокинул лампы. По столу заплясали огненные фигурки, запахло керосином и гарью. Полицейские заметались. Прозвучали взрывы двух гранат.

— Что такое, хлопцы, что такое? — кричал кто-то издалека.

— Отвечай! — сказал я Жусубекову, который говорил по-русски так мудрено, что и нам иногда нелегко было его понять.

— Бегай суда! — закричал Паша в темноту.— Начальник команда, быстра нога здесь.

Четверо полицейских, запыхавшись, подбежали, увидели солдат в немецкой форме, остановились.

— Мы слышали выстрелы,— сказал один из них.— Что здесь такое?

— Сейчас еще услышите! — жестко проговорил Потемкин, наводя дуло пулемета.

Утром следующего дня мы подходили к местам, где должен был расположиться наш лагерь. Километра за два до него нас остановили караульные. Мы назвали пароль.

— Честное слово, настоящие немцы,— весело проговорил молодой боец, показываясь из-за пожелтевших кустов боярышника.— Если б Гонта нас специально не предупредил, могли бы огонь открыть.

Он радостно засмеялся, подчеркивая, что хорошо все знал, ждал нас и, конечно же, стрелять по своим не начал.

Лагерь поразил меня порядком и обжитостью, словно он был поставлен по крайней мере месяц назад. Двумя ровными рядами высились плетенные из жердей и прутьев, покрытые плавуном шалаши, очень похожие на миниатюрные чумы оленеводов. На краю поляны аккуратно стояли повозки. Невдалеке паслись стреноженные кони. В стороне в низине ярко пылал костер. В котле варился суп, который, судя по запаху, обещал быть вкусным.

— Ты куда поставил повозку? — подбежав к Жусубекову, напустился на него молодой партизан Алеша Рог.— Посреди лагеря бросил? Разве не видишь, где им место?

Несколько бойцов склонились над разобранным пулеметом. Когда я приблизился, они встали. Молодой парень в венгерском мундире и кубанке четко отрапортовал:

— Товарищ командир отряда! Второе отделение третьего взвода изучает трофейный пулемет. Командир отделения Поклонцев.

Из шалаша вышел начальник штаба.

— Ты, Михаил Григорьевич, вижу, даром времени не терял?

— Я человек военный,— Гонта улыбнулся,— приучаю к порядку.

— Верно. Отряд без дисциплины — не отряд.

— Тут у меня еще кое-что.— Гонта раскрыл планшет.— Вот приказ про сменность и очередность караулов, график внутренних нарядов, расписание занятий по боевой подготовке. Это суточные нормы продовольствия. Нужно создавать хозчасть, штабное отделение, вести учет захваченным трофеям, потерям противника.

— Все как в регулярной армии?

— А мы и есть подразделение регулярной армии, временно действующее во вражеском тылу. Теперь, когда мы провели удачную операцию, к нам тянутся люди. Что ни день — по десятку человек приходит. Совсем молодые, есть и по шестнадцати лет. Их нужно с первого дня приучать к дисциплине.

К этому времени относится операция по разгрому еще одного полицейского стана. О ней следует рассказать особо.

На рассвете группа партизан под руководством Михаила Дешко выехала в село Мрин и была остановлена сильным огнем. Как оказалось, данные разведки устарели. Накануне вечером полицейские получили сильное подкрепление. Они засели в кирпичном здании сельскохозяйственного техникума, все подступы к которо-

му хорошо простреливались из пулеметов. О том, чтобы вышибить их, нечего было и думать. Дешко принял единственное разумное решение — отступить в лес.

И тут же на дороге показались три машины с немцами. Они направлялись в село.

Здесь надо заметить, что к тому времени полицейские гарнизоны окрестных сел получили приказ, подписанный начальником нежинского гестапо. Он явился следствием наших операций в Берковом и Бранице. В нем говорилось, что шайка «красных десантников», переодетых в форму солдат вермахта, разъезжает по селам и расправляется со всеми, кто честно служит новому порядку. Полицейским предписывалось без предъявления удостоверений не верить незнакомым людям, даже если на них будут немецкие мундиры.

Гарнизон Мрина, еще не опомнившись после дерзкого появления в селе группы Дешко, воспринял появление немецкой колонны как очередную партизанскую хитрость. Когда машины на полном ходу приблизились к техникуму, по ним ударили пулеметы.

Кузова мгновенно опустели — в них осталось лишь несколько убитых. Рассыпавшись по дворам и огородам, солдаты развернулись в цепь и атаковали техникум по всем правилам военного искусства.

На глазах изумленных партизан, притаившихся на краю леса, разгорелся настоящий бой. Полицейские сопротивлялись упорно, отчаянно. Только после того, как огнем пехотных минометов немцы подавили пулеметные гнезда, обороняющиеся вывесили белый флаг. Сдаться в столь желанный плен тем не менее им не удалось. Победители не простили своим прислужникам ошибки.

Перечитал я эту главу и сам себе удивился. Слишком легко вроде все у нас получалось, даже как-то лихо. А ведь в дни становления отряда нам приходилось трудно, очень трудно.

Люди поверили в нас, пошли к нам из сел. Не просто было им расставаться с родным домом. Если немцы узнавали, что кто-то из семьи в партизанах, не щадили его родных, ни стариков, ни детей. Многим довелось пережить тяжелейшие личные трагедии. Других ни днем ни ночью не покидала постоянная тревога за

судьбу близких. Об этом старались не говорить. Зачем бередить то, что и так неотступно преследует человека?

Мы страдали от холода, недоедания. Особенно тяжело было переносить почти постоянную нехватку соли. Даже изголодавшемуся человеку порой не лезла в рот наша пресная пища. И к этому притерпелись, знали, что не вечно так будет.

Мы захватили немало оружия. И все же нам постоянно его не хватало. Особенно трудно было с патронами.

Операции в Берковом и Бранице действительно достались нам малой кровью, точнее, вообще прошли для нас бескровно. Успех определила их неожиданность и немалая трусость завербовавшихся в полицаи предателей.

То, что произошло в Мрине, было просто делом случая. Правда, случая, в какой-то степени подготовленного нашими действиями. Не будь Беркового и Браницы, в историю села Мрин никогда бы не была вписана «великая битва» между полицаями и солдатами оккупационных войск. Даже непредумышленно спровоцировав ее, мы не могли не радоваться своей удачливости.

Потом мы провели сотни тщательно разработанных, хорошо подготовленных и успешно закончившихся операций. Было у нас немало и просчетов, ошибок — партизанская война не легкая победоносная прогулка. Она требовала величайшего напряжения всех духовных и физических сил, несгибаемого мужества. Враг был жесток и коварен. Случалось, что и наши люди попадали в расставленные им сети. Мы потеряли немало прекрасных товарищей, боевых друзей. Светлую память о них мы навсегда сбережем. Но радостных дней у нас было больше, чем бед, разочарований и горя. Это понятно. Ведь в самой тяжелой, самой кровопролитной из войн наш народ все же вышел победителем. Значит, печалиться, в конечном итоге, больше приходилось нашим врагам.

БИТВА НА РЕЛЬСАХ

У рядового вермахта Фрица Клейнберга была вздорная привычка разговаривать с самим собой. При этом он обычно не стеснялся в выражениях. Находясь в ночном карауле у небольшого железнодорожного моста на линии Киев — Нежин, Фриц Клейнберг уже битый час честил свою неудачливую судьбу. Прохаживаясь возле небольшой кирпичной постройки, где отдыхали солдаты его отделения, он монотонно ругал негостеприимную украинскую землю, ее людей, которые вместо того, чтобы приветствовать армию фюрера, почему-то стреляли в ее солдат, промозглую сырую погоду, командира взвода, который, «заправившись» шнапсом, спал в городской квартире, честил и своих товарищей, отдыхающих в тепле, когда он, Фриц Клейнберг, не щадя сил и здоровья, охраняет их покой и этот дурацкий мост, гром бы его разорвал.

— Варварская страна, варварские порядки, варварский климат! — бурчал Фриц Клейнберг.— Даже порядочной луны здесь нет, какие-то сплошные идиотские тучи.

Как бы для подтверждения своих слов он поднял вверх голову и от удивления присел. Прямо на него опускалось что-то большое и белое.

— Гром и молния! — выругался Фриц Клейнберг.— Неужели привидение?

Большое и белое бесшумно скользнуло вниз и исчезло за железнодорожной насыпью. За ним последовало еще одно «привидение».

Только тут незадачливый солдат сообразил, в чем дело. Замерзшими пальцами рванул затвор карабина, выстрелил и закричал:

— Красный десант, вставайте!

— Какой десант, что ты мелешь? — набросился на Фрица командир отделения.

— Там! — трясущейся рукой часовой показал в пустоту за насыпью.

Немцы спустились под откос и вскоре действительно нашли два парашюта, открыто лежавших в зарослях кустарника. Преследовать десантников, однако, не стали. Темень вокруг. Того и гляди, напорешься на пулю.

— Мы не имеем права покидать пост! — решил командир отделения.— Утром доложим начальству.

Парашютисты — мужчина в поношенном гражданском пальто и невысокая девушка в одежде крестьянки — между тем быстро удалялись от места приземления. Выстрел и крики Фрица Клейнберга не дали им возможности даже спрятать парашюты.

Мужчина шел уверенно. Видно, здешние места были ему хорошо знакомы. Девушка поспевала за ним с трудом. Неудачно приземлившись, она подвернула ногу и теперь сильно прихрамывала.

— Потерпи, Галинка! Потерпи немного! — подбадривал ее мужчина.— Дойдем до леса, передохнем. Уже недалеко.

...Через два дня на рассвете меня разбудил связной, пришедший с поста, который мы называли «Блощихой». Расположился этот пост в небольшой лесной сторожке. Связной сообщил, что ночью партизаны задержали неизвестного мужчину и девушку, которые наотрез отказываются называть себя и требуют доставить их к командиру.

Мы с Шевыревым тут же тачанкой отправились на пост.

Мужчина осмотрел нас с интересом.

— Кто из вас командир? — спросил он.

Я сделал шаг вперед.

— Мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз.

— Что еще за церемонии? — сухо проговорил я, однако попросил моих бойцов выйти.

Вместе с ними ушла и незнакомая девушка.

Мужчина снял пальто, вспорол подкладку и протянул мне клочок белой шелковой ткани. Это было удостоверение, выданное Якову Романовичу Овдиенко, направлявшемуся Центральным Комитетом Коммунистической партии Украины на оккупированную территорию для установления связи с партизанами.

Я смотрел и не верил своим глазам. Протянул руку, чтобы дотронуться до долгожданного гостя, убедиться в реальности происходящего.

— Давно вы оттуда?

— Третий день.

— А как на нас вышли?

— Относительно благополучно, хотя при приземлении чуть не натолкнулись на немцев. Пришлось бросить парашюты, срочно отходить. Сутки петляли лесными тропами. Потом вышли на этот домик. Если не ошибаюсь, до войны его хозяйку звали Блощихой. Прежде чем пойти, долго наблюдали в укрытии. Дважды подъезжали подводами вооруженные люди. На полицейских не похожи. Поняли наконец, что свои, и объявились.

— И вам удавалось все время оставаться незамеченными! — воскликнул я.— Ну и дам же я нагоняй своим хлопцам!

— Не сердитесь на них,— сказал Овдиенко,— мы с радисткой, прежде чем попали сюда, тоже кое-чему обучились.

— Так девушка радистка?

— Галя Дубовик окончила в Москве специальные курсы.

— Значит, с вами и рация?

Овдиенко утвердительно кивнул головой.

— Правда, не совсем с нами,— добавил,— чтобы легче было идти, нам пришлось зарыть ее в скирду соломы. Нужно пойти и забрать.

— Не нужно! — я устало махнул рукой.

— Почему? — Овдиенко насторожился.

— Поздно. Колхозники рассказывали, что вчера немцы в соломе нашли банки консервов и радиостанцию. Оказывается, вот что это было.

Наш гость сразу помрачнел и стал насвистывать какой-то незнакомый мотив.

— Ничего,— произнес он наконец, заставив себя улыбнуться,— главное, что вы есть и мы вас нашли. Связь мы установим.

Дорогой в лагерь мной овладели сомнения: не ловушка ли все это? Ведь немцы могли захватить пара-

шютистов, а вместо них подослать своих агентов, воспользовавшись их документами.

Однако как только мы пришли в лагерь, все сомнения быстро рассеялись.

— Яков Романович, каким ветром? — радостно воскликнул партизан Николай Гавриленко, подбежал к нашему гостю и обнял его, как старого приятеля.

— Хорошим, Николай, хорошим,— ответил Овдиенко и дружески похлопал нежданного знакомого по плечу.

До войны Гавриленко работал инструктором Бобровицкого райкома партии. А Овдиенко долгое время был в этом же районе директором МТС. Вскоре его узнали и многие другие наши партизаны. На совещании актива отряда Овдиенко коротко рассказал о жизни на Большой земле, о событиях на фронтах, о той огромной помощи, которую могут оказать и оказывают фронту партизаны.

— То, что вы нагнали страху на полицию,— говорил он,— что в отряд начался массовый приток людей,— очень хорошо. У вас, конечно, уже выработались свои методы, навыки борьбы, не мне учить вас, как действовать. Хочу лишь сосредоточить ваше внимание на важнейших задачах, которые ставит перед партизанами наша партия. Нужно неустанно выводить из строя железные дороги, коммуникации противника. Отряд расположился на стратегически очень важной территории. Рядом проходит двухпутная железнодорожная магистраль Киев—Москва. Если остановить на ней движение хотя бы на сутки, фашисты не досчитаются на фронте минимум десятка эшелонов с живой силой и техникой. Этим мы окажем огромную поддержку Красной Армии. В Нежине ответвляется другая линия — на Чернигов, Гомель и дальше на северо-запад. По ней идут в Германию эшелоны с награбленным сырьем, продовольствием.

— Железная дорога — это, конечно, дело.— Григорьев озадаченно повертел головой: — Только где взять взрывчатку?

— К сожалению, у нас нет рации,— сказал Овдиенко,— мы не можем пока запросить штаб партизанского движения.

— Можно и без тола,— Шевырев от возбуждения даже привстал,— разберем рельсы руками. Будет хоть не так эффектно — результат один.

— Руками много не сделаешь, работа кропотливая,— сказал Овдиенко,— но в принципе товарищ прав. Мы должны исходить из имеющихся возможностей. Установим связь с Москвой, получим тол, развернемся во всю мощь. А пока можно действовать и руками. Любая, даже небольшая задержка транспорта — удар по врагу.

— Предлагаю перейти к делу немедленно,— распалился Шевырев.— Мы давно уже присмотрели участок. Охраны там почти никакой, а поезда проходят часто. Дело верное.

— Я тоже так считаю,— поддержал Потемкин,—со своей стороны могу предложить удобное место для операции.

— Все правильно,— согласился я,— разработкой плана диверсии займемся сегодня же. Но пока мы не кончили совещание. У Якова Романовича, кажется, есть еще сообщение.

— Совершенно верно.— Овдиенко благодарно кивнул.— Не менее важно широко развернуть агитационную работу как в отряде, так и среди населения. Фашисты распускают небылицы о якобы одержанных больших победах, о скорой полной капитуляции нашей армии. В этих условиях каждое слово правды, дошедшее до народа, приобретает исключительно важное значение. Необходимо наладить систематический выпуск листовок, с помощью подпольщиков распространять их в городах и селах. Надо установить самые тесные контакты с подпольным обкомом партии, который действует здесь, на Черниговщине. Нельзя упустить из виду и полицаев. Среди них тоже есть колеблющиеся, готовые принять нашу сторону.

— Что, мне агитировать этих предателей? — удивился Кихтенко.— Для них одна агитация — автомат.

Овдиенко покачал головой.

— Нельзя так. И среди полицейских, и среди немецких солдат тоже есть немало таких, которых фашисты опутали своими химерными обещаниями. Те-

перь у них начинают открываться глаза и потенциально они наши союзники. Что касается венгров—тут дело еще сложнее. У них намечаются серьезные разногласия со своими немецкими союзниками. Мы были бы слепыми или глупцами, если бы не учли этого.

— Нет, по-моему, вы, товарищ, явно перегибаете. — В голосе Кихтенко звучало открытое недовольство.— Я с детства приучен к тому, что врагов надо бить, а не болтать с ними на разные темы.

— А мне кажется, товарищ Овдиенко совершенно прав,— тихо, но твердо сказал Гонта.— Надо действовать более гибко. Рубить с плеча — невелика заслуга, это и дурак может. Только такое рвение вместо пользы чаще обычной ломкой дров оборачивается.

— Начальник штаба говорит верно,— подвел я итог спорам.— В его словах мне слышится голос недавнего кадрового политрука нашей армии. Нельзя забывать, что товарищ Овдиенко высказывает не свое личное мнение. Такова в данное время стратегия партии. Наш долг тщательно изучить свои возможности и действовать так, чтобы принести как можно большую пользу общему делу. На этом, считаю, прения можно закончить. Членов штаба и командиров взводов прошу остаться для разработки ближайших конкретных планов.

* * *

Все было сделано дерзко и до удивления просто. Под вечер Филипп Иваницкий, Петр Скрипник и Давид Ситник вышли на железнодорожное полотно, ломами вырвали костыли из шпал, разворотили рельсы. Место диверсии было выбрано недалеко от села Кобыжчи, в котором находилась районная комендатура. Немцам не могло и в голову прийти, что почти под самым носом у них среди бела дня партизаны осмелятся что-либо предпринять. К тому же до сих пор на этом участке дороги поезда ходили беспрепятственно, и потому он почти не охранялся.

Погода стояла холодная, ветреная. Чувствовалось скорое приближение зимы. Притаившись в засаде, партизаны основательно замерзли. Поезда все не было.

— У меня уже все терпение кончилось,— сказала Галя Данилко.

Шевырев посмотрел на девушку. Она лежала, крепко прижав приклад карабина, зубы ее стучали.

— Говорил тебе, оставайся! — раздраженно проговорил он.— Нет, надо было напроситься. Возьми хоть согрейся.— Он снял и протянул Гале свою кожанку.

— Тоже мне придумал! — отмахнулась девушка.— Сам дрожишь, смотри как бы не слег потом. Я к холодам привычная, просто ждать устала.

— Привычная — непривычная, а утепляйся. Это приказ!

— Слышите, ребята, слышите? — зашептала вдруг Галя.— Поезд идет. Рельсы гудят!

В полукилометре из сгустившихся сумерек вынырнул силуэт паровоза. Он стремительно приближался.

Вот поезд совсем рядом. Хорошо видны классные пассажирские вагоны. Из трубы паровоза летят снопы искр. Еще мгновение — стальная машина вдруг клюнула носом, свернула в сторону, неуклюже покачнулась и покатилась вниз по откосу. Поднявшись на дыбы, налезая друг на друга, за ней полетели вагоны. Только два последних остались стоять на рельсах. В двери посыпались немецкие солдаты. И тут же по ним стали бить из автоматов и винтовок.

— К вагонам! — поднявшись, скомандовал Шевырев и, слегка пригибаясь, побежал вперед.

Партизаны бросились за ним. Галя Данилко тоже бежала вместе со всеми, что-то кричала. Увидела, как между вагонами пробирается какая-то фигура, выстрелила. Человек взмахнул руками и опрокинулся. Галя ничего не поняла и даже не успела испугаться...

Когда партизаны ворвались в вагоны, живых гитлеровцев там не осталось. Кроме оружия и боеприпасов, среди трофеев оказалось много различных медикаментов. Это было особенно ценно. В отряде в то время медикаментов не было вовсе.

Со стороны Кобыжчи послышались выстрелы. Отбежавшие в поле немцы опомнились, стали разворачиваться в цепь. Атаковали они уже пустые вагоны.

Через два дня счет поездам продолжила группа Николая Потемкина. Действовали тем же методом. На

этот раз рельсы разобрали на небольшом мосту возле села Макаровки. Помогал партизанам путевой обходчик, домик которого находился неподалеку. Ночью в реку полетел состав из шестнадцати запломбированных вагонов. А через четверть часа за ним последовал другой, шедший в противоположном направлении. Почти тотчас же на месте аварии появились две дрезины с немецкими солдатами. Но партизан и след простыл. Вместе с ними ушел и путевой обходчик с женой.

В МАСТЕРСКОЙ ЖЕСТЯНЩИКА

Попутной подводой Гравий Костюченко добрался до Нежина. В потрепанной одежде, какую все носили во время оккупации, он ничем не отличался от десятков других людей, приехавших на базар в надежде что-нибудь продать или же купить кусок хлеба.

Неторопливо прошел между рядами, кинул ленивый взгляд на маленькую деревянную постройку, в которой размещалась мастерская жестянщика. На подоконнике стояла небольшая оцинкованная лейка. Это был условный знак, Костюченко, как и полагалось по правилам конспирации, равнодушно прошел мимо.

Еще минут двадцать ходил по базару, присматривался, но так и не сделал попытки ничего купить.

Двери мастерской распахнулись, из них вышел полицейский с раскрасневшимся лицом. Почти тотчас же лейка исчезла с подоконника.

Тогда так же неторопливо Костюченко зашел в мастерскую. Хозяйничали в ней два жестянщика — разбитной веселый Миша Ткачев, которого все обычно звали просто по имени, и молчаливый, угрюмый на вид Андрей Гарбузенко. О нем в городе вообще никто ничего не знал. Работает человек жестянщиком, ну и работает.

— Наконец-то, — обрадованно встал навстречу гостю Ткачев, — мы уж думали, сегодня не приедешь.

— Я вижу, вам тут и без меня не скучно,—ухмыльнулся Гравий,— посетители лавку не обходят. Да и начальство, судя по всему, заглядывает.

— А-а, этот,— Ткачев поморщился,— свалило его на нашу голову. Повадился, понимаешь, ходить за самогоном. И такой крепкий, гад. Пока два стакана не пропустит — не уйдет.

— Разоряет?

— Не говори! А сам считает, что благодетельствует: думает, мы здесь выгодные делишки обделываем. Продувная бестия. Зато на все, что у нас происходит, смотрит сквозь пальцы. Приходится терпеть.

— Ничего, и другим легче: после двух стаканов он, наверное, не очень уже за порядком смотрит?

— Какое там! У него, кроме нас, еще несколько точек. Бочка, а не человек. К тому же — бездонная. Да будет о нем толковать. Как в отряде?

— Как и должно быть, Миша: воюем.

— Слышал от людей, вчера каратели на засаду напоролись. Верно?

— Вот потому я к тебе и поспешил.

— Что, опять патроны нужны? Есть у нас. Уля Воронина недавно принесла, а вчера Оля Медведева. Они на пустыре целый ящик нашли. И еще лимонок шесть штук.

— Это хорошо. Только я за другим, Миша. Врач нам нужен.

— Серьезное что-то?

— Очень серьезное. Несколько человек ранено. Саша Козлов — серьезно. Сутки без сознания, горит весь, мечется.

— Да-а...— Ткачев забарабанил пальцами по столу.— Есть тут у нас фармацевт Александр Богдан. Мне надо поговорить с Коноваловым. Ты загляни через пару часиков.

Коновалов опять обосновался в Нежине. Это было для нас неожиданным и приятным известием. Облавы к тому времени утихли, и Коновалов решил взяться за прежнее. Божко выхлопотал ему «аусвайс», и через

Ткачева Коновалов передавал теперь отряду немало полезных сведений.

В назначенное время Костюченко снова был в мастерской. Ткачев уже ждал.

— Все в порядке,— сразу перешел он к главному.— У нас в больнице есть врач Афанасий Афонин. Он предлагает взять Козлова к себе. Нужен лишь какой-нибудь документ, подтверждающий, что Козлов местный житель.

— Документ мы попытаемся сделать.

Завязав добытые подпольщиками боеприпасы в узел, Костюченко ушел, а «жестянщики» принялись за свою обычную работу.

Поздно вечером Гравий рассказывал мне городские новости. Тут же я отправил двух бойцов в село Плоское. Старостой там был Слесаренко, который никогда не работал на оккупантов. Вместе с сыном Семеном, служившим в полиции, он собирал сведения о планах немцев для нашего отряда. Периодически поставляли к нам из Плоского продукты. Часть оружия, сданного населением в сельуправу по приказу новых властей, также оказалась в наших руках. В общем, это был вполне надежный и очень полезный отряду человек. Узнав о наших затруднениях, он тут же выдал справку о том, что «гражданин Бувайлик Александр Прокофьевич является уроженцем и постоянным жителем села Плоское и направляется в Нежин на лечение раны, полученной при несчастном случае».

С рассветом Володя Богданов и Зина Кравчук выехали в Нежин. На подводе, укрытый тулупом, лежал Саша Козлов.

Возле города их встретил Коновалов, и дальше ехали вместе.

Афонин оказался молодым, по-военному подтянутым человеком.

Быстро пробежав глазами направление, он небрежно положил его на стол регистратору и распорядился:

— В третью палату.

Санитарки послушно подняли носилки с раненым и понесли по коридору. Попросив обождать, Афонин направился следом.

Через четверть часа он появился снова, пригласил партизан в кабинет, плотно притворил дверь. Тут он дружески улыбнулся.

— Афонин, по имени тоже Афанасий. В общем, просто Афоня. К сожалению, не располагаю сейчас временем. Мне нужно быть на совещании у доктора Отто Шитцера. Речь пойдет об отправке молодежи в Германию. Как сами понимаете, вопрос важный. Мы должны хорошо все знать, чтобы принять меры. О чем там будет говориться, сообщу. Ваш больной вне опасности. Правда, рана запущена, потерял много крови. Но жить будет. Нужно хорошее питание. У нас с этим трудно...

— Обеспечим! — с готовностью сказал Богданов.

— Тем лучше. Передачи приносите в мое дежурство. Больше ни о чем не беспокойтесь. А вы, Иван Сергеевич, — Афонин посмотрел на Коновалова, — не забывайте о нашем уговоре.

— Буду в назначенное время.

— Адрес не забыли?

— Как вы можете?

— Хорошо. В таком случае желаю удачи.

У выхода из больничного двора Коновалов остановился.

— Есть еще одно сообщение. Вечером Афонин устроит мне встречу с руководителем местной молодежной подпольной организации. Кажется, очень интересные и деловые ребята, давно ищут связи с партизанами. Если задержитесь до завтра, смогу сообщить о результатах переговоров.

— Право, не знаю,— замялся Богданов,— в отряде могут беспокоиться. Но раз такое дело. Останемся, Зина?

— Конечно. Ведь не напрасно же, по делу.

— Договорились,— сказал Коновалов.— Езжайте прямо к Ульяне Ворониной. У нее можно поставить подводу. Там же и заночуете.

Утром следующего дня Коновалов передал Богданову пакет.

— Вручишь командиру.

— Конспирация? На словах сообщить нельзя?

— Конспирация, Володя, и очень строгая. Запом-

ни, это ни в коем случае не может попасть в руки гитлеровцев. Погибнут прекрасные ребята.

— Понятно! — Богданов улыбнулся, он вообще не мог долго оставаться суровым. Вытянул из кармана гранату, привязал к ней пакет и спрятал за пазуху.

Дорогой заехали к «жестянщикам» забрать медикаменты.

— Слушай, Вовка, ты мне друг или не друг? — задал Ткачев банальный вопрос.

— А кто же я тебе — бабушка, что ли?

— Я серьезно.

— А серьезно, зачем спрашиваешь?

— Хочу, чтобы ты выполнил одну мою просьбу. Только обещай заранее, что выполнишь.

— Если тебе хочется, чтобы я сейчас привел сюда на веревке Гитлера, придется подождать. Нужно время на дорогу до Берлина, на переговоры.

— Хватит, Володя. Речь о серьезном.

— Говори.

— А выполнишь?

— Я же сказал, если смогу.

— Возьми меня в отряд.

— На это у меня полномочий нет.

— Понимаю. Только и ты меня пойми. Думаешь, мне весело с этим хламом возиться? — Ткачев ткнул носком сапога помятый железный лист.— Неделями лица человеческого не вижу. Заходят какие-то спекулянты да эта полицейская рожа. Осточертело!

— И наши люди заходят.

— Конечно. Но мне хочется хоть немного подышать полной грудью, говорить не таясь, почувствовать себя среди своих. Понимаешь?

— Даже очень, а как быть, не знаю.

— Твое место здесь,— вмешался молчавший до сих пор Гарбузенко.— Пойти в отряд — мальчишество.

— Я ж ненадолго. Хоть несколько часов побыть. Что скажешь, Вовка?

— Разве несколько часов...

— Дело не во времени, а в нарушении правил конспирации,— снова возразил Гарбузенко.

— Какое нарушение? Они к нам ездят? Ездят. А если нам срочно понадобится к ним? Нельзя?

— Для этого есть связные.

— Разве не может случиться, что связного не будет на месте? А у нас вдруг появится важное и срочное сообщение. Что ж мне, ждать? На этот случай просто необходимо знать в отряд дорогу. Верно, Вовка?

— Пожалуй, ты прав.

— Значит, берешь с собой? Я знал, что ты настоящий парень, а не ходячая инструкция.

— Смотри, Володя, как бы нам от командира не влетело,— неуверенно проговорила Зина.

— Ничего, он у нас сознательный, поймет.

Поездка была с приключениями. Километрах в пятнадцати от города неожиданно из низинки на дорогу выехали несколько всадников. Следом показались три подводы, на которых сидели вооруженные люди. Большинство было одето в зеленые шинели и пилотки.

— Немцы! — Рука Ткачева больно сжала плечо Богданова.

— Узнал? Может, среди них есть клиенты вашей мастерской?

— Брось ты! Если они нас задержат?

— Не сомневаюсь в этом. Лучше мы сами их догоним. Верно, Зина?

— Перестань разыгрывать человека! — сказала девушка.— Это же наши.

— Партизаны? — Ткачев от изумления сдвинул шапку на затылок.

— Ну да. Впереди тачанка командира отряда, рядом верхом на конях Алеша Рог, Поклонцев.

— Ну и дела! — В глазах Ткачева светилось откровенное восхищение.— Открыто, среди бела дня!

— Видишь, мы теперь тоже сила. Небольшие отряды немцев сами от нас убегают. К тому же день сегодня удобный для разговора с полицией — воскресенье. Небось с утра водку дуют.

— А нам можно поехать с ними? — нетерпеливо спросил Ткачев.

— Наверное. Похоже, едут в Плоское. Догоним — все узнаем.— Он шлепнул лошадь по бокам вожжами, подвода покатилась быстрее.

Появление Володи Богданова, Зины Кравчук в об-

ществе незнакомого человека было для меня неожиданным.

— Что-нибудь случилось? — спросил с тревогой.

— Все в порядке. Коновалов просил передать,— ответил Богданов и протянул пакет.

Я спрятал пакет в планшет.

— Кто с вами приехал?

— Миша Ткачев.

— Ткачев? Но он же ведь должен быть в городе. Неужели мастерская провалилась?

— Нет. Просто надо ему в отряд. Хоть ненадолго. Для морального, как говорит, оздоровления.

Мне это не понравилось. Любое нарушение конспирации — огромный риск. Идти на него можно лишь в крайних случаях.

Семен Слесаренко сообщил нам, что в воскресенье в селе будет свадьба, полицейские перепьются и лучшего момента для нападения не придумаешь. Сам он предусмотрительно уехал с утра в город.

Первыми вихрем ворвались в село всадники. Громыхая, подпрыгивая на обмерзших выбоинах, за ними лихо неслись тачанки. Размахивая расставленными в сторону руками, ездовой Паша Жусубеков протяжно кричал:

— Э-э, э-эх! Э-э, э-эх!

Часовой у помещения полиции, увидев мою форму, вытянулся. Не удостоив его взглядом, я прошел мимо и тут же услышал за спиной приглушенный вскрик: это кто-то из наших убрал часового.

В коридоре со мной поравнялись Миша Дешко, Слава Невинский, Давид Ситник. Резко распахиваю дверь, командую:

— Руки вверх!

Пятеро полицейских растерянно смотрят на нашу немецкую форму и на дула автоматов... Видно, никак не могли сообразить, с какой стати немцы так с ними обращаются.

Однако команду выполнили послушно, даже с некоторой поспешностью.

— Начальник? — спрашиваю у высокого крепкого

полицая, в то время как Иваницкий вынимает из его кармана пистолет.

— Нет,— почти шепотом отвечает здоровяк,— я только помощник.

— Твоя фамилия?

— Донец.

— Вот ты нам и нужен, садись! — показываю полицаю на табурет.

От отца и сына Слесаренко нам было хорошо известно, что этот самый Донец, стараясь выслужиться, без устали строчит доносы на жителей села. Не останавливается даже перед клеветой, лишь бы побольше оговорить людей. Не отстают и его приспешники. Они выдали немцам председателя колхоза Сидора Слесаренко, старых партизан Филиппа Стога, Филиппа Науменко, Василия Желаду. Всех четверых увезли в гестапо, откуда они не вернулись. По доносам предателей замучены были Иван Шкор и его дочь, Александра Ярош и двое ее детей, Параска Билименко, Анна Билименко, Полина Велигоцкая, пионервожатая Спашиба. Донец приложил руку ко многим арестам.

— Сколько всего в селе полицейских?—спрашиваю Донца.

— Четырнадцать.

— Где остальные?

— У нас сегодня свадьба, люди гуляют.

— Возьми пятеро бойцов,— говорю Мише Дешко,— пригони всех сюда. Хватит — повеселились! А ты, помощник, почему врагам нашим служишь? Может, тебя Советская власть обидела?

— Сидел я.

— За что сидел, Донец?

— Сказали, кулак. А какие мы кулаки? Своим потом землю поливали.

— Красиво врешь! А ведь нам все известно. Ты за всю свою жизнь и часу не работал. И сидел за грабеж. Сам по пьянке хвастал. Лишь теперь нашел службу по сердцу. Для уголовника место в самый раз.

— Не сам пошел — заставили.

— И доносы писать заставили?

— Не писал я.

— Писал, Донец, все знаем. И грабил народ. Тоже

заставляли? Впрочем, тебе не привыкать. Только в полицейском мундире, поди, сподручнее. Можно грабить на законных основаниях. Не так ли?

Донец молчал. В комнату вошли Ткачев, Оксана Коробка и Алеша Рог. Ввели пьяного полицейского, принесшего со свадьбы дружкам, оставшимся на дежурстве, самогон.

— Вот так да,— воскликнул Ткачев, глядя на Донца,— это ведь тот самый тип!

— Разве ты его знаешь? — удивился Богданов.

— Конечно, я ж говорил. Уже дважды приходил в мастерскую и все выспрашивал, вынюхивал.

— Видишь, Донец, как само собой все выясняется. Мало тебе, оказывается, в одном селе пакостить. Ты и в город нос суешь. Лишь бы выслужиться, лишь бы господа арийцы заметили холуйское старание.

Вернулся Дешко, привел еще восемь полицаев. Все были изрядно «под мухой». Трое вообще еле держались на ногах. Не различали ничего перед собой, один наткнулся на табуретку и повалился на пол. Воспользовавшись тем, что это невольно отвлекло наше внимание, Донец прыжком бросился к окну, плечом высадил раму, навалился животом на подоконник, пытаясь перекатиться наружу. Не целясь, Володя Богданов выстрелил ему вслед. Грузное тело тяжело рухнуло на пол.

— Собаке собачья смерть! — сухо сказал Дешко.

Полицейских вывели.

Когда голоса на улице стихли, Донец осторожно раскрыл глаза. Комната была пуста. Полицай поднялся, потрогал руками окровавленную шею — пуля лишь разорвала кожу. Донец выглянул в окно — колонна партизан уже была на краю села. Тогда он выбежал во двор, вывел из сарая жеребца, вскочил на него и во весь дух помчался в противоположном направлении.

Ткачев возвратился в город. Утром пришел в свою жестяную лавку раньше обычного. На базарной площади почти никого не было. Только несколько сгорбленных фигур зябко маячили у ворот. Эти люди примелькались Ткачеву. Они появлялись здесь ежедневно и работали «на подхвате» — всегда готовы были что-то купить, перепродать, организовать сделку, а при случае и просто

стащить, что плохо положено. Вообще же на базар собиралось немного народу — покупать было нечего. Народ голодал. Какие уж тут базары! Горожане ездили по селам, выменивали сохранившиеся от прежних времен вещи на муку, картошку. Удавалось это нелегко. Крестьяне тоже едва сводили концы с концами.

В мастерской было холодно. Ткачев бросил в маленькую железную печурку несколько поленьев, развел огонь, задумавшись, присел возле раскрытой дверцы на табурет.

Гарбузенко не появлялся, приболел. Ткачев тоже с удовольствием не ходил бы на эту дурацкую работу. Кому нужны сейчас их жестяные изделия? Но мастерская должна быть открытой. Каждую минуту могли появиться подпольщики с новым «уловом», связные от партизан.

Вдруг в дверь постучали. Настойчиво, требовательно. Наверное, кто-нибудь из полицейских. Носит их, нечистая, в такую рань.

Поднялся, отворил дверь. В грудь ему уткнулся ствол автомата. Ткачев невольно отступил. В комнату ввалились трое немцев и двое полицейских. На одном из немцев была форма офицера гестапо.

— Документы!

Ткачев протянул «аусвайс».

— Интересно, какие товары ты тут продаешь?

— Все перед вашими глазами.— Ткачев не мог представить, откуда свалилась на него беда, думал, что произошла ошибка, надеялся все объяснить и счастливо выкрутиться. Однако на этот раз, видно, враги были хорошо обо всем осведомлены.

— Встать к стенке! — командовал полицейский.— Руки держи над головой и не шевелись.

Солдаты принялись обшаривать лавку.

Сейчас они заглянут под станок — тогда конец!

Рука солдата отбросила листы железа, дернула за край лежавшего под ним свертка. По полу покатились патроны, две ручные гранаты.

Ткачев понял, что теперь все решат секунды. Он повернулся, ногой сшиб одного полицая, схватил подвернувшийся под руку молоток, резким ударом свалил второго, метнулся к двери.

Стоявший возле нее солдат отшатнулся, поднял ствол автомата.

— Не стрелять! — закричал офицер, бросаясь сзади на Ткачева.

Подоспели еще два солдата. Ткачева скрутили.

— Не ждите от меня благодарности, Гольбах! — Маленький, щуплый полковник Мерлингер смотрел немигающими холодными глазами на вытянувшегося перед ним лейтенанта. — Да, я вами недоволен. Вы проявили непростительную для офицера гестапо неосмотрительность. Вместо того чтобы установить за мастерской наблюдение, выяснить, кто в ней бывает и аккуратно, без шума накрыть всю банду, вы бросились туда сломя голову и, судя по вашему виду, даже затеяли драку.

Кончиком языка лейтенант облизал распухшие губы.

— Что же получилось в результате? Вы сумели арестовать только одного человека. Мало того, открыто провели его чуть ли не через весь город. Лучшего предупреждения для его сообщников нельзя и придумать. Как теперь думаете их выявить?

— Но, господин оберст, мы задержали главаря и сумеем выколотить из него все признания.

— Боюсь, что не главаря, Гольбах, а обычного связного. Даже если ваши предположения подтвердятся, в чем я далеко не уверен, и он заговорит, мы все равно добьемся меньшего, чем могли бы. Он просто многого не знает. Запомните, Гольбах, во всех разведках мира связным известен лишь очень ограниченный круг людей.

— Я понимаю, господин оберст, но мы боялись потерять время. Он мог ведь каждую минуту исчезнуть.

— Нужно было установить за ним грамотную слежку, не спугивать. Нет, Гольбах, мне кажется, что мундир гестапо вам не к лицу. Придется сменить его на фронтовой.

— Господин оберст, арестованный, несомненно, будет говорить. Мы приложим все старания.

— Не переоценивайте своих возможностей. Распорядитесь, чтобы задержанного привели. Посмотрим, что можно из него выжать.

Двое солдат ввели Ткачева и, повинуясь знаку полковника, стали у двери.

Ткачев стоял посреди комнаты. Большой, взъерошенный, с заплывшим глазом и кровоподтеком на щеке, в сравнении с маленьким прилизанным полковником казался настоящим великаном.

— Развяжите ему руки, Гольбах,— сказал Мерлингер. Когда распоряжение было выполнено, добавил по-русски: — Сзади вас умывальник, Ткачев, приведите себя в порядок... Вот так. А теперь располагайтесь удобнее,— он указал на кресло,— нам предстоит долгая беседа. Сигарету?

Ткачев отрицательно покачал головой:

— Не курю.

— Похвально. Я тоже хочу бросить. После окончания войны.

Ткачев посмотрел на полковника с любопытством.

— Вы сами виноваты, что с вами обошлись не слишком деликатно. Можно ли бить людей по голове молотками? Разве этому учили вас родители в детстве?

— Первым начал не я. Солдаты ворвались ко мне в мастерскую...

— Согласитесь, у них были основания.— Мерлингер взглядом указал на изъятые у «жестянщиков» боеприпасы.— Время военное, хранение этих штук выглядит странным.

— Вы правы,— Ткачев сделал сокрушенное лицо,— время трудное. А жить надо. Вот и приходится изворачиваться. Из патронов мы делаем зажигалки.

— Фи, Ткачев! — Мерлингер скривился.— Если уж врать, так красиво. Уж не думаете ли вы, что я поверю в эти басни? Не будем на них задерживаться. Нам нужны сведения о партизанском отряде, в котором вы состоите.

— Вот уж чего не понимаю, так не понимаю.

— Ладно, попробуем иначе. Гольбах, позовите свидетеля.

Через минуту Гольбах вошел в сопровождении груз-

ного, сутулого человека с забинтованной шеей. Взгляда на него Ткачеву было достаточно, чтобы все понять. Дорого приходилось расплачиваться за поездку в отряд.

Тяжело ступая, Донец направился к столу, за которым сидел полковник. Мерлингер остановил его, выставив вперед маленькую ладонь:

— Хватит, не так близко. Вы знаете этого человека?

— Да я его и на том свете узнаю.

— Очень хорошо,— кивнул Мерлингер,— не исключено, что у вас будет такая возможность. Где вы его видели?

— В мастерской на базаре. И потом, он был с бандитами, которые напали на Плоское.

— Смотрите лучше, Донец, вы не ошибаетесь?

— Никак нет. Я видел его в двух шагах от себя, так же, как сейчас.

— Спасибо, идите.

Пятясь, полицейский вышел.

— Видите, как все просто, Ткачев? — снова заговорил Мерлингер.— Вы сделали небольшую ошибку, посчитав этого человека мертвым.

Ткачев не ответил.

— Не будем попусту терять времени, поговорим откровенно, как мужчина с мужчиной. Надеюсь, нам удастся сговориться. Вы хотите жить?

Ткачев помедлил:

— Смотря какой ценой.

— Нет цены, которая была бы слишком дорогой за жизнь! К тому же мы ставим вам вполне приличные условия. При желании вы можете снова оказаться в отряде. Разумеется, работать вы будете на нас. И мы потребуем определенных гарантий этого.

— Каких? — Ткачев устало повернул лицо к полковнику.

— Действенных, не словесных. Для начала вы расскажете нам о своих связях в городе. Мы проверим. Если ваши слова подтвердятся, устроим вам побег. Конечно, по вашему желанию. Не захотите — сможете просто уехать далеко отсюда. Приказывать работать на нас мы не станем.

— Предателем я никогда не был.

— Вы не были никогда и мертвецом. Из-за своего упрямства скоро можете стать им. Правда, не сразу. Вы, надеюсь, слышали о методах гестапо? Может быть, слухи несколько преувеличены, у страха глаза велики. Но кое-что мы, несомненно, умеем. Что вы скажете на это?

— Ничего.

— Лейтенант Гольбах,— Мерлингер перешел на немецкий,— вам предоставляется возможность реабилитировать себя с помощью ваших методов расследования. В случае неуспеха, не смогу гарантировать вас от перемен по службе.

Ткачева увели в подвал. Двое суток, пока билось его сердце, пронеслись в кошмарном, мучительном полузабытье. Лейтенант Гольбах ничего не добился.

СЛЕПОЙ АДВОКАТ

Новости, которые сообщил мне Коновалов, были для отряда очень ценны. По его словам, в Нежине действовала большая, хорошо законспирированная подпольная комсомольская организация. Правда, и раньше нам рассказывали, что в городе на видных местах появляются листовки, воззвания и даже перепечатанные на машинке сводки Совинформбюро. Однако настоящего представления о работе молодых подпольщиков я не имел.

Охотно согласился встретиться с руководителем группы. Местом встречи из предосторожности избрали глухую лесную поляну, находившуюся вдали от проезжих дорог.

Я пришел точно в назначенное время. Вожак подпольщиков, сопровождаемый связным Федором Пьявкой, уже ждал меня. К своему удивлению, я узнал в нем того самого подтянутого, элегантного молодого человека, которого встретил в день моего появления

в Нежине и принял тогда за какого-то фашистского чина.

Легко и уверенно он пошел мне навстречу, протянул руку. Опять я не мог не удивиться его поразительному умению ориентироваться. Я уже знал, что темные очки не блажь. Руководитель Нежинского подполья был совершенно слепым.

Здесь я хочу сделать отступление и рассказать о Якове Батюке, человеке трудной, героической судьбы, настоящем Человеке с большой буквы.

Конечно, сегодня имя Героя Советского Союза Якова Батюка известно всей стране — им названы улицы городов, его с гордостью носят сотни пионерских дружин. Но я считаю своим долгом дополнить эти сведения тем, что знаю лично.

Детство Яши прошло в небольшом селе на Житомирщине. Когда мальчику исполнился год, он заболел черной оспой. Последствия были очень тяжелыми — он ослеп.

Но мальчик не смирился с, казалось, уготовленным ему самой судьбой унылым, бесперспективным будущим. Перед ним не было тогда ярких примеров Николая Островского и Алексея Мересьева, конечно, ничего не мог он знать о нынешней научной трактовке беспредельных возможностей человека. Но бродила в нем могучая жизненная закваска, он просто старался ни в чем не отставать от своих сверстников.

Он научился свободно ориентироваться на улицах своего села, безошибочно мог находить дворы соседей, даже один бегал в лес. Очень быстро у него начала развиваться звуковая память. По походке легко узнавал человека, услышанный даже раз голос помнил много лет.

Вместе с другими мальчишками играл в руинах старой крепости возле поселка Горошек, плавал, нырял, лазал по деревьям, катался на коньках и даже участвовал в потасовках, никому ни в чем не уступая физически.

Яша отличался редкой сообразительностью, был решителен, инициативен, и скоро сельская детвора, не сговариваясь, признала его лидерство. Это была его первая большая победа в жизни. Ему никто не делал

скидок на слепоту. Другими словами, он чувствовал себя таким же, как все.

Большую роль в становлении характера мальчика сыграл двоюродный дед Самуил Евтихиевич, который приехал в село, когда Яше было семь лет. Человек образованный, много повидавший, он подолгу беседовал с Яшей, рассказывал ему о многообразии мира, о грандиозных преобразованиях, проводившихся в стране, зародил в нем жажду знаний, стремление к деятельности. Судя по всему, Самуил Евтихиевич был неплохим педагогом. Он многое сделал для своего внука. Но как утвердить себя в жизни? Одногодки Яши пошли в школу. Он не мог ходить с ними — слепых детей в селе не обучали.

Самуил Евтихиевич пишет письмо Михаилу Ивановичу Калинину, рассказывает о тяжелой судьбе ребенка, его исключительных способностях, просит помочь. Ответ не замедлил прийти — самый благоприятный. Яшу зачислили в специальную киевскую школу для слепых.

Жизнь в большом городе над Днепром была совсем другой. Яша привык к патриархальной тишине родного села. Здесь же улицы были полны шумных толп, звонки трамваев смешивались с клаксонами автомобилей, стучали по мостовым колеса пролеток. Много и упорно пришлось тренироваться, прежде чем выучился в этом круговороте чувствовать себя также уверенно. От палочки мальчик сразу наотрез отказался и в конце концов добился своего. Никто из встречных в городе не мог подумать, что он незрячий.

Окончены семь классов. Как отличника, Яшу без экзаменов приняли в индустриальный техникум. Ни в чем не отставая от других студентов, проучился два года, поступил в комсомол. Все шло хорошо. Однако вскоре его постиг неожиданный удар. Столкнувшись практически с металлообработкой, Яша понял, что не сможет ее осилить. Он переоценил свои возможности: стальные станки не покорялись ему, как ни старался, не мог с ними сладить. Пришлось расстаться с мыслью о техническом образовании. Что же дальше? Неужели столько сил, старания потрачено напрасно? Слабые люди упорствуют в своих ошибках и заблуждениях.

Сильные тем и сильны, что на ошибках учатся, умеют извлечь опыт даже из неудачи, закаляются в горниле жизни. Яша был из породы крепких людей.

Вскоре он поступил на последний курс рабфака при Киевском университете и в 1936 году стал студентом юридического факультета.

В Нежин, куда к тому времени переселилась семья, шли написанные неровными буквами, но полные оптимизма письма. Яков рассказывал о том, как интересно учиться, о новых товарищах, о дружной комнате в общежитии, о прекрасных театральных постановках, на которых побывал, о веселых катерных прогулках по Днепру.

Нет, не все шло у него так легко и просто, хотя учеба действительно давалась ему без особого труда. Обладая прекрасной памятью, Яков сразу же до деталей запоминал лекции преподавателей. Ему даже не приходилось, как большинству студентов, перед экзаменами «повторять» курс по учебникам.

Остроумный, отзывчивый, доброжелательный, он пользовался большой любовью однокурсников, которые всегда готовы были прийти ему на помощь. Но помощи Яков не любил.

В то время было еще очень немного книг, написанных азбукой для слепых. Яков страдал оттого, что не может читать. Ежемесячно он ухитрялся экономить по сто рублей из стипендии, платил их одинокой старой женщине, которая читала ему вслух Гомера и Пушкина, Маркса и Гегеля, Кольцова и Джека Лондона.

Потом пенсионерку сменила девушка Клара. Она бескорыстно предложила Якову свою помощь. Чувство искренней дружбы переросло в другое, более глубокое. Вскоре в студенческом общежитии отпраздновали скромную, но очень веселую свадьбу. Небогатым был стол, зато в изобилии звучали звонкие песни, хорошие пожелания, неисчерпаемым потоком сыпались шутки.

Как одному из лучших выпускников университета Наркомат юстиции предложил Батюку работу в столице. Он отказался, попросил назначение в Нежин. Чувство благодарности к родным, не оставлявшим его за-

ботой в самые трудные дни, жило в его сердце. Теперь по возможности хотел их отблагодарить.

Вместе с молодой женой, инженером-мелиоратором по специальности, приехал он в маленький украинский городок, где когда-то учился бессмертный Гоголь. Старший брат Батюка, Павел, в это время заканчивал институт, сестра училась в десятом классе. Якова зачислили на работу в коллегию адвокатов.

Эрудированный, остро и интересно мыслящий, он быстро снискал себе популярность в новой должности. Процессы проводил с блеском. Правда, те, кто пытался воспользоваться дарованием молодого адвоката для прикрытия темных делишек, уходили от него разочарованными. Яков четко стоял на страже советских законов.

Весело и вместе с тем, казалось, даже беззаботно протекала жизнь в маленьком домике Батюка. По вечерам, в выходные в нем собиралось много молодежи. Приходили товарищи Павла по институту, подруги жены, сослуживцы Якова и Клары. Дружные, простосердечные хозяева всегда были рады гостям. На столе появлялся неизменный самовар, вазочки с фруктами, домашним печеньем. Свободно и непринужденно обсуждались последние городские новости. Никто при этом не злословил, знали, что Яков терпеть не мог пустопорожних недоброжелательных пересудов. С тревогой говорили о событиях в охваченной пожаром войны Европе. Сестру Якова, Женю, обладавшую чистым, глубоким голосом, обычно просили петь. Она брала в руки гитару и охотно выполняла многочисленные заявки. Нередко к ней присоединялся Яков. Дуэты брата и сестры слушали с большим удовольствием. Соседи шутили, говорили отцу Якова:

— Весело живете, Петр Иванович, настоящий клуб дома открыли.

Старший Батюк довольно ухмылялся:

— Дело молодое, пусть веселятся. Глядишь, и я возле них помолодею.

Война резко нарушила привычный ритм жизни в гостеприимном доме Батюков. Не слышно было больше песен, звона гитар, счастливых молодых голосов. Один за другим уходили на фронт друзья Якова, вру-

чили повестку и брату Павлу. Отец с матерью переехали в село под Киев к дочери Ольге, которая осталась одна с малыми детьми. После настойчивых уговоров мужа эвакуировалась в Харьков Клара.

Яков возвращался в опустевший дом поздно, сидел задумчивый, угрюмый. Как ни доказывал он военкому, что может быть полезен фронту в качестве военного юриста, ничего добиться не смог. По горло занятый мобилизацией военнообязанных и добровольцев, тот не хотел даже слушать слепого адвоката.

Оставался единственный выход. С твердой решимостью Яков переступил порог горкома партии. Там тоже на него поначалу не обратили внимания. Все были озабочены эвакуацией населения. Однако второй секретарь нашел время принять Якова, долго беседовал с ним с глазу на глаз. Подробно обсудили план создания в Нежине подпольной комсомольской организации.

Второй раз Яков пришел в горком за несколько дней до того, как наши войска оставили город. Представил список юношей и девушек, подходивших для подпольной работы, с которыми успел переговорить. Секретарь одобрил. Батюк привык ко всему подходить детально, основательно, предложенные им кандидатуры не вызывали сомнения. В горкоме ему дали адрес человека, через которого должен был получать дальнейшие конкретные указания, а также пароль запасной явки в Киеве на случай непредвиденных обстоятельств. Через два дня после этого Нежин заняли гитлеровцы.

Яков заранее подыскал себе новое место, возглавил канатную артель. Штат у него, правда, был небольшой — три человека: Савва Шварц, Петр Лавринец и отец Якова Петр Иванович, вернувшийся в Нежин. Производство тоже было нехитрое, несколько даже примитивное. Но и такому немцы обрадовались, поспешили занести его в реестр предприятий, работающих на рейх. Придумали и заказ — изготовление для армии конской сбруи.

Первую партию сделали добротно, красиво. Майор интендантской службы Вальтер Кранц лично отметил Батюка.

— За старательную работу, господин директор, вам будут выданы талоны для покупки товаров в спецма-

газине. Ваши служащие также получат премию — хлеб и сигареты. Мы умеем ценить хороших работников.

Тем временем фармацевт Александр Богдан приготовил «лекарство». Смоченная им упряжь, побыв в работе несколько дней, надолго выводила коня из строя. Больше двухсот таких хомутов, подпруг и уздечек было отправлено в немецкую армию. Кранц остался довольным. И все же производство пришлось свернуть. Не было сырья — немцы, разумеется, не заботились о поставках его предприятию. Самим артельщикам доставать пеньку, кожи становилось все труднее и труднее.

Нужно было придумать и предпринять что-то новое. Батюк отправился к человеку, связь с которым рекомендовал поддерживать горком. Того на месте не оказалось. Путем осторожных расспросов выяснил, что его забрали в гестапо.

В это же время арестовали и расстреляли Шварца. Кто-то донес, что он еврей. Кранц отчитывал Батюка:

— У вас плохой нос, директор, вы не смогли распознать национальность человека, который был у вас на службе!

— Но он хорошо работал.

— Хорошая работа не есть оправдание для сохранения жизни еврею.

За артельщиками установили наблюдение, специально приставили к ним полицейского. Продолжать работу в таких условиях становилось бессмысленным. И Батюк сказывается больным, бросает «директорствование».

В организации насчитывается уже больше десяти человек — Виктор Тищенко, Виктор Нелеп, Владимир Нечуй-Гумен, Рая Ороховацкая, Афанасий Афонин, Александр Богдан, сестра Якова — Женя, несколько железнодорожников. Через некоторое время начали действовать. Вывели из строя два паровоза, ремонтируя шоссейную дорогу Нежин — Бахмач, искусственно задержали на ней движение. Собрали радиоприемник, стали выпускать листовки, рисовать карикатуры на завоевателей, распространять в городе.

Однажды Женя пришла домой возбужденная и сказала брату:

— Нашла на базаре листовку. Не наша.

— Это ж здорово, Женька! — Яков стиснул ее руку.— Значит, кроме нас, действует еще одна группа. Надо с ними связаться.

Но связаться не успели. По городу прокатилась волна арестов, местная газета, выпускаемая оккупантами, сообщила, что в театре и на складе оружия выявлена большая группа диверсантов.

Организация Батюка между тем росла. Молодые подпольщики собирали оружие, боеприпасы, медикаменты. Все это нужно партизанам. Но контакта с ними нет.

Яков поехал в Киев. Совсем недавно шумный, веселый красавец город поражал непривычной тишиной, малолюдностью, невыветривающимся запахом гари. С трудом удалось Якову разыскать среди руин нужный дом. Постучал.

— Простите,— сказал открывшему дверь человеку,— здесь должен проживать портной Сергей Иванович.

— Его давно нет, выехал к теще в Житомир.

Это был пароль.

Яков узнал голос инструктора Нежинского горкома партии Лисовца. Вести, которые тот сообщил, были безотрадны. Киевское подполье переживало тяжелые времена. Много людей схвачено гестапо, связи оборваны, уцелевшие действуют разрозненными группами. Сам Лисовец собирался переменить явку — оставаться на старой с каждым днем становилось опаснее. Батюку рекомендовал связаться с партизанами, работать по их заданиям. Более действенной помощи оказать не смог.

Возвращаясь, Яков встретил в Дарнице знакомого человека, Ивана Филипповича Кочергу, который до войны работал преподавателем Ровенского пединститута.

— Ты как здесь оказался, Яков Петрович? — спросил Кочерга. — Время для увеселительных поездок будто бы не подходящее. Значит, по делу?

— Искал одного портного,— ответил Батюк первое, что пришло в голову,— Сергея Ивановича...

— А он давно уехал к теще в Житомир?

Это было неожиданностью. Впрочем, как очень быстро сообразил Батюк (и совершенно закономерно!), что еще мог делать коммунист в оккупированном врагами городе? Ничего удивительного, если он знает тот же пароль и ту же явку.

— Трудно, брат, пришлось,— рассказал Кочерга.— Оказались в подполье предатели. Многих арестовало гестапо. Но для паники оснований нет, подполье живет, действует. Пока собираемся с силами. Я, например, сейчас на Дарницком вагоноремонтном заводе работаю. Есть немало надежных, по-боевому настроенных людей. Хоть сейчас готовы в партизаны, скоро думаем отправить. В общем, не сдаемся, действуем. А у тебя что?

Яков рассказал о своей комсомольской группе.

— Так вы же молодцы! Создать большую, хорошо законспирированную организацию — это замечательно. Особенно ценно, что многие из вас занимают официальное положение.

— Занимают, а дальше что? — вздохнул Яков.

— Как что? Вредить немцам всеми возможными средствами, проводить агитацию среди нашего населения.

— Делаем и то и другое.

— Так чем же ты недоволен?

— Не все возможности используем.

— Чудак человек, да вы просто себя недооцениваете. Ваша работа важна. Что ж до новых возможностей... Раз видишь их, значит, используете.

— У нас уже много оружия, боеприпасов. В городе держать все это опасно.

— Партизанам надо передать. У вас нет связи? Не беда. На Черниговщине много отрядов. Стоит поискать — связь обязательно найдется.

Яков возвратился в Нежин. Надел через плечо котомку, взял в поводыри пятнадцатилетнего Колю Кузьменко и отправился бродить по селам. Люди относились к его беде отзывчиво — кормили, помогали кто чем богат. Но когда Яков заводил речь о партизанах, сразу замыкались, становились неожиданно несловоохотливыми или уходили, ссылаясь на занятость. Кто его знает, этого слепого, может, он специально подослан нем-

цами? Так ни с чем и вернулись. Это было огорчительно. Но скучать не приходилось.

Время требовало действий.

Из лагеря убегали военнопленные. Юные подпольщики укрывали их, снабжали документами, помогали перейти на легальное положение в городе. Фашисты вербовали и насильно угоняли молодежь в Германию. Афонин, Богдан, Нечуй-Гумен выдавали тем, кому угрожала вербовка, фиктивные справки о болезни. Вскоре у немцев возникли подозрения, что дело тут нечисто. Медицинским обследованием стал лично заниматься подполковник санитарной службы Отто Шитцер. Нужно было принимать новые меры, хитрить. Во многих случаях удавалось обманывать и бдительного подполковника...

Обо всем этом Яков и рассказал мне во время той памятной беседы на лесной поляне.

— Вам не кажется странным, что в городе свирепствует эпидемия тифа, а смертельных случаев нет? — спросил он.

— Действительно странно,— согласился я.— Если учесть, что люди голодают, что медицинской помощи почти нет, это представляется невероятным.

— А объяснение весьма простое... Можете смело заходить в дом, если услышите, что в нем больной тифом. Заразиться вы не рискуете. Тиф изобретен специально для немцев.

— Фикция?

— Да, но умело организованная. Наши медики делают людям прививки, которые вызывают все внешние признаки сыпняка. Подполковник Шитцер рвет и мечет. За срыв вербовки по головке не погладят. Но тиф есть тиф...

— А если все же немцам удастся докопаться до сути?

— Постараемся оказаться незамешанными. В случае необходимости, спрячем тех, кому угрожает опасность. Придумаем еще что-нибудь. В нашем деле не рисковать нельзя. Хотя риск, конечно, нужно сводить до минимума.

Мы долго говорили еще о дальнейшей борьбе с врагом, наметили совместные планы. Яков Батюк к каж-

дому вопросу подходил обстоятельно, высказывал много интересных и неожиданных мыслей. Я все более убеждался, что говорю с руководителем боевой, широко разветвленной и умело замаскированной подпольной организации. Одновременно не мог не понимать, что при всем этом он ходит буквально по лезвию бритвы, что каждую минуту ему угрожает смертельная опасность.

Теплое чувство к этому неординарному и очень сильному человеку захлестнуло меня. Прощаясь, я даже несколько подался вперед, чтобы обнять его, и, устыдившись своей сентиментальности, остановился, протянул руку. На том мы расстались.

Мы ходили в продолжительные рейды по вражеским тылам, ввязывались в короткие стычки и вели длительные бои. Обычным делом стали диверсии на дорогах, нападения на полицию. Вихрь неотложных ежедневных забот закружил меня. Не было возможности встретиться больше с Батюком. Но поддержку, которую он оказывал нашему отряду, мы ощущали постоянно: регулярно получали от юных подпольщиков медикаменты, продовольствие, оружие. Неоднократно они направляли в отряд пополнение, передавали разведывательные данные о комплектации и передвижении эшелонов по железным дорогам, дислокации войск противника. Они же помогали выявлять засылаемых в отряд провокаторов, немецких лазутчиков. И все же не смогли усмотреть за всеми.

Сознательно хочу уйти от хронологии и закончить краткий рассказ о Батюке в этой главе, чтобы вы получше могли себе представить этого человека.

В мае 1943 года Батюк с помощью сестры Жени, Раи Ороховацкой и Гали Солодовник направил в наш отряд группу военнопленных. Среди них был агент гестапо некто Сашка Эмануилов. Шефы дали ему для вживания в роль длительное время. Изображая рубаху-парня, пылавшего ненавистью к врагу, постепенно вошел в доверие к подпольщикам.

Несколько раз Эмануилов приходил из лесу в квартиру Батюка, наблюдал за всем, что в ней происходит, старался выявить связи. Наконец подробный рапорт Эмануилова лег на стол полковника Мерлингера.

19 июля почти в одно и то же время были арестованы Афанасий Афонин, Александр Богдан, Вера Смолянчук, Маруся Катан, Галя Борисова, Григорий Лопотецкий, Галя Солодовник, Владимир Нечуй-Гумен, Иван Могильный, Лиза Пилипенко, Михаил Колодий, Аня Зубова, Ксения Мотылева.

Ничего не подозревая, Яков с Женей возвращались домой от шапочника, работавшего на партизан. Дорогой навстречу им попался соседский мальчик.

— Дядя Яша,— зашептал он,— мамка велела передать, чтоб домой не шли. Сегодня к вам приходили немцы с полицаями, хотели забрать.

— Они в дом заходили? — тихо спросил Яков, оставаясь внешне невозмутимым.

— Не, увидели замок и ушли.

— Хорошо, беги. Идем, Женечка, на Интернациональную и не подавай виду, что волнуешься.

На Интернациональной жил приятель Якова Василий Мина. Он охотно предоставил другу с сестрой место в доме, ни о чем не расспрашивал. По просьбе Якова вышел в город. Вернувшись, рассказал, что проведены аресты, взяли врача в больнице, еще нескольких человек.

Стало ясно — действовать надо немедленно. В доме оставались материалы, которые могли привести к аресту других членов подпольной организации, радиоприемник, пистолет Якова. Все это необходимо было забрать или уничтожить на месте. Женя вызвалась осторожно наведаться в дом. Якову не хотелось ее отпускать, но другого выхода не было. В данном случае даже блестящего слуха было мало. Нужны были глаза.

Девушка пробралась к дому огородами. Через окно влезла в свою комнату, вынесла и спрятала все, кроме находившегося в сарае радиоприемника. Казалось, за домом не следили. Но когда Женя вышла на улицу, то сразу же столкнулась с гестаповцами...

Яков не мог себе простить ареста сестры. Считал, что повинен в нем. Надо было идти в дом самому.

Василий Мина предложил Батюку помочь выбраться из города и спрятаться у надежных людей в селе, поблизости которого действовал партизанский отряд.

— Нет,— решительно отказался Яков,— я должен как можно скорее составить полное представление о потерях организации, чтобы знать, что делать дальше.

— Но ведь тебя могут схватить!

— Могут,— спокойно согласился Яков.— Но я буду нужен своим товарищам и в тюрьме. Большинство из них моложе меня, им будет труднее. Я же смогу взять всю вину на себя. Если ты не против, чтобы я еще некоторое время побыл в твоем доме...

— Какие могут быть разговоры.

Однако почти ничего руководитель нежинских подпольщиков выяснить не успел. По соседству с Миной жил помощник начальника тюрьмы Боярский. Раньше он не раз видел, как слепой адвокат приходил к его соседу. Боярский и привел фашистов к домику Мины.

Чтобы не навлекать неприятностей на хозяина, Яков вышел из дому навстречу врагам.

— Ты Батюк?

— Я!

Слепого подпольщика схватили за руки, связали.

— А почему ты укрываешь предателя, сволочь? — Полицай набросился на Василия, ткнул его кулаком в лицо.

— Он ничего не знал обо мне! — вмешался Яков.— Я устал и зашел отдохнуть в первый попавшийся дом.

— Мы еще узнаем, где ты устал и почему зашел отдохнуть.

Якова увезли.

Больше месяца продержали фашисты в своих застенках подпольщиков. Ежедневно пытали их. Но юные герои молчали. Подсаживали в камеру провокаторов. Никто не попался на удочку. Яков Батюк хорошо подобрал людей в свою организацию, подготовил их к возможным тяжелейшим испытаниям и в самые трудные дни укреплял их дух личным примером. Шестого сентября, за девять дней до освобождения города, юные герои Нежина были расстреляны. Запомните их имена: Яков Батюк, Евгения Батюк, Афанасий Афонин, Галина Борисова, Маруся Катан, Михаил Колодий, Григорий Лопотецкий, Ксения Мотылева, Иван Могильный, Вера Смолянчук, Галина Солодовник, Иван Пархо-

менко, Михаил Дереза, Фрося Мирошниченко, Евдокия Чернышова, Василий Опанасюк, Анна Ятуринская.

Дорогие мои молодые друзья! Вы все хорошо знаете сейчас хрестоматийные строки Маяковского, в которых дается совет «юноше, обдумывающему житье», делать «его с товарища Дзержинского». Полностью соглашаясь с поэтом, от себя хочу добавить: изучите жизнь Якова Батюка, старайтесь походить на него.

Мне кажется, что своим характером руководитель нежинских подпольщиков во многом походил на «железного Феликса». В их биографии даже был сходный эпизод.

Как-то во время одной из тайных сходок в лесу под Ригой Ф. Э. Дзержинский вместе с несколькими товарищами был арестован. Их повели к тюрьме. Дорогой один из конвоиров сказал Дзержинскому:

— Бегите, вас никто не считал, исчезновения не заметят.

— Нет,— ответил Дзержинский,— не могу. Мои товарищи в большинстве очень молоды, неопытны, в тюрьме им без меня будет трудно. Я должен идти с ними.

Не знаю, известен ли был этот эпизод Якову Батюку. Но перед арестом и во время его он вел себя точно так же.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СТРОК ВМЕСТО ОТСТУПЛЕНИЯ

Я уже говорил вам о том, что раньше не собирался писать книгу. Да и сейчас, поставив перед собой магнитофон и меняя кассету за кассетой, все же не ощущаю, наверное, того, что чувствуют писатели-профессионалы. Мне все представляется, что я просто беседую с кем-то. И хотя на столе передо мной микрофон, я все равно вижу перед собой лица реальных собеседников. Иной раз это тот мальчик Костя, с которым, как вы помните, мы несколько лет назад познакомились в трамвае. Если

в характерах взрослых несколько лет мало что меняют, то у детей иначе. С восьмилетним Костей надо было разговаривать совсем не так, как с пятилетним. Я вообще считаю, что мальчишек недооценивают. Мне самому довелось наблюдать, как десятилетние мальчики, которых считали еще совсем детьми, уверенно разбирали схемы сражений под Бородино и Полтавой, с толком, со знанием дела комментировали направления ударов и контрударов армий. Мы не устаем удивляться этому, хотя на самом деле ничего странного в том нет. Испокон века полководческие таланты проявлялись у многих в раннем юношестве, даже в отрочестве. Примеры Александра Македонского, Петра Первого и Карла XII слишком хрестоматийны, да и отдалены от нас толщей веков. Но мы знаем имена многих юных героев гражданской и Великой Отечественной войн. Да ведь и в нашем партизанском соединении было немало десяти- и двенадцатилетних разведчиков, которым, отправляя их на задание, совсем не делали скидку на возраст. Если вдуматься, то в таком раннем гражданственном взрослении детей, которое наступает обычно в минуты смертельной опасности, нависающей над страной, над народом, есть даже что-то загадочное, психологический феномен. Возможно, ученые когда-нибудь его объяснят. А я лишь на основании того, что лично видел, пережил, знаю, могу засвидетельствовать — лучших товарищей в сложных ситуациях, в битве с врагом, чем те мальчишки, к которым мы частенько относимся с необъяснимым «взрослым» высокомерием, не могу себе и представить. У военных есть такая поговорка: «Парень что надо! Готов с ним идти в один окоп!» Так вот, со многими мальчишками мне действительно приходилось бывать в одном окопе. И не помню случая, чтобы я разочаровался в ком-нибудь из них. Интересно еще одно наблюдение военных лет: среди самых храбрых, смелых, отчаянных бойцов нашего отряда были как раз те люди, кто, обогатившись опытом, который приходит только с возрастом, не утратили и черт, характерных для мальчишек — преданности товарищам, необычайной находчивости и изобретательности, даже какой-то отчаянной дерзости. Таким был командир полка Шевырев. И тот человек, о котором я расскажу вам сейчас подробнее.

Его зовут Александр Андреевич Ткаченко. Он как бы прожил три жизни: был строителем Днепрогэса, его бригада в соревновании завоевала право укладывать последние кубометры бетона в тело плотины. О Ткаченко-строителе писали статьи и очерки Б. Горбатов, К. Тренев, М. Кольцов и многие другие. Имя его гремело на всю страну. Все знают нынче и заслуженного тренера по плаванию А. А. Ткаченко, воспитавшего плеяду чемпионов, призеров и рекордсменов мира, Олимпийских игр и нашей страны. О Ткаченко написаны статьи и книги. Возможно, какая-нибудь из них стоит и на полке вашей личной библиотеки.

Я же сейчас хочу рассказать не о тренере и не о «командарме бетона» (как называли А. А. Ткаченко на Днепрогэсе), а о партизане и подпольщике.

Сейчас Александр Андреевич живет в городе Запорожье. Но, включая клавишу диктофона, я как бы забываю, что нас разделяет тысяча километров, и наша беседа течет спокойно, плавно, мы вспоминаем минувшее. Причем, многие детали, сцены, эпизоды проносятся перед мысленным взором так ярко и четко, будто было это только вчера. Но все же, чтобы не упустить каких-либо важных моментов, рассказывая о подпольной работе Александра Андреевича, я буду пользоваться его собственным документальным рассказом о тех днях, двадцать лет назад, по горячим следам записанным тогда молодым журналистом, а ныне писателем Анатолием Стасем. Хотя, конечно же, эти воспоминания я дополнял еще и тем, что знал сам.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ КАРЬЕРА МАСТЕРА ДАВИДЕНКО

Старший мастер Пауль Новак не впервой появился в Киеве, он был здесь еще со времени кайзера. Тогда на нем был военный мундир и шлем с шишечкой. Теперь немецкие солдаты тоже в мундирах. Каски их, правда, не так впе-

чатляющи, зато более практичны. А сам Пауль Новак в штатском костюме. Он свое отвоевал, у него другие задачи — налаживать и поднимать экономику на оккупированных территориях.

Еще с юности Пауль Новак сохранил некоторое знание русского языка, а также убеждение в том, что Россия варварская страна, которой самостоятельное развитие идет лишь во вред. Потому ее необходимо периодически оккупировать более цивилизованным государствам. Для нее это так же полезно, как война для немецкой нации, помогающая оздоровить дух народа.

Правда, нынешняя война Паулю Новаку все более не нравилась, даже вызывала серьезную тревогу. На виду у знакомых он любил бравировать нацистскими идеями, но наедине с собой все же мыслил довольно трезво. Слишком долго не приходила обещанная победа. Пожалуй, Гитлер в чем-то заблуждается. Захватить всю Россию сразу нереально. Очень большая территория, плюс морозы, партизаны, медведи. Следует временно остановиться. Освоить Прибалтику, Белоруссию, Украину. Потом только идти дальше — на Баку, Урал.

Пауль Новак надеялся, что разум восторжествует и вскоре так оно и будет. Наступит мир, оккупированные территории останутся за немцами. А уж развернуться здесь есть где. Если действовать с головой, можно нажить миллионы, может, даже стать таким, как господин Крупп, с мнением которого, говорят, считается сам фюрер.

Так рассуждал Пауль Новак, и на вверенном посту работал старательно, подготавливая почву для своей будущей деятельности уже в качестве заводчика.

Новый работник вначале вызвал у него откровенное любопытство. Еще молодой, крепкого сложения, с независимыми уверенными манерами, он явился к нему и попросил принять его на завод. Люди Новаку были нужны, особенно добровольцы. Таких, правда, почти не было. И вдруг является этакий молодец.

— Очень хорошо, что вы пришли,— сказал Пауль,— работу мы вам дадим, и хорошую, как я считаю. Но предварительно я хочу спросить. Понимаете, я немного психолог, и мне надо узнать, почему вы пришли

сюда? Вы, я буду откровенным, на вид представляетесь неглупым. Обычно такие просят места в управе или полиции. Там больше власти, больше доходов.

— Все очень просто. Я квалифицированный слесарь-водопроводчик.

— И только? Очень интересная верность призванию. Вы человек одной цели, такой же, как Хорст Вессель...

— Моя цель — моя выгода,— перебил Давиденко.

— В чем же вы ее видите? — Заложив ногу за ногу, Пауль Новак легонько покачивался в кресле и вопросительно смотрел на собеседника.

— В том, чтобы занять достойное положение в обществе. Мой отец не хотел идти в колхоз. Десять лет назад его увезли за то, что он имел земли немного больше, чем бедняк. Не скажу, чтобы мне после этого жилось сладко. Приходится делать ставку на вас.

— Значит, идейные убеждения?

— Идейные убеждения — чушь. Люди сами создают их и приспосабливают к своим потребностям.

— Вы симпатизируете Германии, ее духу, ее целям?

— Плевать мне на Германию со всем ее духом!

— Но-но, не забывайтесь!

— Вы же просили откровенности.

— Допустим.

— Я так вам и говорю. Германию я выбрал потому, что у меня нет иного выхода. К тому же, этот выход вполне пристойный. Вы, немцы, умеете строить жизнь по порядку. Здесь на Украине еще предстоит много работы. Всю Россию с наскока вам не одолеть, война затянется. Чтобы победить в ней, вам нужен крепкий тыл. Не только в рейхе, но и здесь. Нужно, чтобы работали заводы и сельские кооперативы, чтобы с партизанами боролись не только войска и полиция, а само население. Для этого нужно поднимать промышленность, налаживать экономические связи. Вам потребуется много специалистов, деловых людей. Вот я и пришел. На первых порах меня вполне устраивает должность мастера. Не скрою, что со временем не откажусь от более высокой. Но прежде всего я хочу солидного положения, а не того, которое опирается на полицейскую винтовку.

— Вы рассуждаете весьма здраво.— Пауль Новак улыбнулся.— Если будете трудиться так, как говорите, вполне вероятно, что повышения вам ждать недолго. Хотите кофе?

Пауль Новак всегда держал в термосе кофе. Давиденко, впрочем, хорошо знал качество этого эрзац-пойла.

— Благодарю, кофе я не пью.

— Нет? О, я понимаю, вы любите шнапс. Настоящий русский богатырь, Зигфрид. Впрочем, как это у вас... кажется, Соловей-разбойник?

Пауль Новак довольно расхохотался. То, что у славян героем может и должен быть разбойник, ему представлялось вполне естественным.

— Илья Муромец, — поправил Давиденко.

— Илья! Он что, еврей?

— Русский.

— Тогда почему носит еврейское имя? Наверное, евреем был его дед или прадед?

— У русских Илья очень распространенное имя. Когда гремит гром, издавна у нас говорят, что это Илья-пророк катается по небу на колеснице.

— Вот как? Я все же советовал бы вам не давать своим детям еврейских имен. Это нечистоплотно. Или вы не брезгливы?

— Напротив. В будущем я даже хочу привезти себе жену из Германии.

— Однако у вас смелые планы.

— И дальние.

— Это хорошо. Работайте усердно, и я буду им содействовать. За ваши успехи! — Пауль Новак поднял рюмку с водкой.

У пленных, работавших на Дарницком вагоноремонтном заводе, новый мастер сразу вызвал неприязнь. Не нравился его самодовольный, здоровый вид, не нравился громкий, уверенный голос, манера держаться несколько надменно, не нравилось, что с ним здоровался за руку сам Пауль Новак, не нравились аккуратность и точность в работе, и пуще прочего бесила его требовательность.

— Выслуживается! Откуда только берутся такие?

— Не спрашивай!

Двое пленных перешептывались, притаившись за дверьми сарая, в котором хранились железнодорожные оси. Речь шла об их начальнике, мастере Давиденко.

Может быть, военнопленные давно бы его прикончили, но немецкий прислужник был на редкость осторожен.

Подобрал себе помощника, и до удивительного изменился человек. Раньше моряк Анатолий только и говорил о том, что надо бежать. Когда же стал помощником водопроводного мастера, совсем другим сделался. Анатолия тоже возненавидели.

— Живем, ребята! — тихо сказал третий, подходя к ним и показывая пачку сигарет.

— Откуда?

— Давиденко забыл. На камне, где сидел.

— А если он вернется обратно?

— Ну и что? Мы-то при чем?

— Не понимаю, как только этот педант мог сигареты забыть?

— У таких всегда что-нибудь ненормально, в самом важном для них.

— Да будет о нем.

Трое пленных жадно курили.

— Тише, он возвращается.

— Вспомнил о сигаретах!

— Осматривает камень, ищет, видать. Теперь сюда идет.

— Все, больше ходить не будет! — Высокий и тощий, как жердь, пленный сжал в руках дюймовую трубу.

— Перестань! Его сейчас же хватятся. Тогда всем конец.

— Все равно, только бы не терпеть такое.

— Положи трубу, тебе говорят!

Давиденко был уже в дверях. Он увидел как из темноты резко шагнула к нему длинная тень, как решительно и отчаянно размахнулась, и быстро, пружинисто пригнулся. Труба просвистела над головой. Легким коротким ударом Давиденко сбил нападавшего, потом так же уложил второго. Третий отбежал в глубь сарая, в темноту, закричал:

— Стреляй, гад! Не кончишь сейчас — из-за угла придушу!

— Истерика не к лицу мужчине. Успокойся и подойди сюда.

— Бить будешь?

— Зачем? Сам подохнешь, если не возьмешься за ум.

— Где он, этот ум? У тебя, что ли?

— Хотя бы. Вот ты, например, наверное, раньше был энтузиастом, может, даже стахановцем, кричал «ура». А теперь погибаешь в плену, как скотина. Где же твоя идейность, преданность родине?

— Меня взяли контуженного.

— Тогда понятно, почему ты забыл, чему учился в советской школе. Тактика индивидуального террора осуждена большевиками. Что молчишь? Если вы меня убьете, на мое место придет другой, а вас расстреляют. В остальном ничего не изменится. Ваша страна разгромлена, ее солдаты, такие, как вы, смиренно ждут конца в лагерях. А жизнь-то одна. Неизвестно, что будет в будущем. Надо уметь сейчас выжить. Все эти пятилетки, энтузиазм — сплошная демагогия. Смерть не разбирает, кто живет за идею, кто сам тихо идет к закату. Вот и думайте.

Давиденко ушел. Вслед ему понеслись хриплые воющие звуки. Пленный, сбитый водопроводным мастером, плакал от собственного бессилия.

— Он наверняка донесет.

— К вечеру всем быть в карцере.

— Это еще хорошо.

— А все же странно, почему он сразу нас не взял.

— Забавляется, шкура.

— Нет, ты подумай. И помощник его недавно ребятам картошку приносил.

— Совесть гложет. Все-таки бывший моряк.

— Разве что...

— А ты думал? От таких добра не жди.

Давиденко прямиком пошел к Паулю Новаку. Несмотря на то что на заводе случилась авария и уже два часа не поступала по трубам вода, старший мастер был в хорошем расположении духа. Утром ему удалось достать почти за бесценок партию дорогих меховых ве-

щей. Радость удачной сделки не могла омрачить какая-то производственная авария.

— У меня есть настоящая русская водка. Это, скажу я вам, не шнапс. — Пауль Новак цокнул языком. — Русские тоже кое-что умеют делать. Хотите стопку?

— Только одну.— Давиденко разложил на столе потертый чертеж.— Это схема водопровода.

Пауль Новак посмотрел на своего служащего с любопытством.

— Как вы ее составили?

— Нашел в архиве производственного отдела.

— В архиве? Никогда не думал, что русские способны вести какие бы то ни было архивы.

— Ну почему же? При соответствующей выучке они могут быть прекрасными работниками — добросовестными, исполнительными, смекалистыми. Вся их неразбериха из-за отсутствия хозяина.

— Гм... Вы, пожалуй, правы. Я тоже думаю, что из славян можно сделать вполне подходящих работников. Что вам подсказывает ваша схема?

— Думаю, что в поле, примерно где-то здесь, промерзли трубы.

— Почему?

— Торопились прокладывать. Много кричали, а как следует утеплить забыли.

— Сделали ляп-тяп?

— Я всегда говорил, что энтузиазм враг качества. Не нужно ни торопиться, ни лениться. Нужно работать так, как положено, по порядку.

— Полностью с вами согласен. Сколько времени вам понадобится, чтобы устранить повреждение?

— К утру справимся. Нужна бригада в двадцать человек.

— О чем речь? Берите хоть сто. И постарайтесь, чтобы вода действительно к утру была. Это еще больше поднимет мое уважение к вам. Вашу стопку.

— Не забывайте, мне ночь работать.

— О-о, такому богатырю лишняя стопка не помешает! Эта водка не пробуждает сонливости, наоборот, она будоражит кровь. Ваше здоровье!

Стоя посреди двора перед шеренгой выстроившихся

пленных, Давиденко ровным монотонным голосом называл номера:

— 142, 215, 604...

Шестьсот четвертым был Анатолий Панченко, тот самый, который пытался пристукнуть мастера трубою.

— Все ясно,— проговорил Анатолий,— поведут на расправу.

— Если так,— ответил Юрий Иванов,— нас тоже возьмут.

Действительно, номера 2051 и 2327 тоже не были опущены.

— Все названные мною номера останутся на ночную работу,— так же бесстрастно говорил Давиденко.— Остальные могут возвращаться в лагерь.

Двадцать пленных тяжело бредут в поле. Впереди Давиденко со своим помощником. Сзади два конвоира с автоматами.

Мастер ведет уверенно, хорошо ориентируясь по каким-то, очевидно одному ему известным, признакам. На совершенно пустом месте останавливает колонну. Приказывает:

— Копайте здесь.

Звонко стучат о мерзлую землю лопаты.

— Ну и подлец,— шепчет Панченко,— я думал, он только на работе выслуживается, а он и на такое способен. Хоть бы перед смертью задушить.

Его слова долетают до слуха мастера. Тот говорит помощнику:

— Объясни этому говоруну, что к чему.

Анатолий подходит к высокому тощему человеку.

— Ты не бунтуй зря! Мы ищем повреждение водопроводных труб. И только. А ты уже невесть что вообразил. Вместо того чтобы болтать лишнее, подумал бы, как выжить.

Снова стучат о землю лопаты. При свете фонарей конвоиров уже видна неглубокая траншея, разбросанные по сторонам заснеженные мерзлые комья.

Внезапно один фонарик гаснет, за ним второй. Слышится приглушенный стон. Снова вспыхивает свет. Теперь фонарик в руке Давиденко. Другой он держит автомат.

— Товарищи! Нас ждут в партизанском отряде. Кто не хочет возвращаться назад в лагерь, пусть следует за мной. Вопросы потом.

— Обожди,— задыхается Панченко,— как же так? Ведь я мог тебя трубой.

— Правильно сделал, что замахнулся,— бросает Давиденко уже на ходу,— потому и взял тебя в группу побега.

Когда Паулю Новаку сообщили, что пленные, убив конвоиров, бежали, он прежде всего воскликнул:

— Что с Давиденко? Его тоже убили?

— Неизвестно, пока не нашли.

— Значит, взяли заложником.

— Зачем им заложник?

— Действительно.

Вскоре после этого выяснилось, что никакого повреждения водопровода не было. Просто кто-то закрыл находящийся в утепленном колодце кран и перекрыл доступ воды на завод.

«Неужели такой специалист, как Давиденко, мог об этом не знать? — недоумевал Пауль Новак.— Конечно же, он знал. Тогда выходит, все подстроено с его ведома. Но почему, зачем?»

Новак налил себе водки, повертел в руках бутылку. Внезапно он вспомнил, что откупорил ее вчера вместе с Давиденко, пил за его здоровье и громко, нервно расхохотался.

— Удивительная страна,— сказал самому себе, обтирая платком мокрые губы,— удивительные люди. Я понимаю пленных. Спать на земле в бараке — удовольствие небольшое. Но перед ним открывалась замечательная карьера. Он мог бы со временем стать моим помощником или даже старшим мастером. Нет, это совершенно непостижимо!

Новая мысль внезапно осенила старшего мастера: что, если Давиденко вовсе не Давиденко, а красный разведчик? Чтобы отогнать ее, Пауль Новак даже провел рукой по лбу — слишком большими неприятностями грозило подтверждение подобного предположения.

— Нет, пусть уж лучше он остается жертвой красных.— Мрачно улыбнувшись, старший мастер снова наполнил рюмку. — Пусть земля вам будет мягкой, го-

сподин Давиденко, так, кажется, принято у вас говорить.

Совершенно непроизвольно Пауль Новак набрел на истину. Водопроводчик Давиденко в действительности был младшим лейтенантом Советской Армии Александром Ткаченко. Освобожденных военнопленных он прямиком привел в наш отряд.

ПАРТИЗАНСКАЯ КОННИЦА

Учитель Нелин, по кличке Медведь, возглавлявший в Бобровицах небольшую подпольную группу, прислал в отряд сообщение о том, что комендант района капитан Бюрке приказал вывезти в Германию всех лошадей конного завода. Более ста скакунов стоят в конюшне, ждут погрузки в вагоны.

Я вызвал Шевырева. Он давно вынашивал планы создания партизанской конницы. Представлялась удобная возможность для их осуществления.

— Как, кавалерист, все еще скучаешь о седле и сабле?

— Это ж замечательное дело. Мне б эскадрон хотя бы человек в пятьдесят. Ох и нагнали бы на немцев страху!

— Будет эскадрон. Не пятьдесят человек, может, и побольше.

— А кони?

— Коней надо взять.

Я рассказал Шевыреву о сообщении Нелина. Он прямо взвился.

— Это же настоящее сокровище, Иван Михайлович! Разрешите готовиться к операции?

— Для того тебя и позвал.

— Мы это мигом провернем. Возьму человек пятнадцать ребят...

— Ты не горячись,— перебил я,— продумай все хорошо. Чтобы захватить столько лошадей, нужно взять человек сорок. Операция предстоит не такая простая. Конюшни недалеко от комендатуры, к тому же в поселке сейчас расквартирован итальянский полк. Боевой дух у него, правда, не очень высок.

— Все сделаем самым лучшим образом.

— И все же хорошенько обдумай план, потом доложишь.

Прежде всего Шевырев начал подбирать людей для ночной операции. Тут нужны были не только решительность и смелость, но и, конечно, умение обращаться с лошадьми. Желающих попасть в кавалерийский эскадрон оказалось много, Шевырева буквально осаждали паломники. Без всяких уговоров он взял пожилого партизана Коломийца, работавшего до войны жокеем на этом же заводе, Поклонцева, Мишу Чижа, Алешу Рога, Пашу Жусубекова — тех, чей опыт наездника не вызывал сомнений. Многим, особенно городским, решительно отказывал.

— Да я с конем с детства, как с братом,— распинался Костя Ляпков.

— С детства, говоришь? А сам откуда?

— Ленинградский.

— Где же там у вас кони? Или ты на медном скакал?

— Почему на медном? Самом настоящем, живом,— нашелся Костя.— У нас при ипподроме конно-спортивная секция.

— Смотри мне. А то другой говорит, что в седле родился, а спросишь, как в седло влезать, отвечает, что с крупа. Кони, они руку сразу чувствуют, таких всадников и близко не подпустят.

Костю взяли на операцию.

В сумерках сорок человек сели в сани и помчались по неглубокому рассыпчатому снегу.

Возле села Макаровцы Шевырев отправил ездовых с санями обратно. Дальше шли пешком. Незамеченными перебежали через железнодорожную линию, огородами вошли в поселок.

Возле самых конюшен встретили троих полицейских. Притаившись, подождали, пока они пройдут, про-

скользнули в калитку просторного хозяйственного двора. Нигде никакой охраны. Лишь сквозь оконце небольшой пристройки пробивался бледный луч света. Там у печурки грелось восемь итальянских солдат.

Внезапно двери отворились, на пороге во весь рост встал человек в кожаной куртке, поднял над головой гранату.

Итальянцы вскочили, быстро все вместе загалдели, показывая на лежащие в углу карабины.

— Итальяно нет войны, итальяно едет домой! Рома! Неаполи! Палермо! — смешно и азартно размахивая руками, объяснял Шевыреву маленький растрепанный человечек в нижней рубахе и штанах со спущенными подтяжками, похожий больше на мирного портного или торговца фруктами, но только не на солдата.

— Дуче — плохо! Гитлер — плохо! Партизаны — карашо!

Шевырев опустил гранату.

— Видно, и правда они не вояки. Что с ними делать?

— Пусть сидят тихо. Синьоры, чтобы ни звука, тсс! — Володя Богданов приложил палец к губам.— Иначе пах-пах, прощай Неаполь.

Итальянцы заулыбались, закивали головами.

— Посмотри за ними,— приказал Шевырев Мише Чижу.— Если что — не церемонься, стреляй.

Партизаны бросились в конюшни. Шевырев сразу же заметил стройного снежно-белого жеребца с тонкими ногами, крутой шеей, благородной посадкой головы. Конь стоял неподвижно, словно вкопанный, лишь нервно подрагивающие уши свидетельствовали о том, что он приготовился встретить любую неожиданность и горе неопытному наезднику, который попытается вскочить к нему на спину.

— Откуда ты такой красавец взялся?—воскликнул Шевырев.

Он подбежал к скакуну, потрепал по шее, отцепил от привязи повод, властно натянул его.

Рядом Коломиец, обнимая за шею серого, счастливо ворковал:

— Орлик мой, Орлушка! Чего тычешься, узнал хозяина?

— Снимай со стены седло и во двор! — отрывисто бросил ему Шевырев.

— Да я сейчас, дай с другом поздороваться. Он, понимаешь, на моих руках вырос. Вместе призы брали на бегах, в Москву ездили. Верно, Орлушка?

Ночную тишину вспугнули конский храп, ржанье, топот. Норовистые жеребцы неохотно давались в руки. Даже Шевырев, несмотря на свой опыт кавалериста, еле управлялся с Белым. Кое-кто и вовсе опростоволосился... Широкогрудый гнедой волочил по снегу ухватившегося за повод Костю Ляпкова.

— Стой, тпррру, тпру! — кричал Костя.

— За уздечку хватай, за уздечку, понял? — подскочил к нему Шевырев.

Зацепившись за колесо фургона, Костя выпустил повод. Освободившийся конь гордо и легко пошел по кругу.

Костя подбежал к нему, вцепился в гриву, схватил уздечку, повел к фургону, чтобы с него взобраться в седло. Но как только он перекинул ногу через спину гнедого, тот взвился на дыбы, легко, словно пушинку, сбросил неловкого седока в снег.

Большинство партизан уже сидели в седлах, привязав к луке еще по одному скакуну. Нужно было скорее уходить, шум наверняка разбудил многих в поселке. С минуты на минуту можно было ждать нападения.

Ляпков, прихрамывая, выбирался из-под фургона.

— Подсади его, Паша,— скомандовал Шевырев.

Жусубеков вмиг очутился возле гнедого, легко подхватил уздечку. Конь сразу присмирел.

— Садись,— крикнул Ляпкову,— садись, не бойся, он слушаться будет. Твоя разве такой конь надо? — продолжал он, когда Ляпков неуклюже взобрался в седло.— Там в конюшне итальянский мул стоит, вот твоя конь.

Несколько лошадей не дались в руки. Они испуганно носились по двору, добавляя суеты и неразберихи. Где-то вблизи прозвучал выстрел.

— За мной! — скомандовал Шевырев.

Опрокинув жердевую загородку, отряд вырвался на улицу, пронесся вихрем, взметая снежную пыль, мимо полицейской управы, мимо комендатуры, в которой

заспанный гауптман Бюрке торопливо натягивал на кривые ноги сапоги.

Проскочив железнодорожное полотно, сбавили темп.

— Хватит твоя учить, скачи сам,— сказал Жусупбеков Ляпкову и выпустил повод его коня. Через несколько секунд Ляпков оказался в снегу.

— Что, Костя, ранили? — услышал над собой насмешливый голос Шевырева.

— Нет, не удержался просто.

— Ты крепче держись, вспомни, как у вас на ипподроме.

— Я лучше бегом, у меня дыхание хорошее, не отстану.

— На своих у тебя красивее получается, только не хныкать.

Ехали неторопливым шагом.

— Володька,— повернулся к Богданову Поклонцев,— чего твой конь, как жаба, прыгает?

— А и правда,— подхватил Коломиец,— странно как-то прыгает.— Он подъехал к Богданову и вдруг громко рассмеялся.— Ребята, а конь-то спутанный.

Партизаны ответили дружным хохотом.

— Что смеетесь? — беззлобно сказал Богданов. Он слез на землю и стал распутывать коню передние ноги.— Когда через поселок неслись, не смеялись небось. А подо мной конь смирный. И если я уж на нем спутанном скакал, то теперь он меня вдвойне слушаться будет. С кем хочешь могу соревноваться.

— Давай! — сразу отозвался Николай Григорьев.

Они слегка ударили скакунов сапогами в бока и понеслись. Почти сразу из темноты послышался отчаянный крик Богданова.

— Тр-р-р-р! Да тр-р-р, чертяка! Ребята, ребята, остановите меня!

— Один уже ускакал — не остановишь,— смеясь, сказал Шевырев Коломийцу.— Давай мы проверим, чей резвее.

— Нет, Орлика гнать нельзя. Если на рысях — немного равных ему найдется. А к галопу он не приучен. Разве только в крайнем случае.

Сзади послышался топот.

— Погоня! — воскликнул встревоженный голос.

— Спокойно, ребята, без паники,— сказал Шевырев.— Неоткуда сейчас взяться погоне.— Автомат, однако, на всякий случай снял.

Партизаны схватились за оружие, всматривались в темноту.

— Паша, Пашенька,— просил Ляпков,— посади меня снова.

— Зачем спешишь? Скоро сядешь — скоро свалишься.

— Так ведь гонятся!

— Кто гонится, где ты видишь?

— Так топот же, совсем уже близко.

— Кони топочут. Если боишься, сам спасайся. Моя никогда от коней не убегала.

— Ложная тревога,— уверенно определил наконец Коломиец,— просто остатки табуна догоняют своих собратьев. Они вместе привыкли, не хотят оставаться.

— Вот это да!

Кони без всадников поравнялись с отрядом, толкаясь боками, наступая на волочащиеся по земле повода, вклинились в его ряды. Коменданту Бюрке остался лишь почтенный мул, которого Жусубеков прочил Ляпкову.

На следующий день в лагере было только и разговоров, что о ночном приключении кавалеристов. Особенно доставалось Ляпкову. Серьезная и жалостливая Галя Дубовик взяла парня под свою защиту.

— Сколько можно донимать человека? Ведь ему и так труднее вашего, все ноги в волдырях.

Последние слова снова вызвали взрыв смеха.

— У хорошего кавалериста всегда так.

— Хочешь ехать верхом, обувай портянки помягче.

— Делать вам нечего,— только раззадорилась девушка.— Все навалились на одного. Смеялись бы лучше над немцами.

— А что, ребята, идея,— вдруг подхватил Богданов,— напишем коменданту Бюрке письмо.

— Как запорожцы султану! — обрадовался Дешко.

— Можно и покрепче!

— А я думаю, письмо устаревшая форма,— хитро прищурился Овдиенко,— современнее будет составить приказ.

— Конечно, приказ! — чуть не подпрыгнул Богданов.— А в нем благодарность Бюрке.

— Веревку ему надо! — возмутился Потемкин.— А благодарность за что?

— За коней, разумеется.

— Давайте вместе форму и обдумаем.

Володя Богданов уселся в землянке за перевернутым ящиком, положил перед собой лист бумаги. Дешко, Шевырев, Гонта, Поклонцев, Григорьев, Овдиенко и другие командиры обступили его со всех сторон. Я тоже увлекся, с азартом включился в составление коллективного текста. Затем Ярмош долго перепечатывал его на машинке. В тот же вечер Нелин унес с собой два десятка экземпляров нового документа.

Гауптман Бюрке никогда не завтракал по утрам. Он считал, что это дает желудку дополнительный отдых и способствует повышению общего тонуса организма. Однако стакан горячего кофе или чаю должен был выпить обязательно, чтобы разогреть кровь.

Едва успел Бюрке сделать первый глоток, как в комнату постучали.

— Войдите! — прохрипел Бюрке. Он не оправился еще от нагоняя, который получил за то, что проворонил коней, все воспринимал в мрачном свете и приятных новостей и визитеров не ждал. Ему не удалось даже как следует сорвать злость. Арестованных ротозеев-караульных пришлось почти тотчас освободить, так как весь итальянский полк готов был взбунтоваться.

В дверях показался старший полицейский Зеба.

— Господин комендант, ночью кто-то расклеил на улицах афиши.

— Ты решил испортить мне кофе?

— Я посчитал своим долгом предупредить.

— Покажи.

— У меня с собой афиши нет.

— И бестолковый же ты! Хоть что там написано, помнишь?

— Нет, я не читал. Все читали, а я сразу к вам.

На мгновение Бюрке показалось, что полицейский смотрит на него с насмешкой. Он строго повернулся к

нему, но ничего уже не заметил. Зеба сохранял все ту же почтительную позу.

«До чего же глупые люди,—подумал Бюрке.—Врывается ко мне с таким видом, словно совершил что-то важное, а сам даже не разобрался, в чем дело».

— Иди и принеси мне это.

Полицейский вышел.

Бюрке не спеша допил кофе и направился в свой кабинет. На столе белел листок бумаги.

«Это что еще такое!» — удивился Бюрке. У него был заведен твердый порядок: на ночь все документы прятать в сейф.

Бюрке развернул листок. Текст был написан на машинке русскими буквами. Бюрке медленно, по складам начал читать:

ПРИКАЗ № 26
по партизанскому отряду «За Родину!»

Подразделением партизан в Бобровице взято 112 верховых коней. Все кони в хорошем состоянии и пригодны для использования в кавалерии.

За содействие в обеспечении отряда конями, проявленное в ротозействе и головотяпстве, граничащими с круглым идиотизмом, коменданту Бобровицы гауптману Бюрке объявляется благодарность.

Вместе с тем приходится констатировать, что, позаботившись об обеспечении отряда конями, вышеназванный Бюрке не представил одновременно соответствующего количества седел и уздечек. Ввиду этого коменданту Бюрке предлагается подготовить и отвезти в лес полный комплект недостающей сбруи. В противном случае он, как Иуда, будет повешен на осиновом суку.

Приказ этот обсудить также в комендатурах Нежинского, Носовского, Козелецкого и Олишевского районов. Комендантам поименованных районов принять срочные меры по обеспечению партизан вооружением, обмундированием и продовольствием. В случае недостаточного старания, они будут повешены на одной осине с Бюрке.

Командование партизанского отряда
«За Родину!»

Возможно, какой-нибудь строгий гражданин прочтет составленный тогда нами (причем с немалым старанием) приказ и, недоуменно пожав плечами, скажет:

— Совсем несерьезно. Не партизаны, а балованные дети.

Самым лучшим возражением ему будут два простых факта. Мы были именно партизанами, мы били врагов, гибли под пулями и в завершающий период нашей борьбы сумели обеспечить регулярным частям Советской Армии переправу через Днепр. Все это далеко не ребячьи забавы. Второй факт: мы — те же самые люди, что составили этот приказ, а те, кто вывешивал его в Бобровицах, даже рисковали.

Как эти факты совместить? Целесообразно ли тратить время на шутки в такой напряженный период истории, оправдан ли здесь риск? Попробую объяснить все, как я понимаю.

Каждый человек в душе остается немного ребенком. Порой люди совершают поступки, казалось бы, совершенно не вяжущиеся с их возрастом, солидным положением. Помните добрую старую песенку:

Можно быть очень важным ученым
И играть с пионером в лапту...

Сам я, глядя, как мальчишки, раскачавшись на трапеции, прыгают в пруд, порой забываю о своих сединах, «генеральских» усах, готов бываю соревноваться с ними. Только, к сожалению, «мотор» не дает о себе забывать.

В принципе же, если взрослый, пожилой человек участвует в детских забавах, его ни в коем случае нельзя осуждать. Другое дело, если он всю жизнь захочет превратить в забаву. Это уже серьезная общественная аномалия, о таких людях речь не идет. Те же, кто творит, создает материальные и духовные ценности, порой должны давать себе разрядку в совершенно несерьезных поступках, если к ним подходить с отвлеченно строгой меркой.

Возьмем для примера футбол. Какие страсти нередко кипят на переполненных болельщиками трибунах!

Что же, все это мальчишки? Преимущественно, да. Правда, многим из них уже по 60—70 лет, в карманах своих пиджаков они носят тюбики с валидолом. Но даже врачи не запрещают им избегать эмоций, которые приносит интересный матч. Наоборот, рекомендуют их.

Мне кажется, я до сих пор не разучился понимать детей, я понимаю людей, которые иногда поступают, как дети. А вот люди, которые все свои действия соразмеряют с точки зрения их целесообразности, считают, что на все случаи жизни написаны четкие инструкции, установлены обязательные правила и отклонения от них вопиюще ужасны, лично мне глубоко неприятны. Мы часто смеялись. Смеялись над коварным, беснующимся врагом, над собственными промахами, неудобствами нашего быта. В этом прежде всего я вижу проявление нашей силы.

Все развитие истории свидетельствует, что шутки, смех — неизменные спутники нового, наступающего, прогрессивного. Резонерство, требование строжайшего соблюдения житейских канонов, вера в их непогрешность — атрибуты перезревшего и умирающего. Вспоминаю, кажущийся теперь уже далеким, период гражданской войны. Трудно даже перечислить всех врагов, выступивших против молодой Республики Советов. Ее окружало кольцо фронтов, внутри поднимали мятежи белые, зеленые, желто-голубые и прочие банды, многочисленные ученые пророки черными воронами вещали ей скорую гибель. А она, едва накормленная и одетая, плохо вооруженная, молодо и зло смеялась над своими врагами. Смеялась, била их и победила!

ВЗРЫВЧАТКА В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ

Среди людей, пришедших в отряд в начале весны 1943 года, был лейтенант Петр Дударь. В тот период мы больше всего прочего были озабочены поиском взрывчатки. В сторону

фронта шло все больше эшелонов с живой силой, техникой. Не оставалось сомнения, что в весенне-летний период гитлеровцы готовятся к крупным операциям на фронте.

Нужно во что бы то ни стало перекрыть артерию, питающую немецкие армии. Старым способом, с помощью лома и кирки, действовать стало почти невозможно. Движение поездов участилось, дороги усиленно патрулировались. В таких условиях не выкроить время, чтобы без помех, и главное, незаметно для противника, разворотить рельсы. Взрывчатка была необходима.

На второй или третий день своего пребывания в отряде Петр Дударь подошел ко мне и с хладнокровным видом сделал совершенно ошеломляющее предложение.

— Товарищ командир, по-моему, мы ищем воду в речке.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что мин, которых нам так недостает, мы можем хоть сегодня иметь сколько угодно.

— Каким образом?

— Самым простым. Недалеко от села Марковцы лежит много брошенных при отступлении снарядов.

— Это мне известно.

— Каждый такой снаряд может стать миной.

— Интересно. Насколько я знаю, они предназначены для того, чтобы взрываться лишь в результате выстрела, а не лежа на месте.

— Совершенно верно. Небольшая переделка все может изменить.

— Откуда у вас такие данные?

— Идея здесь довольно проста. Не буду подробно объяснять. Дело в том, что меня еще в школе прозвали технарем. И не без основания. Разрешите, я продемонстрирую все практически.

— Действуйте! — сказал я, однако в успех поверил не очень.

С группой бойцов Дударь привез десятка два снарядов. Потом в стороне от наших землянок в течение часа периодически слышалось легкое постукивание по металлу. Появился Дударь, крепко прижимая к груди двумя руками снаряд.

— Все в порядке,— сказал и улыбнулся,— я лишь немного переделал взрыватель. Теперь эту штуку можно использовать как мину мгновенного действия. Нужно лишь ударить по головке.

Несколько человек, окруживших было Дударя, попятились.

— С такими вещами не следует приходить в лагерь! — строго сказал я.

— Разумеется,— Дударь понимающе кивнул,—сейчас взрыватель снят. Но поставить его перед операцией совсем несложно. Лучше всего проверить это на дороге.

Иметь дело с подобными минами было рискованно. Тем не менее добровольцев на операцию вызвалось больше, чем требовалось.

Снаряд заложили под рельсы на перегоне Кобыжча — Носовка. Взрыв сбросил запломбированные товарные вагоны, они покатились с насыпи. Подрывники подбежали, сорвали запоры с одного. Вагон был набит мешками с мукой.

Через полчаса к месту аварии подъехала дрезина с гитлеровцами. Партизаны отогнали их огнем пулеметов, и почти до полночи перетаскивали муку на подводы. Немало мешков досталось и жителям Кобыжчи.

«Мина Дударя», или «МД», как стали ее сокращенно называть партизаны, испытание выдержала успешно. Теперь мы могли установить над железной дорогой свой контроль.

На нежинском аэродроме остался большой запас, тысячи полторы, авиационных бомб. Я послал роту Дешко перевезти все это богатство в лес. Партизаны разогнали полицию в Лукашовке, Андреевке и Наумовке, мобилизовали несколько десятков подвод, и вскоре бомбы лежали на нашем складе. Были они разные: мелкие — пятидесятикилограммовые, средние и громадные — полутонные. В течение одной ночи мы приобрели столько взрывчатки, что запасы ее для нас практически стали неограниченными.

Петр Дударь организовал что-то наподобие курсов подрывников. Очень быстро многие научились превращать бомбу в мину.

Появились у нас и свои рационализаторы. Михаил Иванов из роты Симоненко приспособил к средним авиабомбам взрыватели от мин, которых у нас также было достаточно. Его конструкции взрывались с помощью шнура. Это давало определенные преимущества — теперь мы могли выбирать для взрыва нужный момент. Ведь немцы впереди эшелона обычно пускали несколько платформ с песком. Они-то в первую очередь и подрывались на минах. Способ Иванова позволял платформы с балластом пропускать и взрывать мину, когда над ней проезжал паровоз или передние вагоны.

Приближалась весна. Ночью морозец еще затягивал лужи тонким ледком, но к полудню солнце полностью его растапливало, земля становилась влажной, мягкой, на открытых пригорках зазеленела молодая травка. Набухли на деревьях почки.

Мы ждали больших и важных событий, чувствовали, что этот год станет для нас годом решающих перемен.

С вечерними сумерками по нескольку групп всегда уходили на задание. Ночную тишину то и дело нарушал треск выстрелов, грохот взрывов. Лишь с рассветом все по-настоящему стихало. Уставшие, но счастливые сознанием хорошо сделанного дела, бойцы возвращались в лагерь. Бывали возвращения и печальными, когда приходили не все, приносили с собой раненых.

Утром лагерь спал. Бодрствовали лишь часовые, дежурные и назначенные в наряд. С полудня начиналось оживление. Бойцы рассказывали друг другу о проведенных накануне операциях, готовились к новым.

В одно раннее апрельское утро я вышел из нашей штабной землянки. Косые лучи солнца золотили верхушки деревьев, прозрачный до хрупкости воздух был наполнен голосами птиц. В эту пору года пернатые еще не заняты поиском пищи для потомства и позволяют себе тратить время на концерты. Утренняя свежесть бодрила, как хороший, круто заваренный кофе.

На поваленном дереве сидел молодой боец с раскрытой книгой в руках. Я всмотрелся: кажется, Паша

Первушкин. В отряде уже несколько месяцев. А я и не знал, что он таскает с собою книги. Заинтересовался, подошел к парню.

— Что читаешь?

Он нехотя поднял голову, повернул обложку так, чтобы мне было видно.

— «Три мушкетера»,— вслух прочитал я.— Нравится?

— Еще бы! Таких книг и нет, наверное, больше.

— А ты много читал?

— Немало. Но и не то чтобы очень. Раньше я этого дела вообще не любил. А тут вот, в отряде, девчата дали книгу — и завлекло.

— Что ж тебе в ней нравится?

— Все. Атос и д'Артаньян, и особенно то, как они друг за друга стоят. Вы читали?

Я улыбнулся:

— Читал, конечно.

— Ну и как?

— Хорошая книга, красивая. Хоть фантазии, может, и многовато.

— А по мне, самый раз.

Я отошел, задумался. Что, в сущности, знаю я о людях нашего отряда? Очень мало. Все они кажутся мне смелыми, сильными, готовыми умереть в борьбе. Но это только ведь общие черты. Каждый же из них по-своему индивидуален. И не о смерти думают они, о жизни, о той прекрасной жизни, которая будет после войны.

Вот сидит парень, боец, как большинство, исполнительный, не трус. Ночью ходит на задания, а утром читает «Трех мушкетеров», восхищается подвигами д'Артаньяна, благородством Атоса. Самому ему сейчас, пожалуй, приходится труднее, чем героям Дюма. Но даже и в мыслях, наверное, не сравнивает.

Я твердо уверен, что любой из наших бойцов, не колеблясь, пойдет на задание, каким бы трудным и рискованным оно не было, знаю, что всех нас объединяет любовь к отчему дому, ненависть к захватчикам. И еще — общая жажда жизни. Деятельной, полезной для страны и по-своему неповторимой.

Конечно, всем сейчас трудно. Но не одной войной

заняты их помыслы. Читают, есть такие, что и учатся. Война войной, а учебная программа остается той же. Не хотят терять времени — молодцы. И влюбляются. Все закономерно — люди молоды. Это чепуха, что любить дозволено лишь тогда, когда вокруг все устроено, благополучно, когда можно нежно взять любимую за руку и повести по усыпанной цветами дорожке в мраморный дворец. Рожденная в трудностях, прошедшая невзгоды любовь куда сильнее. Я знаю, вижу, уже сейчас в нашем отряде начинается несколько хороших семей.

Не обходится и без курьезов. Паша Жусубеков, рассказывали мне, устроил вчера Коле Хвостину скандал. Из-за стихов. И смех и грех.

В селе Кукшин Паша нежданно-негаданно влюбился в незнакомую девушку. Горячая голова, не раздумывая, подходит к ней:

— Будем с тобой жениться, после войны в кишлак ехать.

Девушка, конечно, глаза большие сделала.

— Что вы, — говорит, — так сразу?

— Сразу, милый, влюбился, сразу. Выходи за меня, я хорош парень.

— Нет, так сразу нельзя.

— Хорошо, я подожду. Говори, сколько ждать?

— И вообще ждать не надо.

У девушки уже был жених.

— Не пойму, чем я ей плох? — жаловался Паша друзьям.— Голова есть, сила есть, работать могу.

— Парень ты хоть куда, Паша,— сочувственно говорил Миша Чиж.— Только, понимаешь, у нас так не принято. Это у вас калым заплатил и берешь девушку в жены.

— Зачем калым? Я по любви, а не за калым.

— Ну, по любви. Но ведь надо сначала ухаживать, потом уже предлагать руку и сердце.

— Буду ухаживать. Говори, что делать?

— Напиши ей стихи,— предложил Коля Хвостин.— Девичье сердце чуткое, на стихи обязательно откликнется.

— Никогда не писал стихи, как это делать, научи, будь другом!

— Вообще это просто, напишешь ей, что ты чувствуешь, как ее любишь.

— Понимаю. Ты мой цветок пустыни, выходи за меня жениться, я люблю тебя, как звезды — ночь, как виноград — солнце, как барс — свежую кровь. Правильно говорю?

— Правильно. Только надо еще зарифмовать.

— Как зарифмовать?

— Ну... это я тебе помогу.

— Сделай, будь другом. Никогда тебя не забуду.

Хвостин сочинил стихотворение. Неуклюжее, наивное и к тому же несколько шутливое. Назвал его по-ильфовски: «Девушке, смутившей мою душу».

— Неси своей милой,— протянул листок бумаги Жусубекову,— не может быть, чтобы она не оценила.

— Спасибо, друг,— Павел долго тряс его руку.— Первым гостем у меня на свадьбе будешь.

Вернулся он из Кукшина разъяренным. Какой разговор произошел у него с девушкой, не рассказывал. Разыскал Хвостина и тут же напустился на него:

— Я к тебе, понимаешь, как к другу, а ты мне, как предатель.

— Что ты, Паша, опомнись! Что я тебе сделал?

— Притворяешься?

— Честное слово, Паша, не понимаю, о чем ты...

— Не говори «честное слово», побереги лучше совесть. Стихи кто писал?

— Ну, я.

— Негодный твой стихи.

— Да ты не горячись, расскажи толком.

— Не взяла она стихи, понимаешь? Прочитала и обиделась.

— Не может быть, Паша, здесь надо разобраться.

Шумел Жусубеков еще довольно долго. Пришлось ему объяснить, что у девушки есть жених. Как ни странно, от этих слов Павел сразу успокоился.

— Теперь понятно. Раз он жених раньше, тогда все в порядке. Жених не меняют, как конь не меняют.

Само собою разумеется, на положение отряда этот эпизод не оказал никакого влияния. Как и сотни ему подобных. Я привел его лишь для того, чтобы показать: мы не только дрались с врагом, мы жили, жили

сложной, многообразной, внутренне напряженной жизнью. Еженочные взрывы на дорогах стали лишь частью этой жизни. Для всего нашего отряда, конечно, самой главной.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Дело шло к вечеру, когда Федор Степанов с двумя партизанами возвращался на подводе в лагерь. Ездили в Носовку на разведку. Дорогой свернули в село Лукашовку. У крайней избы остановились. Федор подошел к затемненному окну, прислушался. В хате говорили на незнакомом языке.

— Немцы! — тихо сказал товарищам, прыгая в повозку.

Подхлестываемая вожжами, лошадь понеслась.

В соседнем поселке заехали к связному, сели ужинать. Федор рассказал, как только что чуть не попал в лапы гитлеровцам.

— В Лукашовке-то? Там немцев сейчас и духу нет. Стоит отряд венгров. Настроение у них, сказывают люди, никудышное. Воевать не хотят, все про свой Будапешт говорят. Оно и понятно. Осточертела им эта война.

— Должной бдительности, значит, не проявляют?

— Какое там! Сами скорее норовят разбежаться.

У партизан родился смелый план.

Снова въезжает в Лукашовку подвода, останавливается у той же крайней избы. Степанов негромко стучит в дверь. Шаги в коридоре, старушечий голос:

— Кто там?

— Полиция, мамаша, с проверкой.

Двери отворяются.

— Кто дома есть, хозяйка?

— Сама я да пять постояльцев.

— Какие постояльцы?

— Мадьярины какие-то...

— Что делают?

— Спят, время позднее.
— А оружие-то их где?
— Та там же, в углу стоит.
— Вот что, мамаша, ты шума только не поднимай, а мои хлопцы сейчас проверят.

Двое партизан осторожно проходят в комнату, возвращаются, держа за ремни два автомата, три винтовки, сумку с патронами.

— В других хатах тоже мадьярины есть? — спрашивает Степанов женщину.

— Есть, много их тут.

— Идем к соседям. Постучишь, тебе скорей откроют.

Партизаны переходят к следующему дому. Такой же осторожный стук, тот же вопрос:

— Кто?

— Я, Федосеевна, Матрена.

Открываются запоры, партизаны входят в сени. Процедура повторяется.

То же самое проделывают еще в четырех домах. Груженная трофеями подвода уезжает из села.

Операция необычная, даже несколько неправдоподобная. Пожалуй, объяснить ее можно лишь тем, что венгерская часть была полностью деморализована. Я лично считаю, что вряд ли все венгерские солдаты спали, когда партизаны собирали их оружие. Скорее всего, многие просто не хотели сопротивляться.

Но не своей необычностью примечательна была та операция для отряда. Последствия она имела для нас куда более значительные.

Среди захваченных трофеев было генеральское седло. Партизаны подарили его Шевыреву. Вместе с ним передали и портативный черный ящичек.

— Вот это подарок,— обрадовался Шевырев,— удружили хлопцы!

Он побежал к своему Белому, стал примерять новое седло, любоваться им. Маленький черный ящичек был забыт. Лишь днем, увидев его у Шевырева, Гонта спросил:

— А это что у тебя, Саша?

— Это? — Шевырев посмотрел недоуменно.— Ах, это! Ребята вместе с седлом принесли.

Гонта поднял ящичек, раскрыл. В нем была рация.

Вот как порою складывались события. Мы искали рацию повсюду, чтобы добыть ее, готовы были на любой риск. Ничего у нас не получалось. И вдруг она попала к нам в руки совершенно случайно.

Вечером я построил весь наличный состав нашего отряда. Как всегда подтянутый, аккуратный, Михаил Гонта вышел на середину перед строем, голос его звучал торжественно:

— Товарищи! Только что нами установлена связь с Москвой. Наш партизанский отряд «За Родину!» внесен в список частей и подразделений, действующих во вражеском тылу. От имени Штаба партизанского движения приветствую вас, как бойцов Красной Армии.

Троекратное «ура!» пронеслось над поляной.

— Отныне, — продолжал комиссар,—вся наша деятельность, как и деятельность других партизанских отрядов, будет проходить под руководством единого координирующего центра. Задачи, которые нам предстоит решать, будут частью общих задач, стоящих перед всей страной. Помните, товарищи. Отныне вы не только партизаны, но бойцы Красной Армии.

День 23 апреля навсегда остался в истории нашего отряда как большой праздник.

Приближалось Первое мая. Решено было отметить его по-боевому, так, чтобы фашисты тоже надолго запомнили эту дату.

Праздничный салют был дан ровно в час ночи. Во многих местах одновременно вместе со снопами огня взлетали на воздух железнодорожные рельсы, мосты на шоссейных и грунтовых дорогах.

Провели несколько других операций. Между Носовкой и Красными Партизанами находилась опытная селекционная станция. При ней же расположился откормочный пункт скота. Охранялась станция усиленным нарядом полиции, а также отделением немецких солдат. Ликвидировать вражеское гнездо мы поручили роте Клима Скотаря. Возглавили операцию командир второго батальона (наша численность все время росла, к концу апреля роты были реорганизованы в батальоны) Николай Симоненко и комиссар Емельян Хахуда.

Выехали под вечер. На повозке лежала 50-килограммовая авиабомба. При наклонах она слегка поворачивалась с боку на бок.

— Все ей не лежится, беспокоится! — пошутил Гриша Сабанцев.

— К столу торопится,— степенно заметил Емельян Хахуда. — Это наше угощение полицаям на Первое мая. Пусть и они почувствуют праздник.

Не доезжая станции, остановились. Выслали вперед двух разведчиков. Через полчаса они вернулись и доложили, что на станции все спокойно. Бесшумно стали окружать двухэтажное здание станции. Пулеметчики заняли позиции.

На крыльце перед дверью, опершись руками о ствол карабина, сидел часовой. Симоненко сделал знак бойцам оставаться на месте и бесшумно проскользнул к стене здания. Вот он уже возле угла, осталось несколько шагов...

И тут предательски хрустнула под ногою ветка. В тот же миг часовой вскочил и, бросив карабин, без выстрела, без предупредительного крика что есть духу помчался в темноту. Партизаны на несколько секунд оторопели — таких караульных они еще не встречали. Этих секунд полицаю оказалось достаточным, чтобы скрыться.

Симоненко махнул рукою подрывникам, чтобы шли к зданию. Едва те выступили из-за кустов, как из окна ударила автоматная очередь. Очевидно, гарнизон станции не спал. Возможно, кто-то специально наблюдал у окна, возможно и другое — обнаружили партизан чисто случайно.

Но так или иначе завязалась перестрелка. Под прикрытием партизанских пулеметов Миша Иванов, Гриша Сабанцев и Ваня Буранов, осторожно перекатывая перед собою авиабомбу, подползли к зданию. Мину заложили возле двери, ведущей в подвал. Буранов щелкнул зажигалкой, поднес пламя к концу бикфордова шнура.

Все трое вскочили и, не обращая внимания на выстрелы, со всех ног помчались прочь от здания. Отбежав метров на сорок, плюхнулись на землю. И тут же раздался взрыв.

Когда подрывники подняли от земли лица, то увидели, что от здания осталась лишь одна стена.

Рядом с ними на землю гулко шлепнулся какой-то тяжелый предмет. Сабанцев нагнулся, протянул руку:

— Смотри-ка, пишущая машинка. И вроде совсем целая.

Вместе с машинкой на станции было захвачено много других трофеев, особенно продовольственных. Всему отряду был обеспечен прекрасный праздничный стол.

В лагерь Симоненко возвращался на легковой машине директора станции. За ним ехало тринадцать тяжело груженных подвод. Вместе с бойцами роты Скотаря шло около семидесяти рабочих — юношей, девушек, семейных. Они решили присоединиться к партизанскому отряду.

С утра пятеро венгерских солдат восстанавливали телефонно-телеграфную линию. За плечами винтовки, в карманах кусачки. Неторопливо разматывали привезенную на повозке бухту кабеля. Когда из лесу выскочили партизаны, они не выказали большой тревоги. Так же деловито подняли вверх руки.

— Гитлер капут! — сказал пожилой плотный солдат, подумал и добавил: — Партизанен гут.

Ответ прозвучал на прекрасном венгерском языке. Говорил наш боец Афанасий Верхаламей, румын по национальности. Связисты-венгры сообщили ему, что за ними движется отряд немцев, человек 90, и примерно через час-полтора должен быть здесь. Захватив пленных, партизаны быстро скрылись в лесу.

Снова на дороге пять связистов. Вдали показалась колонна немцев. Они видят впереди своих и идут спокойно, не проявляя ни малейшей тревоги. Вот уже метров двести отделяет колонну от работающих.

Внезапно земля покачнулась под ногами идущего впереди офицера. Ярко вспыхнуло пламя, взметнулся в небо земляной смерч, оглушительный треск прокатился по воздуху. Затем все стихло, лишь столб серой пыли медленно оседал на землю.

«Связисты» бросили ненужный больше кабель, под-

бежали к месту взрыва. Там, где только что шел отряд, зияла воронка.

— Вот это работа! — проговорил Володя Богданов. Он снял венгерскую пилотку и вытер ею со лба пот.

— Культурно сделано, ничего не скажешь,— вставил свое излюбленное слово Иван Руденко и как бы в подтверждение развел руками.

А в это время у обочины другой дороги, недалеко от урочища Хмельники, замаскировавшись за кустами, лежала в засаде группа партизан, возглавляемая Михаилом Гонтой. По данным разведки, по этой дороге немцы должны были везти семьи коммунистов из сел Мрин и Плоское.

По-летнему пригревало солнце, легкий ветерок приятно ласкал кожу. Перед самым лицом Гонты кружила черно-желтая мохнатая пчела. Сядет на цветок, затихнет на несколько секунд, потом снова поднимается, зависает в воздухе, быстро-быстро машет прозрачными крыльями и жужжит, жужжит. Окунуться бы сейчас в Остре, растереться докрасна вафельным полотенцем! Потом выпить стакан горячего чая с медом.

Вдалеке стал слышен гул моторов. Вмиг исчезло очарование погожего, одного из первых по-настоящему теплых дней.

— Приготовиться! — тихо скомандовал Гонта.— Стрелять только по команде!

Машины приближались медленно, грузно переваливаясь на выбоинах проселка.

Вот уже хорошо видны люди в кузовах. Но что это? В первой и последней сплошь зеленые мундиры. Сидят по пятеро в ряду, на груди автоматы. Такого конвоя партизаны никак не ожидали.

С налета их не одолеешь. Совершенно ясно, что предстоит бой — трудный, неравный.

А в двух средних машинах, уже не ровными рядами на скамейках, а прямо на досках кузовов, сгорбленные фигуры, печальные лица — старики, женщины, дети. Надо быть предельно осторожными, чтобы не попасть в них.

Передняя машина, кивнув капотом, выехала на небольшой деревянный мостик. Гонта плотнее прижал к

плечу приклад автомата и одновременно с командой «Огонь!» нажал на спусковой крючок.

Головная машина вздрогнула, проехала несколько метров, остановилась. Из кузова на землю посыпались солдаты, залегли за колесами, за обочиной, открыли ответный огонь.

Люди спрыгивали на землю, метались в растерянности, бежали в поле.

— Отсекай огнем! — закричал Гонта.

Минуту на дороге царил невообразимый хаос, затем она опустела. Арестованные успели отбежать на безопасное расстояние. В серой дорожной пыли остались лишь убитые и раненые.

Уцелевшие немцы заняли позиции и теперь уже вели стрельбу методично и прицельно.

— Слева по одному отходи! — передал Гонта по цепи.

Из-под моста, не давая партизанам поднять головы, застрочил вражеский пулемет.

— Накрой его, во что бы то ни стало накрой! — крикнул Гонта лежавшему рядом Ивану Левашко.

Боец слегка подался назад и пополз, плотно прижимаясь к земле телом.

И тут Гонта почувствовал, как что-то ударило его в плечо, рукав гимнастерки стал быстро набухать. Тут же увидел, как впереди поднялся зеленый мундир, в несколько прыжков добежал до старой, растущей у дороги груши и плюхнулся на землю.

«Нужно не дать им подойти, не дать подойти!» — подумал Гонта и снова нажал на спуск.

Приклад больно ударил в плечо, он невольно выпустил автомат. Опять схватил его и, превозмогая боль, посылал очередь за очередью в сторону врага.

Немец за грушей, видно, почувствовал себя увереннней, пристрелялся. Пули ложились возле самого лица Гонты.

«Ну покажись же ты, хоть чуть покажись!» — мысленно просил немца Гонта. Стараясь высмотреть врага, он приподнял голову, и в тот же миг земля закрутилась перед его глазами.

Иван Нижник метнулся к нему, пригнул к земле, закрыл собою, закричал:

— Товарищ командир! Товарищ командир!

Гонта ничего уже не слышал.

Немцы продолжали приближаться короткими перебежками. Нижник опустил тяжелое тело командира, взял его автомат и, не целясь, прошил дорогу длинной очередью. Автомат захлебнулся — в диске кончились патроны. Нижник отбросил ставшее бесполезным оружие, выхватил гранату и, не успев выдернуть чéку, упал рядом с командиром.

Иван Левашко добрался до придорожного кювета. Он перевел дух, пополз быстрее. Чувство опасности както сразу отхлынуло. Иван не ощущал ничего, кроме холодного спокойствия. Вот уже рядом мостик. Из-за подгнившей деревянной сваи плюется огнем тупой ствол пулемета. Иван видит потное, искаженное злой гримасой лицо немца. Всем телом бросается на него сверху.

Пулемет замолкает. Иван отбрасывает в сторону обмякшее тело врага, разворачивает ствол, открывает огонь. Ошеломленные гитлеровцы вскакивают, в панике бегут, бросая «шмайсеры».

Вслед им несется громкое партизанское «ура!». Враг сломлен, сражение выиграно, хотя и дорогой ценой.

К вечеру бойцы принесли в лагерь тела Гонты и его ординарца.

В лесу на открытом пригорке под молодой березкой мы похоронили наших боевых товарищей. Был траурный митинг. У свежих могил все мы поклялись мстить врагу, бить его беспощадно днем и ночью, пока не освободим нашу землю, а затем не добьем фашистов в их собственном логове.

Троекратно прозвучал ружейный залп. Салют. У нас почти не оставалось патронов, каждый боец считал их буквально на штуки. Но героев надо хоронить с почестями...

Часто, когда я выступаю перед пионерскими дружинами, меня спрашивают:

— Что такое героизм? Какую смерть можно считать геройской?

Я отвечаю не совсем так, как порой ожидают мои юные слушатели, перед глазами которых стоят яркие примеры Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло.

Бесспорно, геройские поступки дано совершать не каждый день. Как правило, они сопутствуют тяжелейшим испытаниям, выпавшим человеку. Но начинаются в повседневности. Важно везде, всегда и во всем быть честным, выполнять до конца свой долг перед людьми, страной, самим собой. Даже тогда, когда это будет невыносимо трудно, опасно. Такие моменты в человеческой жизни и являются подлинно героическими.

Александр Матросов совершил поступок беззаветного мужества. Но наиболее важным мне видится не сам факт, а то, что Матросов был внутренне готов к этому поступку. Допустим на мгновение, что ему не удалось бы добраться до дзота, пули сразили бы его за несколько метров до амбразуры. Что ж, в этом случае поведение его было бы менее героическим? Разумеется, нет.

Не нужно думать, что героизм — это проявление какого-то особого, исключительного бесстрашия. Нет, героизм — прежде всего преодоление страха. Я был во многих сражениях, на моем теле не один рубец, рядом со мной шли в атаку и гибли люди. Если говорить честно, то и им и мне было страшно. Но мы дрались, стояли насмерть, потому что нами руководило чувство долга. И робость отступала.

Славной смертью пал мой боевой товарищ Михаил Григорьевич Гонта. И ушел в бессмертие. Навечно прописался в памяти каждого из нас.

Новым начальником штаба стал Григорий Музыченко. За все время совместной борьбы, как ни придирчиво, ни ревностно вначале относился к нему, упрекнуть его мне было не в чем. Он прекрасно сумел продолжить, развить и укрепить то, что начал Гонта.

Я не писатель. Я солдат. Эта книга — книга моей жизни. Другой у меня не будет. Может быть, мне еще раз придется взяться за перо, но писать я буду, хоть с новыми подробностями, о том же самом. Моя жизнь богата была событиями, невзгодами, боями, если хотите, приключениями. Я не просто участвовал в них, я их переживал, осмысливал. И мне хочется не только рассказать, что со мною было, как было, но и какие выводы я из этого сделал.

ВЫПУСКНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ В ПОЛИЦАЙШУЛЕ

Однажды, в начале 1943 года, начальник генерального штаба вермахта фельдмаршал Кейтель потребовал, чтобы наряду с Главным имперским управлением безопасности в борьбу с партизанами включалась военная разведка. Адмиралу Канарису было предложено составить карту-схему дислокации партизанских отрядов на оккупированной территории и предложить план их ликвидации. Вскоре был создан при втором отделении абвера специальный отдел по борьбе с партизанами. Его начальник полковник Ликфельд до войны работал в германском консульстве во Львове. Считалось, что он хорошо знает Украину и сумеет привлечь к борьбе с партизанами националистов.

— Одними карательными мерами успеха не добьешься,— говорил Ликфельд.— Партизанское движение нужно подрывать изнутри. Запомните это, майор.

Майор Стессель запомнил. Более того, горел нетерпением доложить шефу о практическом воплощении его рекомендаций. Однако то, что казалось разумным и легко осуществимым на словах, в действительности было трудновыполнимым. После нескольких месяцев работы в Куликовском укрепленном районе майор Стессель пришел к выводу, что среди местного населения отсутствуют люди, способные подрывать партизанское движение изнутри.

Полицейские, на которых решил он сделать ставку, не оправдали надежд. Если кого-то из них засылали в отряд, то чаще, вместо того чтобы выполнять обычную шпионскую работу, он приходил с повинной. Месяцы усилий были потрачены бесплодно, блестящие, казалось бы, планы ликвидации партизанских отрядов безнадежно провалились. Временами майора охватывали приступы холодного бешенства.

— Эти люди ни на что не способны,— говорил он капитану Штаркману.

Беседа велась вечером в комфортабельном кабинете

майора. Абверовцы сидели, развалившись в креслах, маленькими глотками потягивали коньяк, дымили сигарами. Капитан слушал, молча кивал, лицо его оставалось непроницаемым. Он был младшим по чину, однако приехал с инспекцией, мог задавать вопросы, требовать на них ответа. Это бесило майора еще больше. В голосе его прорывалось раздражение.

— Да, да, поверьте моему опыту. Они тупы и ленивы. Их хватает лишь на то, чтобы грабить мирных жителей и пить самогон. К делу они совершенно непригодны. Все это подтверждает выводы великого Фридриха Ницше. Славянская раса одна из самых низкоорганизованных.

— Уж не пытались ли вы доказать обратное? — Штаркман чуть улыбнулся.— Абвер не интересуют возможности улучшения славянской породы. Важно заставить местное население служить нам.

— Оно не может даже этого.

— Вывод скоропалителен, майор. Заставить их служить нам мы можем и должны. Так, как, скажем, служат нам кони. Если в цирке звери отказываются делать то, что им положено, виноват дрессировщик.

— Что вы хотите сказать? — Майор выпрямился в кресле.

— Ровным счетом ничего конкретного. Мы же с вами ведем теоретическую беседу. Вы первый заговорили об учении Ницше.

— Однако вы присланы сюда отнюдь не для пропаганды теоретических вопросов.

— Совершенно верно. Я буду откровенен, майор. Шеф недоволен тем, как ведется борьба с партизанами работниками нашего ведомства. Боюсь, что это точка зрения не только его, но и самого адмирала. Мы должны активизировать свою деятельность, доложить о практических результатах, а не констатировать умственную отсталость славян. Этот факт давно установлен без нас.

— Что же вы предлагаете?

— То же, что делают в цирке,— дрессировку. Напрасно вы, майор, обиделись.

— И не думал,— Стессель натянуто улыбнулся.

— Ладно, не будем касаться этого, поговорим о

практических делах. Работниками нашего ведомства в ряде мест уже созданы специальные школы по подготовке разведчиков, диверсантов, а также охранников порядка из местного населения.

— Полицайшуле?

— Что-то в этом роде. Если полицаи, набор проводится в основном из них, не умеют работать так, как нам требуется, мы должны их вымуштровать.

— Вы думаете, они поддадутся муштре?

— Поддадутся, все зависит от умелого подхода. Помните слова Фридриха Великого: «Солдат во сне должен видеть палку». В данном случае они как нельзя более кстати.

Майор был человеком дела. Через два дня в село Ярославку было согнано человек семьдесят полицейских из окрестных сел. Разместились в двухэтажном здании школы. Окружили его траншеями, укрепили пулеметными гнездами и приступили к занятиям.

Ярославку Стессель выбрал не случайно. Село это находилось в степной зоне — подойти к нему партизанам было труднее. В лесу в то время они чувствовали себя уверенно, по-хозяйски. Здесь же надо было пройти километров десять по открытой местности. За это время можно было вызвать к школе подкрепления. Но и без них гарнизон из 70 человек, располагающий надежной линией обороны, мог успешно защищаться от партизан. Поэтому майор был уверен, что новой школе ничто не угрожает. Со свойственной ему педантичностью он стал натаскивать своих великовозрастных учеников, стараясь преодолеть их тупость.

Новая затея немцев не могла остаться для нас незамеченной. Очень скоро мы узнали во всех подробностях и то, к какой деятельности готовятся полицейские в своей школе. Об этом рассказали нам служившие по нашему заданию в полиции Василий Лупало и Иван Васечко. По их словам, абверовские «педагоги» муштровали полицейских с утра до вечера, уплотняли программу занятий, торопя выпускные экзамены.

Одновременно Стессель старался собрать наиболее полную информацию о нашем отряде. Основываясь на полученных данных, объяснял ученикам допущенные нами ошибки, рассказывал, как в самые ближайшие

дни партизаны будут разгромлены, а их командиры, в том числе и я, Иван Бовкун, повешены.

Я, конечно, понимал, что подобные высказывания не более чем пустая похвальба, и все же напоминания о них мне не доставляли удовольствия.

Школу нужно было уничтожить. Ее выпускники и в самом деле могли принести немалый вред партизанам. Мы решили принять у них свой экзамен.

Разработку и осуществление операции я поручил Александру Ткаченко, который возглавлял конно-велосипедный батальон, укомплектованный преимущественно спортсменами.

— Школа сильно укреплена, прямой атакой ее не просто взять,— сказал я на всякий случай.

— Лбом в стену стучит тот, у кого голова не работает, — Александр пожал плечами. — Найдем хитрый способ.

Ткаченко в нашем отряде был сравнительно недавно. За короткое время сумел, однако, завоевать большой авторитет. Не только тем, что отличался смелостью, деловитостью. Но и тем, что всегда продумывал свои поступки до мельчайших деталей, и благодаря этому действия его отличались рациональностью.

Я знал, что Ткаченко справится с заданием, как всегда, успешно. При этом использует наиболее простой и выгодный способ.

Так оно и оказалось.

К вечеру батальон расположился в небольшом лесочке, дальше до Ярославки было открытое пространство. Ждали связного из школы.

Иван Васечко прискакал, когда было уже темно.

— Какие новости? — спросил Ткаченко.

— Неважные.

— Только не говори, что не смог узнать пароль, все равно не поверю.

— Пароль известен. Дело в другом.

— Постой, постой, ты во что вырядился?

На Васечко был серый мундир и шапка с высокой тульей.

— В этом вся загвоздка. Сегодня переодели в новое обмундирование — форма чешской полиции. Так что знаешь пароль или нет — толку мало.

— Операцию придется отложить,— сказал Ткаченко, немного подумав.— А пароль завтра нам тоже будет нужен.

По центральной улице села во весь опор мчатся двое всадников, вихрем проносятся мимо заставы.

— Стой! Кто такие? — летят вслед крики ошеломленных часовых.

Всадники не отвечают.

Из школы высылают четверых дозорных выяснить, кто же все-таки дерзнул промчаться селом. Среди них и Василий Лупало. Дозорные подъезжают к околице и лицом к лицу сталкиваются с партизанской засадой. Лупало бьет кинжалом полицая, который едет справа, двух других мгновенно стаскивают с лошадей. Несколько секунд — и схватка закончена. Теперь у партизан уже четыре мундира.

Темно, у здания школы тихо разговаривают двое караульных. На дворе мелькают четыре тени.

— Кто идет?

— Свои,— отвечает Лупало.

— Пароль?

— Да ты, Зинько, сдурел? Что, своих не узнаешь?

— Пароль?

— Кобыжча.

— Давай проходи!

Тени уже рядом с часовыми, последним хорошо виден серый цвет мундиров, ошибки быть не могло. В следующее мгновение, оглушенные, они лежат на земле. Партизаны окружают школу, бесшумно проникают внутрь помещения. План его тщательно изучен, каждая группа хорошо знает свой маневр.

В коридоре зажигается несколько факелов. Нужен свет, в темноте ненароком можно попасть в своих. Партизаны рассыпаются по помещению. Иван Труш рывком открывает дверь спальни, в проеме возникает фигура Володи Ермака. В правой руке он держит автомат, в левой, высоко поднятой над головой, зажат факел.

При свете его виден длинный ряд коек, на которых копошатся сонные, перепуганные полицейские. Перед койками посредине спальни грубый, сбитый из нестру-

ганых досок стол. На нем стоит пулемет, в углу составленные в пирамиду винтовки.

— Руки вверх! — властно звучит голос Ткаченко.

Иван Труш с автоматом уже стоит возле пирамиды, путь к оружию у полицаев отрезан.

Неожиданно один из них вскакивает с койки, вмиг оказывается у стола, хватает ручки пулемета.

Трах-тах-та-та-та! — звучит очередь.

Пули ложатся в стену, под ноги Ермаку сыплется отбитая штукатурка. Поведи полицай чуть стволом — не один партизан упал бы под его пулями. К счастью, он не сразу заметил, что бьет мимо, а когда сообразил, в пулемете закончилась лента.

Василий Лупало взмахнул прикладом, бросился к полицаю. Тот выстрелил из пистолета. Лупало остановился, схватился за плечо. Пока он стоял, раскачиваясь, полицай подбежал к окну, выпрыгнул наружу.

Во время всей этой сцены остальные полицаи лишь натягивали на головы одеяла, словно хотели ими защититься от пуль.

— Встать! — снова крикнул Ткаченко.— Стреляю без предупреждения!

Полицаи неуклюже стали сползать с коек.

В других комнатах также звучат выстрелы, рвутся гранаты. Несколько минут — все стихает.

— Кто стрелял из пулемета? — грозно спрашивает Ткаченко.

— Буняк,— подобострастно отзывается маленький, дрожащий от страха и холода полицайчик.

— Какого гуся упустили! — Ткаченко даже присвистнул.

— Все равно найду гада! — запальчиво говорит Василий Лупало.— За все заплатит.

— Счет к нему особый. И к нам тоже, за то что до сих пор его земля носит.

* * *

На начальника кобыжчанской полиции Буняка партизаны давно вели охоту. Он был настоящим врагом, злым, беспощадным. Большинство полицейских ограничивали свою деятельность грабежом, покрики-

ванием на женщин и стариков. А этот фанатично ненавидел Советскую власть, ревностно выискивал всех, кто ранее не только активно работал на нее, но проявлял простое сочувствие, он лично пытал, расстреливал людей.

Одновременно он отличался исключительной осторожностью, хитростью и смелостью. Помещение полиции в Кобыжче постоянно хорошо охранялось, сам Буняк чуть ли не каждый раз менял места ночлега. Партизанам ни разу не удалось застать его врасплох.

Как-то зимой, зайдя по делу в сторожку лесника, Женя Ермак узнал от него, что скоро сюда должен зайти Буняк. Парень горячий, решил не упускать момент. С карабином в руках уселся у окна и, разговаривая со стариком хозяином, стал наблюдать за дорогой. Буняк не появлялся.

— Не напутал ли ты что-то, отец? — засомневался Женя.— Не верится мне, чтобы он так вот, один, без охраны, рискнул появиться в лесу.

— Придет, упорный очень. И опять будет пытать, кого из местных людей в лесу видел. Въедливый. А то, что один,— так это ему даже сподручней. Из полицаев какая охрана? Они только внимание привлекут, а чуть что — дёру. Потому он и не берет их с собой.

В окно, с противоположной от дороги стороны, что-то стукнуло. Женя мгновенно обернулся, увидел прильнувшее к окну спокойное лицо, внимательные серые глаза, ствол автомата. Не целясь, выстрелил и тут же свалился на пол, сраженный автоматной очередью.

Тяжелой медленной походкой Буняк вошел в сторожку.

— Вот ты как выполняешь мое задание! — злобно сказал старому леснику.— Буняк не прощает предателям.

Прозвучал выстрел.

...По Кобыжче прокатился слух, что у Буняка объявилась невеста. Решили взять его у невесты. На операцию пошли двое бойцов, переодетых полицаями. Однако перехитрить осторожного начальника полиции им не удалось. Форма не ввела Буняка в заблуждение. Пока они стучали у дверей, он выпрыгнул в

окно, с автоматом в руках побежал в обход дома и, если бы в спешке случайно не споткнулся, уложил бы обоих. Партизанам удалось отстреляться и уйти. Свадьба Буняка не состоялась, у невесты он больше не появился.

Кобыжчанские подпольщики придумали хитроумный способ уничтожения начальника полиции. Они начинили взрывчатым веществом железную трубу, обвязали ее сосновой корой, чтобы она не отличалась от обычной палки. Сверху к ней прикрепили деревянную табличку, на которой написали:

Фашистский прихвостень Буняк!

За усердную службу своим хозяевам
ты приговариваешься к виселице.

Народные мстители

Эту палку с табличкой решили установить возле помещения полиции. Буняк наверняка попытается сорвать табличку, чтобы показать ее немцам. Тогда произойдет взрыв.

Однако человек, которому поручили установку таблички, струсил, воткнул ее в землю на сравнительно далеком расстоянии от полиции. В результате произошла трагедия. Оторвать табличку попытался маленький мальчик, которому понравилась дерзкая надпись.

Подпольщики судили труса. Но операция была сорвана. Полицаи целый день длинными шестами ощупывали все колышки, которые находили у своего здания. Буняк стал еще осторожнее.

Так предателя и не настигла карающая рука партизан. По сей день я не знаю, как сложилась его судьба. Возможно, он погиб во время немецкого отступления. Не исключено, что расправились с ним сами хозяева, чтобы избавиться от обузы. А может, ему удалось избежать заслуженной пули и по сей день он прячется где-нибудь в зловонной норе или под чужим именем греет кости на одном из пляжей Бразилии. Но

ставка всей его жизни бита. Для таких убежденных врагов, как Буняк, главным возмездием было то, что мы, советские люди, выстояли и победили в этой кровопролитнейшей из войн.

Полицейские молча стояли у стены и ожидали решения своей участи.

— Одевайтесь! — крикнул Ткаченко.— Только не в мундиры, а в штатское, у кого что найдется.

Полицаи полезли в тумбочки, стали развязывать мешки, доставать поддевки, брюки, галифе, душегрейки.

Маленький юркий полицейский подошел к Ткаченко.

— Товарищ начальник...

— Я тебе не товарищ! — строго оборвал Ткаченко.

— Виноват, господин начальник...

— И не господин.

— Виноват, как же вас величать?

— Гражданином начальником.

— Слушаюсь, гражданин начальник. Дело в том, что у меня, кроме мундира, другой одежды нет.

— Пойдешь так.

— В исподнем?

— Как есть. Ничего, ночи теплые, не простудишься.

Полицейских вывели на улицу. На траве в окружении товарищей лежал умирающий капитан Виктор Левченко. Три пули прошили его грудь навылет.

— Какого парня убили, гады! — наклонил голову Дмитрий Труш.— Всех бы вас сейчас порешить на месте.

— Изменникам Родины приговор вынесет партизанский суд! — строго сказал Ткаченко.

Виктора Левченко бережно положили на подводу. Две другие нагрузили трофейным оружием. Партизаны вскочили на коней. Полицайшуле перестала существовать.

Переезд через железную дорогу охранялся взводом венгров. Когда заря погасла на утреннем небе и на смену ей из-за горизонта показался огненно-красный диск солнца, часовой увидел, что по дороге движется доволь-

ко длинная процессия. На всякий случай он разбудил спящих товарищей. Они вышли из караульного помещения, с любопытством стали рассматривать приближающуюся кавалькаду. Впереди шли люди, руки которых были связаны за спинами. Одеты они были в разношерстные наряды. Один и вовсе был в нижнем белье. За ними ехал отряд всадников в форме чешских полицейских и три подводы. Когда арестованные подошли к переезду, высокий худощавый унтер-офицер с очень живым, подвижным лицом подошел к связанным и на ломаном русском языке проговорил:

— Ага, партизаны! Партизаны капут! — Он провел по горлу пальцем, затем торжественно поднял его вверх.

— Не партизаны, а бандиты! — важно ответил Ткаченко.— Бандиты капут!

— Да, да, бандиты! — радостно засмеялся унтер-офицер.

— Самые отпетые! — так же степенно продолжал Ткаченко.— Скоро мы всех их переловим.

Если у кого-то из венгерских солдат и шевельнулось подозрение, что тут дело нечисто, он предпочел не высказывать его. Слишком внушительно выглядел конный конвой. Настоящие же полицейские, которые шли впереди со связанными руками, не посмели раскрыть рот.

Тем же утром майору Стесселю доложили о разгроме школы. Сначала он отказался верить. Потом вдруг сник.

— Я всегда считал, что так должно кончиться! — неожиданно заключил он.— Настоящим разведчиком может быть только немец. Удивляюсь, как они этого не видят. Пусть ошибаются другие, но адмирал!.. У него такой ум, такая проницательность. Скорее всего, его просто хотят ввести в заблуждение. Плохие звери не поддаются дрессировке.

ФРОНТ В ТЫЛУ ВРАГА

Охранять железные дороги немцам становилось все труднее и труднее. Чтобы выставить посты на всей их протяженности, потребовалась бы не одна дополнительная армия. А сил на фронте и без того не хватало.

Чтобы хоть как-то препятствовать диверсиям, по дорогам днем и ночью стали курсировать бронепоезда. Один из них ходил на участке Нежин—Носовка. Двигался медленно, часто останавливаясь, обстреливал наугад лес. Иногда снаряды падали возле самого нашего лагеря.

Взорвать бронепоезд поручили взводу подрывников, которым командовал Николай Писоцкий. Вместе с ним пошел также командир батальона Николай Симоненко.

Как обычно, заложили под рельсы мины и залегли метрах в двухстах от дороги. Бронепоезд показался вскоре после полуночи. Приближался он медленно, буквально черепашьими темпами.

— Мало мин заложили, командир! —с сомнением проговорил подрывник Миша Иванов.— Кто знал, что он будет так ползти? Один вагон подорвешь, остальные остановятся, уцелеют.

— Целиком и возьмем! — отрубил Симоненко.

— Рвать под паровозом? — спросил Иванов.

— Конечно. Без него вагоны не убегут.

Все произошло так, как предвидел подрывник. Наскочив на мину, паровоз вздрогнул, пополз под откос, перевернулся. Следовавшие за ним вагоны остались на рельсах. Засевшие в них гитлеровцы открыли бешеный огонь из орудий, пулеметов, минометов.

Завязался бой, продолжавшийся около двух часов. Партизанам удалось подойти вплотную к вагонам, забросать их гранатами. Николай Якименко вскочил на бронированную платформу, на которой была установлена зенитка, пробежал два шага и тут же отпрянул в сторону, спрятался за орудие. Возле лафета сидел на

перевернутом ящике крепкий, плечистый немец. Стоя в укрытии по другую сторону, Якименко соображал, как ловчее с ним расправиться. Немец, однако, ничем не выказывал агрессивных намерений.

— Гитлер капут, я хочет партизан! — сказал он.— Их шиссен нихт [1].

Немец вышел из-за орудия. Теперь он казался еще крупнее, массивнее.

— Я тебе покажу Гитлер капут!—Якименко замахнулся автоматом.— Руки вверх!

— Партизанен гут! — не проявляя и тени робости, продолжал немец.— Их нихт шиссен.

Он вставил руку в ствол орудия, провел пальцем, показал Якименко.

— Нихт шиссен.

Только теперь Николай стал соображать, в чем дело. Он также прикоснулся ко внутренней поверхности ствола и почувствовал на пальце масло.

Немец улыбнулся, показал на нетронутые ящики снарядов, повторил специально выученную и единственно известную ему русскую фразу:

— Я хочу партизаны.

Вот, оказывается, в чем дело! В течение всего боя он отсиживался здесь, не сделав ни одного выстрела. А теперь хочет перейти на сторону партизан.

— Ладно,— строго сказал Якименко,— гее цурюк! — Он махнул вперед стволом автомата.

Немец повернулся.

— Куда? Не туда! — заревел Якименко.— Я кому сказал?

— Их гее цурюк,— спокойно ответил немец.

— Нет, найн! Ах, пень непонятливый! Как это по-вашему? Гее форвертс.

Немец повернулся на сто восемьдесят градусов, слез с платформы. Николай подвел его к командиру.

— Это что за чучело? — напустился на него Симоненко.— Приказано ведь пленных не брать!

— Хочет к нам,— неуверенно возразил Якименко.

— А что ему сейчас делать?

— Гитлер капут, я хочу партизаны,— снова заговорил немец.

---

[1] Я не стрелял.

— Гитлер капут, ты тоже капут! — беспощадно отрезал Симоненко.

— Во время боя он не сделал ни одного выстрела,— сказал Якименко,— ствол пушки в масле.

— Вот как? Тогда бери в отряд, пусть командир разбирается.

Вюртембургский рабочий Курт Кульке давно не любил Гитлера. Бессмысленность и ужасы войны, ничем не объяснимая жестокость, которую проявляли оккупанты к населению захваченных территорий, еще сильнее разожгли недовольство Кульке фашистским режимом, оно переросло в ненависть. Будучи человеком последовательным, Кульке не мог больше сражаться на стороне вермахта. При первой возможности он решил сдаться в плен. Как раз в это время их часть перебрасывали из Польши на восточный фронт, потом почему-то задержали на Украине. Кульке своих планов не изменил, только внес в них коррективы. «Раз нельзя сдаться в плен Красной Армии, я перейду к партизанам»,— решил он.

Случай вскоре представился. Именно для борьбы с партизанами была задержана их часть на Украине.

Кульке сообщил мне, что против нас готовится крупная карательная операция, которая начнется в ближайшее время. Немецкое командование решило одним ударом раз и навсегда покончить с партизанами — слишком дорого обходятся ему регулярные задержки транспорта на железных дорогах.

Эти сведения совпадали с данными нашей разведки. В Носовку и Нежин стягивались крупные силы немцев, венгров, полицейских, на дорогах увеличилось количество и численность патрулей. В течение нескольких дней над лесом кружили немецкие самолеты.

В этой обстановке мы приняли решение активизировать деятельность. Пусть не думают, что мы боимся, пусть сами дрожат, опасаясь появления партизан в любой момент, в самом неожиданном месте.

Ночью с 18 на 19 мая взлетело в воздух два моста, в трех местах были взорваны рельсы. Диверсионные группы неоднократно вступали в перестрелку с вражескими постами.

На следующий день поступает сообщение: крупные

силы противника собираются в селе Подгайном. Сомнений нет — оттуда они поведут наступление на лес. Даю распоряжение подготовиться к обороне. В хлопотах быстро летит время. Проверяю расположение подразделений, огневых точек, корректирую позиции. Бойцы внешне спокойны. Беседуют о песнях Утесова, о довоенной жизни. Но я чувствую, понимаю, как они волнуются, как не терпится им испытать себя в предстоящей схватке. Я тоже шучу, улыбаюсь, тоже порой заговариваю о пустяках и тоже очень взволнован. Это будет наш первый настоящий бой. Раньше происходили лишь локальные стычки, хоть и жаркие. Мы вступали в схватку с небольшими отрядами противника, нападали на него там, где он не ожидал, где преимущество обеспечивала нам внезапность. Выполнив задачу, мы отходили, прятались в лесах, меняли места дислокации. Но мы не могли вступить в бой с крупными силами противника — слишком невелики были бы здесь наши шансы.

И вот положение изменилось. В нашем отряде уже около двух тысяч человек. И мы уже не избегаем противника. Он идет на нас. Что ж, мы готовы его встретить.

Участок леса, обращенный в сторону Подгайного, оборонял батальон Шевырева. Ему же было поручено в случае необходимости прикрывать отступление. Александр Иванович в первую очередь позаботился, чтобы бойцы освободились от всего лишнего и тем самым были предельно мобильны. Свой командный пункт он расположил в позиции третьей роты, окопавшейся на краю неширокого, но длинного, тянущегося через весь лес болота.

Впереди, за болотом, на самой опушке залегло отделение Николая Хвостина. Ему предстояло принять первый удар врага, задержать его по возможности дольше на подступах к лесу. Отделение состояло из пяти человек. В их распоряжении был один станковый пулемет и четыре карабина. Запас боеприпасов скупой — пять коробок патронов к пулемету, по двадцать пять штук в коробке, сто патронов к карабинам и шесть гранат. Всё. Приказ краток: держаться до тех пор, пока не поступит команда отходить.

В девять утра со стороны Подгайного к лесу двинулись цепи немецких и венгерских солдат. Впереди ехали подводы, на которых сидели жители села. Это было неожиданным. Сам по себе прием не нов, его применяли еще орды Чингисхана, заставлявшие первыми взбираться на стены осажденных городов пленных. Подобная варварская жестокость не была удивительной для XIII века. В наше время, чтобы решиться на подобное, нужно быть фашистом.

Подводы предназначались главным образом на тот случай, если поле перед лесом окажется заминированным. Они очень затрудняли положение партизан: не стрелять же по мирным, ни в чем не повинным жителям, которых насильно погнали впереди наступающих цепей.

Лишь после того как подводы, достигнув леса, свернули в сторону и автоматчики первой цепи замелькали между деревьев, Хвостин дал команду открыть огонь.

Партизанский пулемет заставил немцев залечь. Они подняли ответную стрельбу. Лес наполнил треск разрывных пуль, грохот пехотных мин.

— Без прицела не стрелять! Беречь патроны!

В этой команде, пожалуй, не было необходимости. Без надобности и так никто не стрелял. Лишь тщательно выбрав цель, бойцы били по ней одиночными выстрелами.

Немцы приближались перебежками, под защитой деревьев. Хвостин короткими очередями прижимал их к земле. Он открыл уже последнюю коробку патронов.

«Что ж он там,— в сердцах корил Николай командира,— не понимает, как нам приходится? Или вовсе забыл о нас?»

Шевырев ничего не забыл. Он лишь хотел, чтобы огонь передового заслона заставил немцев рассредоточиться по лесу, чтобы в цепях нарушились привычные связи. Как раз в тот момент, когда Хвостин расстреливал последние патроны, к нему подполз связной Антон Руденко и передал распоряжение отходить в резерв к командиру отряда.

Лишь через четверть часа каратели решились вступить на покинутые партизанами позиции. Далее они

двинулись уже смелее. Почти пересекли неширокое болото. Когда стали выбираться из него, дружный залп с противоположного берега уложил их в зловонную жижу. Трижды поднимались они в атаку и трижды откатывались под партизанскими пулями. Батальон Шевырева уверенно держал оборону.

Я лежал в цепи на восточной, возвышенной окраине леса. Сюда тоже наступали цепи немцев и венгров. Их поддерживали легкие танки. Правда, дойти они смогли только до леса. Остановились на его краю, открыли огонь из пушек. Били наугад, без серьезного ущерба для нас. Затем вперед пошла пехота. Когда цепи приблизились, я приказал открыть огонь. Враги залегли. Несколько раз они бросались к линии нашей обороны, и каждый раз свинцовый дождь пригибал их к земле. Наконец они оставили попытки атаковать и начали вести беспрерывный обстрел леса. Мы отвечали лишь одиночными выстрелами.

Примерно часа в четыре пополудни мне доложили, что справа, со стороны болота, нас пытается обойти отряд венгров численностью около батальона. Если ему удастся зайти нам в тыл, положение наше станет очень тяжелым. Во что бы то ни стало нужно было не допустить этого.

Я подозвал Николая Хвостина.

— Видишь редкий лесок за болотом? Бегом туда, занимайте позиции и держите оборону до вечера. Любой ценой. Подкрепления не будет, патроны берите с запасом. Через болото идите смело, во весь рост. Ваши венгерские мундиры собьют врагов с толку. Пока они разберутся, успеете занять позиции.

Пятеро бойцов, запасшись гранатами, обоймами патронов, выбрались из траншеи и поползли между сосен. Когда деревья кончились, Хвостин дал команду подняться. Прошли метров сто прямо, свернули в сторону, опять направились вперед. Мое предположение оправдалось: немцы не стреляли, принимая наших бойцов за своих.

За болотом возвышался небольшой, покрытый наполовину вырубленным лесом пригорок. Дальше виднелась просторная поляна и за ней заросли кустарника. В кустарнике прятались венгерские солдаты. За их

спинами на дороге урчали моторами немецкие танки.

Партизаны заняли оборону у края поляны.

— Видимость отличная, ребята,— сказал Хвостин, устанавливая пулемет,— сможем хоть десять часов держаться.

— Сколько надо, столько будем,— уверенно поддержал Жусубеков. — Змея не проползет.

Из кустов вышла группа венгров, человек десять. Замахали руками, что-то закричали.

Партизаны молчали.

— Нет с нами Афанасия,—тихо пожаловался Хвостин,— он бы с ними поговорил.

— Моя тоже может говорить,— вызвался Жусубеков.

— Ты наговоришь! Лучше уж дадим слово пулемету.

Покричав минуты две, венгры снова юркнули в кусты. Скоро оттуда вышла цепь, в ней уже было человек сто. Прошли метров двадцать, остановились. Опять стали кричать.

В ответ не раздалось ни звука.

Двинулись дальше. Когда дошли до середины поляны, навстречу ударил пулемет.

Венгры попадали на землю, под прикрытием ответного огня стали отползать назад к кустарникам. Скрывшись, открыли беспрерывную стрельбу. Партизанам, укрывшимся за гребнем пригорка, пули не причиняли никакого вреда.

— Если так будете атаковать, можно и год держаться,— улыбнулся Первушкин.

— Чай можно пить! — сверкнул зубами Жусубеков.

И тут же за пригорком что-то тяжело ухнуло, в партизан полетели комья земли.

— Вот тебе печенье к чаю! — крикнул Хвостин.— Минами бьет.

Разрывы ложились с равномерными интервалами метрах в пятидесяти за спинами партизан. Стоит минометам перенести прицел чуть ближе, и вряд ли кому-нибудь из пятерых удастся уцелеть.

— Давайте, ребята, по одному за мной, там слева

воронка,— скомандовал Хвостин. Слегка приподнявшись, он быстро пополз в сторону, потом нырнул куда-то вниз.

За ним последовал Первушкин. Через минуту все пятеро сидели, прижавшись друг к другу, на дне неглубокой с осыпающимися стенами воронки.

— Здесь не достанет,— сказал Хвостин.— В одно место дважды снаряд не попадает, закон баллистики.

— А если они снова вперед пойдут? — высказал предположение Первушкин.

— Будем отстреливаться.

— Отсюда?

— Хотя бы. Пулемет наверх вытащим. Из минометов тогда они ведь стрелять не будут, чтоб своих не побить.

— И то верно.

— Мой так считает, что немец больше не пойдет!— сказал Жусубеков.— Вечер скоро, немец боится вечер.

Действительно, противник не предпринимал больше попыток атаковать. Зато усилился огонь батарей. Кроме минометов, по лесу стреляли пушки, танки. Паша Первушкин принялся считать и насчитал больше тысячи разрывов.

Лишь когда на землю спустилась ночь, огонь вражеской артиллерии смолк. Немцы и воевать любили по строго заведенному распорядку. Ночь отводилась для сна.

Ночью я передислоцировал оборону, сосредоточив основные силы против деревни Лукашовки. Весь следующий день лил дождь. Немцы продолжали артиллерийский обстрел. Несколько раз сравнительно небольшие отряды венгров пытались атаковать нас. Делали это они, впрочем, явно неохотно и безуспешно.

План врага стал ясен. Вымотать наши силы осадой, перебить половину людей артиллерийским огнем и лишь после этого перейти к решающему наступлению.

Конечно же, дожидаться, пока нас перемолотят, обескровят, было бы не только бессмысленно, но и преступно. Я дал команду отходить. Двигались всю ночь без остановки. Несколько раз натыкались на вражеские посты, которые после коротких стычек спешили унести ноги. К утру вышли в урочище Хмельники.

Здесь решили расположиться на отдых. Два дня непрерывного боя и две бессонных ночи вымотали людей. Многие буквально засыпали на ходу.

Но отдыхать не пришлось. Около десяти утра на нас снова двинулись крупные силы немцев и венгров. Они шли теперь со всех сторон, сжимая кольцо все теснее. Очевидно, получили распоряжение уничтожить нас во что бы то ни стало. Это уже была не рядовая карательная операция, а настоящая война.

Мы заняли круговую оборону. После безуспешной атаки враги снова начали артобстрел. К вечеру над лесом появились самолеты. Завывая, они стремительно ныряли вниз, проносились над самыми верхушками деревьев, оставляя за собой вздыбленную дорогу разрывов. К счастью, она пролегла мимо наших позиций.

Когда стемнело, я дал приказ атаковать противника и прорвать окружение. Сосредоточив силы в одном направлении, мы бесшумно вышли из леса, молча обрушились на позиции противника, разорвали их и благополучно ушли.

Утром были у Десны. Остановились в негустом сосновом лесу. С опушки его была видна неровная линия водной глади, от которой нас отделяло широкое болото.

Едва бойцы прилегли отдохнуть, как над лесом закружили самолеты. Снова посыпались бомбы. Со стороны деревни выступила колонна немцев и венгров.

Наши силы были на исходе. Кончались и патроны. Принимать новый бой было бы просто безрассудно. Я распорядился отходить за Десну.

Болото оказалось глубоким. Местами бойцы по пояс проваливались в жижу. Над нашими головами с ревом проносились самолеты, рассыпая пулеметный дождь. Следом за ними на воде от пуль поднимались легкие фонтанчики брызг. Плюхались в болото мины. От их разрывов фонтаны были мощнее, вместе с водой взлетали вверх комья грязи. Мы погружались в воду с головой, когда опасность проходила, шли дальше.

Возле реки было суше. Наскоро соорудили плоты, погрузили на них оружие, держась за края бревен, просто вплавь переправились на противоположный берег. Немцы преследовали нас лишь до болота.

Я оставил роту бойцов на берегу на тот случай, чтобы задержать врагов, если те вздумают переправиться следом. Такая предосторожность была необходимой, хоть враг и не предпринял попыток форсировать реку. Лишь рота венгров вышла на берег, постреляла немного оттуда и вернулась назад.

Мы же, отойдя на несколько километров от реки, расположились в небольшом лесу.

Временно фашистам удалось оттеснить отряд с территории, на которой он действовал. Мы отступили. И все же это отступление я более склонен расценивать как победу. Операция против нас потребовала от немцев большого сосредоточения сил. Значит, частей, брошенных против нас, не досчитался фронт. В течение пяти дней подряд мы вели с ними упорный, непрекращающийся бой. И сумели отойти в полном порядке, с минимальными потерями. Мы по-прежнему представляем для врага большую угрозу. Потому он не может снимать направленные против нас войска, вынужден держать их здесь. Теперь он имеет дело не просто с партизанскими вылазками. По сути, у него в тылу открылся второй фронт.

В МЕЖДУРЕЧЬЕ

Два дня мы отдыхали. Тем временем разведчики ходили в соседние села. Сообщения, которые они приносили, казались удивительными. Здесь, глубоко во вражеском тылу, фактически была восстановлена Советская власть. На большой территории между Днепром, Десной и Припятью хозяйничали партизаны.

В каждом селе были созданы отряды самообороны. Едва дозорные замечали приближение группы немцев, они тут же поднимали тревогу. Отряд из местных жителей быстро занимал оборону и показывал врагам от ворот поворот. Полицаев же и вовсе нет — их местные жители уничтожили.

Мы, однако, этого сначала не могли знать. В первом же селе произошло недоразумение. Подошли к селу на рассвете. Во дворе крайнего дома увидели старика.

— Как у вас в селе, спокойно? — спросил Хвостин.

— Какое нынче спокойствие? Одни хлопоты,— ответил старик.

— Понятно. А немцы есть?

— Заглядывали. Теперь и дух простыл.

— Давно?

— Да, почитай, с нового года.

— Кто ж в селе сейчас за главного?

— Известно кто — староста.

— Тю-тю-тю! — Хвостин многозначительно поднял брови.— И полиции много?

— Нет полиции.

— Только один староста?

— Один.

— И вы его слушаетесь?

— Чего ж нет!

— Ну и фрукт! А где он живет, этот староста?

— Да вон за поворотом, четвертый дом.

— Давайте-ка, Павлики, — обратился Хвостин к Первушкину и Жусубекову,— пригласите его на переговоры.

Через десять минут посланные за старостой партизаны вернулись. Жусубеков вел на веревке пожилого, довольно крепкого на вид человека.

— Ты чего, Паша, его, как козла, тащишь?

— Чтоб не упирался. Я ему — иди, а он не идет, что-то говорит, говорит...

— Товарищи, вы б лучше разобрались сначала! — сказал староста.

— Разберемся, не беспокойся! Сейчас народ соберем. Покарауль его здесь, Паша, — сказал Хвостин Жусубекову.

На улице партизанам встретился молоденький паренек. Пола пиджака у него подозрительно отдувалась.

— Что там у тебя? — строго спросил Хвостин.

Парнишка расстегнул пиджак, откинул полу в сторону. На боку у него висел обрез.

— Ты кто?

— Боец отряда самообороны! — отчеканил парнишка, и глаза его гордо блеснули.

— Отлично. Только скажи нам, боец отряда самообороны, почему вы терпите у себя в селе старосту?

— Так он и есть наш командир, только называется старостой. Того, которого поставили немцы, мы давно укокошили.

— Ах черт! — выругался Хвостин.— Идем, ребята.

Повернувшись, они зашагали назад.

— Быстро развяжи веревки! — приказал Хвостин Жусубекову.

— Можна развязать. На такой шакал и веревки жалко. Без веревки будем стрелять.

— Не разговаривай, а развязывай. Вы извините,— обратился Хвостин к командиру отряда самообороны,— произошла ошибка. Вас назвали старостой. Вот мы и подумали, что вы из тех, блюдолизов.

— Ничего,— ответил «староста», потирая освободившиеся руки,— я не в обиде. С такими, за кого вы меня приняли, действительно церемониться нечего. Только боец этот ваш горяч больно.

— Как же ты, Паша? — укоризненно покачал головой Хвостин.— Своего не мог распознать?

— Не мог,— развел руками Жусубеков.— Чего он сам не сказал?

— Я хотел, да ты не дал! — «Староста» улыбнулся.

— Верно, не дал. Не знал, кто он, потому и не дал. Извини, милый человек. Возьми вот это.— Он достал кривой венгерский нож, которым очень дорожил.

— Ну зачем мне? В принципе-то вы действовали правильно.

— Возьми, возьми, иначе буду думать, что ты зло помнишь.

— Что ж, на добром пожелании спасибо. — «Староста» принял подарок.— Теперь прошу ко мне, хлеб-соль разломим, о делах поговорим.

На этом инцидент был исчерпан.

Надо признать, что среди старост, даже назначенных немцами, далеко не все были предателями. Я уже рассказывал о Слесаренко, который с первых дней работы всеми возможными средствами и способами содей-

ствовал партизанам. Трудно было ему, рядовому колхознику, без минимальной специальной подготовки, почти постоянно носить маску предателя, при этом ежедневно рисковать, сообщая партизанам добытые сведения, выполняя их задания. Долго водил за нос своих «шефов» наш староста. И все же им удалось пронюхать, на кого работал он на самом деле. Слесаренко был схвачен фашистами и расстрелян.

Бывало и так, что получал человек задание пойти работать старостой с тем, чтобы вредить немцам, выуживать у них сведения, а потом неожиданно связь с ним обрывалась: тот, кто давал ему задание, погибал, пропадал без вести. И становился ни в чем не повинный человек предателем буквально для всех советских людей. Очень нелегко было ему найти новые связи, доказать, что он свой. Случалось, что такие люди гибли от рук партизан. Трагическая судьба.

Смертельная, беспощадная борьба, которую вел весь наш народ с врагом, к сожалению, не могла исключать отдельных ошибок. Справедливости ради надо, однако, признать, что большинство старост все же были отпетыми негодяями, проходимцами.

Вспоминается мне встреча с одним из таких. Мы его отпустили и тоже совершили ошибку.

Было это месяца за три до нашего перехода через Десну. Наш отряд остановился на день в селе Сруб. На дороге бойцы задержали широкоскулого усатого человека в синей бекеше со смушками. Он ехал на санях и, когда его остановили, грубо закричал:

— Прочь с дороги, рвань! Я староста села Переходовка, Голик. Слышали про такого? Нет? Теперь услышите! — Он замахнулся кнутом.

— Ой, ой, не надо! — Костя Ляпков, изображая испуг, закрыл лицо локтевым сгибом.— Мы о вас очень много слышали. Вы известны и в Нежинском, и в Носовском, и в Олишевском районах. Все только и говорят о том, какой Голик большой человек.

Эта хвалебная тирада несколько сбила старосту с толку.

— Ну ты, давай не очень, — буркнул он.

— Я не очень, я совсем,— снова заговорил Ляпков. Теперь в его голосе звучала не заискивающая покор-

ность, а открытая насмешка.— И мы сейчас только о вас говорили. Даже идем специально к вам.

— Это чего? — еще более озадачился староста.

— Потому что у нас специальный приказ вас повесить.

— Что, о чем ты говоришь?

— А ты скоро поймешь,— сказал Миша Чиж, легко вскакивая на подводу и забирая у старосты вожжи.— Но-но, не брыкаться!

Голика привезли в Сруб, привели в дом, где я отдыхал вместе с Гонтой и Симоненко.

Допрос был недолгим. На столе лежали изъятые удостоверение районной управы с печатью и пистолет. Наглое поведение старосты, принявшего вначале партизан за обыкновенных крестьян, тоже приобщили к делу. Приговор был коротким: на Белое болото.

— Куда это? — насупился Голик.

— На курорт! — усмехнулся Ляпков.— Не слышал такого? Теперь услышишь. Поднимайся, чего сидишь?

На болоте, прозванном нами Белым, мы расстреливали изменников Родины. Было оно далеко от места, в котором мы тогда находились. Однако смысл приговора это не меняло.

Староста, естественно, не знал, что означает название Белое болото. Но по интонации, по жестам сумел безошибочно определить, какая участь его ждет. Усы его обвисли, взгляд потускнел.

— Вот, значит, какая благодарность у людей, выходит. Работаешь на партизан, стараешься, можно сказать, себя не жалеешь, а они тебя за это к стенке.

— Это ты работаешь на партизан?

— Я истину говорю.

— Говорить можно разное,— сказал невозмутимый Гонта,— нам нужны факты.

— И факты есть. Только недавно отправил партизанам двенадцать лошадей с подводами. Лучших коней дал — сильных, здоровых, сытых. Спросите кого угодно. Сам товарищ Збанацкий просил поблагодарить меня за это.

— Кто-кто? — переспросил я.

— Збанацкий. Командир отряда, что за Десною. Са-

ми же прекрасно знаете.— Голик посмотрел на нас тяжело, исподлобья.

Нет, мы ничего не знали об этом отряде. Даже почувствовали себя как-то неловко. Вот, дескать, человек, староста, которого мы считаем предателем, больше нашего осведомлен о партизанских делах.

Я вопросительно посмотрел на Гонту, он на Симоненко. Тот только пожал плечами.

Голик уловил нашу нерешительность. И тут же пустился описывать достоинство коней, которых он отобрал для отряда. Чувствовалось, что он не выдумывает, что действительно хорошо, до мелочей знает каждую отправленную лошадь. Староста говорил, с какими трудностями перебирался обоз на ту сторону Десны, как пришлось ему изворачиваться, объясняя исчезновение лучших лошадей.

Я понял, что приговор придется отменить. Кто его знает, может, действительно человек выполняет задание наших соратников из другого отряда, а мы хотим над ним расправу учинить. Ведь нелепо.

— Что ж вы сразу нам не сказали? — Я натянуто улыбнулся.— Кричите на людей, бьете себя в грудь: «Я староста». У нас же к старостам известно какое отношение.

— Известно. Только я ж вас тоже сразу не узнал. На лбу не написано, что вы партизаны. Вот и пришлось марку держать.

— Выходит, объяснились, обижаться на нас не будете.

— Чего обижаться? Время такое, что всех проверять надо. Вы правильно поступили. Если будет в чем нужда, приезжайте к нам в Переходовку. Чем богаты, поможем.

Мы расстались чуть ли не приятелями.

В течение месяца, который наш отряд провел в Междуречье, я встречался с командирами действовавших здесь партизанских отрядов. Они рассказывали о своем боевом пути, о том, как росли отряды, как постепенно с большой территории почти полностью были выбиты оккупанты.

Беседуя с Григорием Олиферовичем Збанацким, или, как его просто называли в селах, Юрой Збанац-

ким, я напомнил ему переходовского старосту, поинтересовался, как у него дела.

Командир Придеснянского отряда посмотрел на меня удивленно, наморщил лоб, провел по нему рукой, потом решительно тряхнул головой и сказал:

— Голик? Нет, такого не знаю. На память я, слава богу, не жалуюсь. Всех своих людей и тех, кто нам помогает, могу перечислить. Такого среди них нет.

— Как же, он ведь вам двенадцать лошадей с подводами доставил? — Я рассказал о том, как наши бойцы задержали Голика и почему мы его отпустили.

— Ах вот оно что! — Збанацкий громко рассмеялся. — Провел-таки вас, негодяй. Ох и продувная бестия!

Двенадцать лошадей действительно достались отряду Збанацкого. Но отнюдь не с добрыми пожеланиями старосты Голика. Переходовский обоз задержали партизаны. На подводах ехали дядьки с топорами, с пилами. Патруль остановил их.

— Кто такие?

— Переходовские,— ответил широкоплечий бородач, ехавший на передней подводе.

— Это где?

— На той стороне, под Кукшином.

— А сюда вас что принесло?

— Лес нужен. Наш староста новую усадьбу строит. Где тут у вас хорошие посадки для вырубки?

Конечно же, староста не дождался ни леса, ни лошадей...

В Междуречье мы впервые получили помощь из-за линии фронта. Самолет сбросил нам автоматы, противотанковые ружья, гранаты, патроны. Восторг всего отряда вызвали спустившиеся на парашютах десантники. Прекрасно, по строгой форме обмундированные, хорошо вооруженные, они казались пришельцами из другого мира. Когда же один из них достал коробок спичек и прикурил, его обступили, словно он совершил чудо. Мы уже больше года не видели спичек. Коробок пошел гулять по рукам, вызывая целый поток восхищенных возгласов, острот.

Жизнь на территории, которую контролировали соседние партизанские отряды, для нас оказалась чуть

ли не безмятежно-спокойной. За короткое время мы отдохнули, подлечили раненых, привели в порядок свое хозяйство. Единственное, что немало нас удручало в тот период,—полное отсутствие соли. Соседи тоже страдали от этого.

У нас были запасы муки, картошки, почти ежедневно мы ели мясо. Все пресное и потому одинаково безвкусное. Дымящаяся посоленная картофелина казалась для нас самым заманчивым лакомством.

От пресной пищи многих тошнило. Но, в общем, эти трудности можно было терпеть. Особенно радовало нас, что благодаря помощи Большой земли мы основательно пополнили запасы вооружения.

— Совсем как в регулярной армии! — улыбнувшись, отметил Овдиенко. — Только разве артиллерии не хватает.

Скоро у нас появилась и артиллерия.

Николай Писоцкий с группой партизан шел в село Козороги. В лесу наткнулись на подбитый советский танк. Машина обгорела, гусеницы как бы вросли в землю, башня была разорвана. Но ствол 45-миллиметровой пушки торчал целехонький.

Писоцкий заглянул внутрь танка и обнаружил, что замок пушки тоже цел, только заржавел. Имелся и запас снарядов. Тогда-то у бывшего артиллериста и родилась идея использовать пушку в отряде. Выполнив задание и вернувшись в наше расположение, он поделился ею с командиром батальона Симоненко. Тот выделил в помощь Писоцкому нескольких человек и подводу.

Достали длинные кузнечные клещи, молот, зубило. С их помощью вырубили пушку из башни, привезли в отряд. Кое-кто из бойцов посмеивался:

— Обрастаем хозяйством, уже и утиль начинаем собирать.

Писоцкий с Андреем Козиным, считавшимся мастером на все руки, взялись за дело. К оси от обычной телеги прикрепили деревянную подушку, на ней установили ствол орудия и щит. Замок разобрали, очистили от ржавчины, смазали, собрали вновь. Орудие было готово.

— Собирай, Иван Михайлович, командиров, —

сказал мне Симоненко,— хочу показать вам, что мои умельцы смастерили.

— Неужели-таки сработали пушку? — Я, конечно же, знал о том, что в батальон Симоненко привезли орудие из танка и что-то пытаются с ним сделать.

— Сработали. Да еще как лихо — почище заводской.

— Это уж не загибай.

— Чего тут загибать? На заводе, там все заранее предусмотрено, для каждой детали специальные формы. А мы без них, можно считать, голыми руками все делали. Получилось — загляденье, сам увидишь.

И вот я вместе с Музыченко, Овдиенко, Шевыревым, Симоненко, командиром 3-го батальона Дешко, Ткаченко, командирами и политруками рот вышел на ровную площадку, посреди которой стояла полусамодельная пушка. Возле орудия хлопотал Николай Писоцкий.

Симоненко приблизился к нему, громким торжественным голосом скомандовал:

— Батарея партизанского соединения «За Родину!», к бою!

Писоцкий откинул крышку ящика со снарядами, выпрямился возле лафета.

— Заряжай!

Артиллерист мгновенно подал снаряд в ствол, закрыл замок.

— По полкам противника,— Симоненко поднял вверх руку,— прицел ноль-ноль четыре, бата-аре-е-я, огонь! — резко, с выдохом он бросил руку вниз.

Ствол орудия вздрогнул, из него показался клубок дыма, затем мы услышали грохот и увидели, как по воздуху с шипеньем и свистом понесся снаряд.

Наша пушка стреляла, как настоящая.

— Поздравляю,— я пожал руку Симоненко,— ваши бойцы проявили прекрасную партизанскую смекалку.

— Теперь мы будем проводить операции солидно,— сказал Овдиенко.— Раньше мы нападали молча, неожиданно, заставали врага врасплох. Теперь можем начинать с артподготовки. Как Святослав, помните:

«иду на вы». И то-то немцы почешут затылки, когда в тылу у них заговорит артиллерия.

— Тыл, который стреляет из пушек! — засмеялся Шевырев.— Куда уж надежнее?

— Да, теперь, пожалуй, мы дадим им концерт!— задумчиво протянул Дешко и улыбнулся своими ясными глазами.— Только маловато пока пушек. Надо бы, ребята, еще поискать.

К концу месяца, который мы провели за Десной, у нас было уже четыре орудия.

Провели мы и неожиданную для партизанского отряда операцию. Носила она сугубо мирный характер, но принесла нам такой прилив бодрости, как далеко не каждая успешно закончившаяся боевая вылазка.

...Володя Богданов посмотрел на меня искоса, в глазах его вспыхнула и погасла лукавинка.

— Речь писать будете или по памяти скажете? — спросил кротким голосом и потупил глаза.

— Какую речь?

— В Сукачах перед народом.

— Что-то непонятно ты говоришь.

— Все точно, Иван Михайлович, уже в селе и афиши развешаны.

— Афиши?

— Ну да!

— Какие?

— О том, что в клубе состоится собрание всех жителей. Выступит с речью командир партизанского соединения «За Родину!» Бовкун И. М. Потом концерт художественной самодеятельности.

— Ого-го-го, как грозно! Кто же это так постарался?

— Мы.

— Кто конкретно?

— Комсомольцы. По именам — персонально я, Владимир Богданов, а также Константин Ляпков, Алексей Рог, Михаил Чиж, Галина Дубовик, Александра Запорожец... Всех перечислять?

— Хватит. Ты лучше скажи, кто вам за меня позволил расписываться?

— Комитет. Это ваше комсомольское поручение.

— Комсомольское? Как будто по возрасту я вам уже не очень подхожу.

— Вот я и говорю.

— Что говоришь?

— Что не очень подходите. А комитет мне на это: ничего, справится.

— Ох и хитер ты, братец!

— Это хорошо или плохо?

— Как когда. Сейчас, наверное, хорошо.

— Значит, будете писать речь?

— Некогда. Но выступлю обязательно. А вам от себя хочу добавить: прекрасное дело вы задумали.

— Спасибо.— Володя чуть зарделся.— Только если честно, то задумали его все же не мы...

— А кто же?

— Сельские товарищи. Они просили, чтобы командир выступил. Мы согласились им помочь...

В назначенное время (из-за отсутствия освещения собрание назначили на день) в клубе было битком. Сидели на скамейках, в проходах, стояли у стен. Двери, окна распахнуты настежь. Снаружи их тоже плотно обступили люди. Местные жители, бойцы нашего отряда. Всем было интересно. Собрание, концерт — шутка ли! Давно здесь не знали ничего подобного.

На сцене длинный стол, накрытый кумачом. Сохранилось у кого-то полотнище. В президиуме рядом со мною Овдиенко, Музыченко, Галя Дубовик, несколько местных жителей, Саша Шевырев. С ним получился небольшой конфуз. Поднялся он на сцену в своей неизменной кожанке и кубанке набекрень.

— Вы почему в шапке? — одернул его Музыченко.

Наш невозмутимый комбат несколько опешил.

— Военная форма предусматривает ношение головных уборов,— тихо возразил он.

— Вы не в воинском собрании, а в колхозном клубе. Прошу вас уважать людей.

— Я что, я ничего.— Шевырев поспешно сдернул кубанку, пригладил разметавшиеся кудри.

Командир отряда самообороны встал, чуть откашлялся, охрипшим от волнения голосом сказал:

— Разрешите торжественное собрание, посвящен-

ное встрече с партизанским отрядом «За Родину!», считать открытым.

В зале загремели аплодисменты. Не смолкали они минуты две, а может, и больше. Уже одно событие это было для всех собравшихся очень значительным, радостным.

— Слово предоставляется командиру отряда товарищу Бовкуну Ивану Михайловичу.

Люди сидели и напряженно вслушивались в тишину. Никогда, ни до, ни после этого, не приходилось мне встречать такой внимательной, такой отзывчивой аудитории.

— Товарищи! — Я тоже не мог сдержать волнения, и оттого голос мой звенел. — Разрешите от имени всего нашего отряда «За Родину!» передать вам горячий партизанский привет!

Опять аплодисменты — и опять тишина. Мгновенно, без перехода.

Я начал свою речь. Наверное, она была довольно сумбурной. Я говорил о положении на фронтах, о разгроме фашистов под Москвой и Сталинградом, о начинающемся наступлении Красной Армии. Еще не было Курской дуги, но приближение решительного удара по фашистам чувствовалось по всей военной обстановке. Рассказывал о жизни нашего отряда, о проведенных им операциях, о том, какую помощь может оказать и оказывает партизанам население.

Закончил я призывом к местным жителям идти в партизаны и беспощадно бить фашистских захватчиков.

Опять долго не смолкали аплодисменты. Потом председательствующий сказал:

— У кого есть вопросы?

Вопросы были. Самые разные. О том, где записывают в партизаны и со скольких лет, где брать оружие, как взрывают поезда и какая жизнь будет после войны. Особенно запомнился мне один щуплый, невысокий дедок.

— Вы тут говорили, что Красная Армия бьет фашистов, наступает и приближается час расплаты с врагами,— степенно сказал он.— Мы со своей стороны это все, конечно, поддерживаем. А только хотелось бы

знать: если Красная Армия наступает, то когда, к примеру, ожидается она здесь, в Сукачах?

Раздался смех, на деда зашикали.

— Вы не препятствуйте мне, граждане,— несколько обиженным тоном произнес он,— мне хочется знать, что товарищи командиры на мой вопрос ответят.

С мест негромко неслось:

— Откуда же они могут знать?

— Ничего себе вопросик!

Я поднял руку. Зал стих.

— Товарищ проявляет вполне понятное любопытство,— сказал я.— Всем вам очень трудно приходится под игом фашизма, все вы и мы тоже с нетерпением ждем счастливый миг освобождения. Приблизить его зависит от нас с вами. Чем крепче мы будем бить врага здесь, в его тылу, тем быстрее погонит его назад Красная Армия. Я, конечно, не могу назвать день и месяц, но знаю точно, что она будет здесь, и скоро будет.

Зал одобрительно зашумел. Дедок поднялся снова:

— Это все хорошо и правильно. Нельзя ли, однако, поточнее. К какому числу можно ждать наших?

— Вы много от меня хотите, товарищ.— Я улыбнулся.— Продвижение армий не расписание поездов. Нельзя забывать, что немцы отчаянно сопротивляются. Поэтому график здесь составить не так просто.

— Ладно, пусть не график, — взялся за свое дед.— Мне хотя б приблизительно. Скажем, в нынешнем году ждать или в будущем.

— В нынешнем,— твердо ответил я.— Почти уверен, что в нынешнем.

— Очень хорошо,—дед согласно кивнул головой.— Теперь позвольте еще один вопрос. Питаться бойцам Красной Армии надо?

— Само собой разумеется. Если вы хотите выступить, так выйдите на сцену.

— Спасибо, можно было бы и на сцену, только пробираться долго. Я лучше отсюда, одинаково ведь слышно. Говорю я это вот к чему. Лето началося — а что у нас в полях делается? Кто не сеял еще, кто и не пахал вовсе. Кто посеял — недосматривает, бурьяном все

поросло. Придет Красная Армия — чем кормить будем?

На этот раз зал загудел любопытными голосами. Старик оказался не таким простым, вопрос подбросил нелегкий. Пока я собирался с мыслями, Овдиенко наклонился ко мне с соседнего стула, прошептал:

— Разрешите мне, Иван Михайлович.

Я кивнул. Он встал, погладил рукой подбородок, заговорил неторопливо, веско:

— Товарищ поставил очень правильный вопрос. С давних времен первейшей заботой крестьянства было выращивать хлеб. Теперь же получилось так, что его почти не возделывают. Разве возле дома немного посеют, чтоб с голоду не помереть. Отчего так происходит? Оттого, что урожай может забрать враг и работать на него никому неохота. Но враг не вечно будет у нас хозяйничать. Скоро прогонят его. Придет Красная Армия — ей нужен будет хлеб. Все вы, жители села, опять соберетесь в колхоз—и вам понадобятся семена. Очень хорошо, если вы сами сумеете создать запасы этих семян, запасы хлеба. Товарищ подвел нас к правильной мысли: надо сеять, надо ухаживать за посевами. Важно только не дать урожай врагу. Надо суметь убрать его и спрятать до прихода наших войск. Сделать это вам не так уж трудно — немцы сейчас не выказывают здесь особой прыти. Если же они попытаются вывезти силой выращенный вами урожай, пришлют за ним специальный отряд, придется хлеб уничтожить. В этом тоже нужно отдавать себе полный отчет. Обидно это, больно — уничтожить плоды труда рук своих. Но иного выхода сегодня у нас нет.

После этого выступления в зале наступила тишина. Люди задумались. Затем кто-то сказал:

— Правильно. Иного выхода нет.

Потом еще тянулись вверх руки. Были вопросы, были выступления. Взволнованные, озабоченные, деловые.

Продолжалось все в общей сложности около трех часов. В конце командир самообороны поблагодарил меня за «содержательную беседу» и объявил, что после перерыва состоится концерт художественной самодеятельности партизанского отряда. В зале затопали, захлопали, даже засвистели.

— Давай без перерыва!

— Продолжай!

Без перерыва все же не обошлось. Был он, правда, коротким и занял ровно столько времени, сколько понадобилось на то, чтобы подготовить сцену и артистам собраться с духом. Никто из зала не выходил — боялись, что их место займут.

Володя Богданов, взявший на себя функции конферансье, объявил первый номер.

— Демьян Бедный. Басня «Еж». Исполняет Михаил Чиж.

Читал Чиж, прямо скажу, неважно, даже запинался. Тем не менее аплодисменты ему достались такие, какие не часто сопровождали выступления выдающихся мастеров сцены. За ним еще выступали чтецы. Декламировали Пушкина, Шевченко, Франко, Лебедева-Кумача. Павел Жусубеков исполнил восточный танец. Его заставили выйти на «бис». Мне запомнилась наша Шура Запорожец. У нее оказался звонкий и довольно сильный голос. И песню подобрала хорошую, мужественную:

Я на подвиг тебя провожала,
Над страною гремела гроза,
Я тебя провожала, но слезы сдержала,
И были сухими глаза.

Наши девушки ходили обычно в гимнастерках, грубых куртках, сапогах. Головы повязывали платками или же, как и мужчины, носили пилотки. Партизанский быт не признавал нарядов. А здесь Шура вышла в белой блузке с кружевной отделкой, длинной черной юбке. На ногах были настоящие туфли, на высоких каблуках, вокруг лба вилась пышно взбитая прическа. Все это казалось нам непривычным.

Энергично встряхнув кудрями, блестя глазами, девушка пела:

Я в дело любое готова с тобою
Идти, не боясь ничего.
Если ранили друга, сумеет подруга
Врагам отомстить за него.

Шуру тоже заставили петь дважды. Но все это было ничто в сравнении со следующим номером.

— В исполнении хора прозвучит песня «Священная война»,— объявил Богданов.

На сцену вышли человек двадцать бойцов, выстроились в два ряда. Баянист взял аккорд — и полетели в зал мужественные, удивительно сильные и близкие каждому слова:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!

Эту песню мы услышали по приемнику и разучили. Хор наш не отличался слаженностью исполнения. Но слушали его как завороженные. Не хор — песню. Со второго раза припев подхватили в зале. Сначала несколько голосов, потом больше, больше, и вот уже все пели:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война.

Гости с Большой земли вместе с последними сообщениями о жизни нашей страны, событиях на фронте привезли к нам в отряд и новинки искусства. Одну из них мы подготовили к концерту. Шура Запорожец вышла на сцену и в сопровождении хора запела:

На позицию девушка провожала бойца...

Эту песню пришлось повторить четыре раза. Наш небольшой концерт затянулся до позднего вечера. Долго еще после того, как люди разошлись по домам, на улицах села слышалось:

И пока за туманами видеть мог паренек...

Небывалый, не боюсь этого слова, успех концерта вселил в нас радостные, светлые чувства. Комсомольцы решили выступить еще в нескольких селах. Однако планы эти пришлось отложить. Штаб партизанского движения потребовал, чтобы мы вернулись на прежнее место и парализовали движение на железных дорогах.

Вечером 24 июня мы вновь форсировали Десну и разными маршрутами побатальонно за ночь прошли около 30 километров.

НАША СИЛА СИЛЬНЕЕ

Н

а дневку батальон Шевырева расположился в небольшом лесочке возле Олишевки. Расставив посты, Александр Иванович прилег на повозку и тотчас заснул. Способность спать у него была просто удивительной. Кажется, ему не могла бы помешать канонада тысячи орудий. Наряду с этим он отличался способностью мгновенно переходить к делу.

Не прошло и получаса, как его разбудил связной дозора.

— Товарищ комбат, к лесу движутся косари.

— Из-за этого ты меня будишь?

— Я, конечно, не стал бы. Но их очень много.

— Сколько?

— Может, сотни три.

— Три сотни косарей? Чепуха, этого не может быть.

— И я так думаю. Но посмотрите сами.

Шевырев легко соскочил с повозки и быстрым упругим шагом направился к опушке.

Возле кустов, за которыми замаскировались дозорные, остановился.

— Товарищ комбат, — заговорил, увидев его, начальник караула Николай Хвостин,— что-то мне здесь кажется подозрительным. Вы видите?

— Вижу, вижу.— Шевырев приставил ко лбу руку козырьком, стараясь защититься от бьющих в глаза солнечных лучей.

Со стороны Олишевки по полю шла большая толпа людей, в белых рубашках и черных штанах. Над плечами поблескивало что-то узкое, металлическое—вполне можно было принять за косы.

— Интересно, что они собираются косить? — вслух размышлял Хвостин.

— А ты когда-нибудь видел, чтоб косари косили в форме?

— Какая ж на них форма?

— Такая, что все одеты одинаково, пусть даже в рубахи. Мундиры могли просто поснимать от жары.

— Немцы? Они такие аккуратисты.

— Не обязательно немцы. Скорей всего, венгры.

Как бы в подтверждение этих слов из Олишевки показалась колонна венгров в полном обмундировании.

— Занять оборону и держаться! — бросил Шевырев Хвостину, быстро повернулся и направился к центру лагеря.

Дорогой его нагнал связной с другого поста:

— Товарищ командир батальона, со стороны Крестиновки наступают немцы с полицаями.

Шевырев кивнул:

— Объявить боевую тревогу. Командиров рот ко мне.

Совещание было предельно коротким. Шевырев распорядился, чтобы партизаны заняли круговую оборону.

— Потемкин, ты со своей ротой пойдешь со мной,— сказал он, — атакуем венгров первыми.

Все ближе и ближе цепь противника. Уже хорошо видно, что не косы поблескивают на плечах, а дула карабинов.

И тут громкое «ура!» сотрясло воздух. В рядах венгров возникло замешательство. Еще миг — они поворачиваются спинами, бегут. Партизаны преследуют их. В первом ряду бежит Шевырев.

Между тем венгры, идущие в колонне, которая следует за «косарями», видят, что атакующих по сравнению с ними очень мало, всего горсточка. Они останавливают бегущих. Те залегают, открывают бешеный огонь, прижимают партизан к земле.

Шевырев понимает, что в азарте погони они отошли слишком далеко от леса. Спасение теперь в том, чтобы как можно скорее вернуться назад. И он дает команду отступать.

Подняться, однако, нельзя. Пришлось, отстреливаясь, отползать.

— Ах черт! — вдруг вскрикнул Шевырев и схватился за ногу.

— Товарищ командир, вы ранены?

— Ничего, все в порядке. Быстрей отходи.

Лес совсем уже рядом. Оттуда навстречу венграм бьет пулемет. Теперь под прикрытием огня своих легче.

Венгры преследуют отползающих партизан короткими перебежками. Оказавшись под защитой деревьев, Шевырев облегченно вздохнул. Он не видел, что в этот миг пятерым хортистам удалось выбраться следом за ним на опушку. Над головой — пулеметная очередь. Василий Греков встретил преследователей огнем своего ручного пулемета. Четверо падают сраженные, пятый, вильнув в сторону, бежит вперед, хочет прыгнуть на Василия. Греков бьет его с размаху стволом.

Венгры прекратили наступление — им нужна передышка. Партизанам она тоже как нельзя более кстати. Убит Александр Козлов, тот самый, которого оперировал в больнице Афонин. Шестеро ранены. Среди них Потемкин, бойцы вытащили его из-под огня на руках. Пуля прошила грудь командира роты навылет, состояние его безнадежно.

На противоположном краю леса трещали выстрелы. Там держал оборону батальон Ткаченко. Остановленные пулеметным огнем, немцы отступили и теперь били по лесу из минометов. Мины разрывались планомерно, прочесывая квадрат за квадратом.

«Вот пашут, черти! — с опаской думал Ткаченко.— Еще немного, и могут накрыть ни за понюшку табаку. Надо сменить позиции...»

За спиной тяжело громыхнуло, затылок обдало жаром. Голова наполнилась гулким звоном, потом наступила тишина. Александр удивленно приподнял голову: неужели бой прекратился?

— Эй! — крикнул он и замолчал, пораженный, не услышав собственного голоса.

«Наверное, контузило,— подумал он.— Этого только мне сейчас не хватало».

— Эй! — крикнул он громче. До слуха донесся едва слышный звук.

«Ничего, значит, это временно»,— решил Александр. Он отполз в сторону, держась за толстый ствол дерева, поднялся во весь рост и тут же почувствовал, как земля ушла из-под ног.

Когда Ткаченко снова открыл глаза, он увидел над

собой склонившееся озабоченное лицо и зеленый мундир. Немец лил из пилотки ему на грудь воду.

«Неужели я в плену? — было первой мыслью Ткаченко.— Сдаваться нельзя. Если пнуть его ногою и быстро вскочить...»

Он попробовал подобрать ногу и застонал от отчаяния — мускулы его сильного тела сейчас с трудом повиновались ему.

— Надо лежать, лежать спокойно,— услышал он на плохом русском языке.— Вы жив, все карашо.

Александр всмотрелся пристальнее в хлопочущего над ним человека, лицо показалось знакомым.

— Курт? — тихо спросил он.

— Я Курт Кульке.

— А где же все наши?

— Стреляют. Я тоже должен стрелять. Немедленно. Мне нет времени.

— Давай иди, друг.

— Я еще должен заботиться о вас, а потом стрелять.

— Ничего, я сдюжу.— Ткаченко улыбнулся.— Я, брат, двужильный...

Разрывов мин теперь не было слышно, их сменила ружейно-пулеметная пальба.

— Идем! — Александр тронул Курта за рукав кителя и, собравшись с силами, пополз к опушке.

Залегли у крайнего дерева. Справа и слева вели огонь бойцы батальона Ткаченко. В открытом, но неровном поле никого не было видно. И все же Александр заметил, как с земли поднялась черная фигура, стремительно бросилась вперед. Тут же прозвучал выстрел. Фигура пошатнулась, опрокинулась навзничь.

«Не сам упал, подбили,— определил Александр,— так ему и надо».

— Эсэс,— многозначительно сказал Александру Курт и дослал в ствол карабина новый патрон.

«Ого, видно, мы здорово их беспокоим, если они бросают в бой эсэсовцев!» — Ткаченко улегся удобнее и прижал к плечу приклад автомата.

Галя Данилко перевязывала ногу Шевырева. Комбат сидел на земле, опершись сзади на руки, запрокинув голову.

— Чего копаешься, как курица,— торопил он девушку.— Некогда.

— Ничего, еще чуть-чуть потерпи, самую малость,— стараясь сохранить спокойствие, отвечала Галя.

— Некогда мне терпеть, понимаешь, некогда! — Шевырев задыхался от боли и злости.— Бой идет, понимаешь?

— Я и так стараюсь, как могу.— Голос Гали дрогнул.— Лучше сидел бы спокойнее.

— Сижу, сижу, только, ради бога, быстрее!

Шевырев чутко прислушивался к выстрелам, стараясь по ним определить ход сражения.

— Хвостин, — крикнул он, — бери Жусубекова, Первушкина, Сайфуллина и с пулеметом на зуб, быстро!

Бойцы тотчас бросились выполнять команду. Разъяснений им не требовалось. «Зубом» в отряде обычно называли край леса, врезающийся острием в открытое пространство. Оттуда хорошо простреливались подходы с двух сторон.

Едва Галя закончила перевязку, Шевырев поднялся и, прихрамывая, пошел к опушке, с которой они только что атаковали венгров.

Галя едва успевала перевязывать раненых. Прибывали все новые и новые. Правда, у большинства ранения были сравнительно легкие — приходили на перевязочный сами.

Володя Богданов прибежал, держась за щеку.

— И тебя тоже, Володька? — вскрикнула Галя.— Иди сюда, бедненький. Я сейчас, сейчас...

— Ладно,— кривясь лицом и выплюнув кровь, прошепелявил Богданов.— Я сам, только дай пакет. А ты давай вот так, прямо. — Он протянул вперед руку. — Там у опушки Генералов.

— Что с ним?

— Плохо. Сам идти не может.

Галя побежала. У опушки никого не увидела. Сгоряча выбежала на открытое место. Почувствовала, как кто-то сильно дернул ее за ногу и рухнула на землю.

— Куда лезешь? — услышала громкий рассерженный голос.— Хочешь, чтоб убили?

Курт Кульке тяжело пыхтел и все еще не отпускал щиколотку девушки.

— Я не знаю, тут Генералов ранен.

— Начальник штаба? — Курт едва не взревел.— Его здесь нет. Ты должна его искать. Но на открытое не выходи.

Галя отползла немного назад. Теперь она увидела, что опушка отнюдь не пуста.

Неподалеку от нее за деревом лежал Ткаченко и стрелял из автомата.

— Александр Андреевич, где Генералов?

— Не знаю. Должен быть там, слева.

Галя отползла еще, поднялась, пошла.

Минут двадцать шарила по лесу. На Генералова наткнулась совсем неожиданно.

Начальник штаба батальона лежал навзничь и глухо стонал. Красное пятно растеклось по гимнастерке на том месте, где находится сердце. «Однако сердце не задело, — решила Галя, — иначе убило бы наповал».

Она с трудом приподняла раненого, разрезала набухшую кровью гимнастерку. Из рваного отверстия в груди продолжала течь кровь.

Прислонив к своему плечу голову начальника штаба, стала обкручивать его грудь бинтами. В этот же миг услышала громкое «ура!».

Генералов приоткрыл глаза, прошептал:

— Где я?

— Все хорошо, миленький, потерпи немного, совсем еще немного,— быстро заговорила Галя.

— Фашистам не оставляй, дострели! — тихо проговорил начальник штаба. — Поняла?

— Да что ты, миленький, каким фашистам? Вон наши в атаку пошли, слышишь?

Генералов не слышал, он снова впал в беспамятство.

Закончив перевязку, Галя попробовала было поднять раненого. Но Генералов был человеком мощного сложения. Хрупкая Галя не смогла даже посадить его.

Пошла искать подмогу. На перевязочном ей пришлось задержаться. Сюда прибыли еще несколько раненых и терпеливо ждали, пока им окажут помощь. Перевязывая, Галя узнала от них, что Шевырев снова водил бойцов в контратаку, что они отогнали венгров, а

потом отступили. Все прошло удачно, без потерь, если не считать нескольких раненых.

И еще раз в этот день контратаковали противника партизаны. Дважды врывались на край леса немцы и дважды были выбиты. С наступлением темноты противник отошел, но блокады не снял.

Положение было угрожающее. Мало того, что враг имел значительное численное превосходство, у партизан на исходе были патроны. Выход один — во что бы то ни стало прорвать ночью кольцо окружения и уйти.

Шевырев послал группу бойцов на поле боя собрать под покровом темноты трофеи и тем хоть как-то пополнить запас патронов.

План прорыва был смел и довольно прост. Взвод Хвостина атакует венгров на Олишевском направлении. Подразделения противника, блокирующие с других сторон, скорее всего поспешат к месту боя, решив, что именно там намечается прорыв. В образовавшийся коридор выходит батальон вместе с обозом раненых. Взвод Хвостина отступает следом, прикрывая отход.

Приняв решение, стали готовиться к отступлению. Раненых было много, едва хватило на всех повозок. Генералов чувствовал себя лучше. Крепкий организм брал верх над раной. Начальник штаба даже пробовал шутить.

Около полуночи взвод партизан тихо вышел из лесу и ползком двинулся вперед. Ночь, к счастью, выдалась темная, пасмурная. Лишь изредка оттуда, где были позиции венгров, вздымались вверх одинокие ракеты, рассыпая вокруг себя бледный свет. Тогда партизаны прижимались к траве, стараясь слиться с нею.

Когда до вражеской обороны осталось метров двести, взвод по команде поднялся и, открыв огонь, бросился вперед. На вражеских позициях поднялась суматоха, послышались крики. Потом в небо полетели десятки ракет. Стало светло, как днем. Партизанам пришлось залечь.

На помощь атакованному неприятелю, как и предполагалось, поспешили отряды с других участков. Кольцо разомкнулось. Батальон быстро вышел из лесу с противоположной стороны и прошел по полю, не встретив препятствий.

Взводу Хвостина тоже был дан сигнал отходить. Прорыв удался.

В то же время батальон Симоненко остановился в Бильских лесах. Ночью комбат вместе с командирами рот Климом Скотарем и Владимиром Вовкогоном, командиром взвода Николаем Писоцким, политруком Митрофаном Сириком, подрывником Михаилом Ивановым и бойцом Николаем Видмидем отправились в село Красные Партизаны. Пятеро, кроме Писоцкого и Иванова, были из него родом.

Зашли к связному отряда Рекуну. У него узнали, что за время пребывания отряда за Десной никаких событий в селе не произошло. В нежинской газете писали, что партизаны разгромлены, лагеря их уничтожены, что отныне в районе навсегда воцарится спокойствие. Правда, никто из жителей этому не верил. Цену фашистской пропаганде все хорошо знали.

Проведав родных, затемно собрались обратно. К четырем утра вышли к железнодорожному переезду. За ним маячила поднятая рука семафора. Тут у Симоненко неожиданно и появилась дерзкая мысль.

— Что, ребята, возьмем поезд? — Он испытующе посмотрел на товарищей.

— Семером? — удивился Сирик.

— Ну да!

— Если б с нами была взрывчатка...— протянул Иванов.

— Со взрывчаткой тут бы и говорить не о чем. Да ведь мы и без нее справиться можем.

— Пожалуй,— поддержал Скотарь,— только все же лучше узнать, что за поезд.

— С этого я думал и начать, — согласился Симоненко.

Дежуривший по блокпосту железнодорожник и не думал оказывать сопротивление. Охотно рассказал, что поезд рабочий, что, как правило, его сопровождает военная охрана, а также нередко едут и пассажиры.

Партизаны закрыли семафор и спрятались в кустах у дороги. Поезд подошел, когда уже совсем рассвело. Как только он остановился, Симоненко бросился к паровозу. Из кабины показалось дуло винтовки. Однако

выстрела не последовало. Винтовка почему-то грохнулась на шпалы.

Еще мгновение — и Симоненко в кабине. На железном полу лежал человек с пробитой головой. Над ним стоял другой, держа в руках монтировку.

— Стрелять хотел, гад,— сказал он, белозубо улыбаясь закопченным лицом,— да не вышло.

В вагонах послышались выстрелы.

Двое немцев пустились наутек и упали, сраженные пулями.

Выскочив из паровоза, Симоненко бросился к первому вагону. В нем сидело довольно спокойно семеро венгерских солдат.

— Руки вверх! — закричал Николай, наставляя на них автомат.

Они тотчас выполнили команду.

— Гитлер капут! — суетливо произнес один из них.— Мы ехать домой. Мир! Дружба!

Симоненко приказал подоспевшему Вовкогону забрать оружие. Венгров вывели из поезда и отпустили.

Последний вагон был почтовым. В нем ехало двенадцать немецких охранников. Они стали отстреливаться. Писоцкий с Ивановым с близкого расстояния забросали вагон гранатами. В пять минут бой был кончен.

В руках партизан оказалось более двухсот писем немецких военнослужащих своим семьям и знакомым. Они, пожалуй, были для нас особенно ценными. Мы передали их на Большую землю, и выдержки из многих были опубликованы в газетах, переданы по радио. Трудно было бы подобрать более убедительные документы, свидетельствующие об унынии и разброде, царящих в гитлеровской армии. От былого оптимизма, шапкозакидательского настроения фашистских головорезов не оставалось и следа. Теперь они довольно откровенно высказывали свои опасения, недовольство, несмотря на строгую военную цензуру!

В одну из посылок, в которой помещалась бутылка вина, четыре килограмма топленого масла, небольшой рулон простого полотна, была вложена записка. Некий Ганс Майер писал своей жене:

«Дорогая Ева! Это все, чем я могу скрасить твою жизнь без меня. Выпей за мое здоровье. Ничего больше не удалось достать из-за проклятых партизан. Они здесь повсюду. Глубоко ошибаются те стратеги, которые считают, что их можно выловить с помощью подосланных лазутчиков или выгнать, прочесывая села. Партизан можно уничтожить, лишь истребив все население, которое только на вид кажется забитым и покорным. На самом же деле в каждом здесь живет какой-то демон. Днем он пашет, а ночью стреляет...»

Не могу не отметить, что читали мы эти строки с удовольствием. Признание человека, который не мог питать к нам никаких симпатий, конечно же, было показательным.

За смело проведенную операцию Николай Дмитриевич Симоненко был награжден орденом Красного Знамени.

Через два дня после боя возле Олишевки к Шевыреву привели девять венгров.

— Гитлер плох, совет хорош,— выложил весь запас русских слов один из них, коренастый с широким лицом.

— Хотят к нам, сами пришли, — доложил приведший их дежурный.

Шевырев пригласил переводчика Верхаламея.

— Спроси, почему они только теперь надумали, а не раньше?

Верхаламей повторил вопрос на венгерском.

— Я давно хотел сдаться,— ответил тот же широколицый, — еще на Дону. Не успел, ранили, отправили в тыл. А полк наш там сдался, почти полностью. Теперь послали на борьбу с партизанами. Я не хочу с партизанами воевать, не хочу воевать с русскими. Немцы погнали меня насильно. Теперь я хочу их бить, чтобы скорее вернуться домой.

— Так, — кивнул Верхаламей, — понятно. А вы почему до сих пор тянули? — Он грозно посмотрел на остальных. — Видите меня, я венгерский офицер, воюю на советской стороне. Ни один честный венгр не может быть с хортистами. А вы?

Солдаты вытянулись и, как говорится, ели Верхаламея глазами.

— Они не хотели идти с хортистами,— ответил широколицый, чувствовавший себя более уверенно.— Когда я предложил им перейти на вашу сторону, согласились. Раньше просто не решались.

— За то, что не решались раньше, даю вам двадцать суток гауптвахты,— отчеканил Верхаламей.

При этих словах солдаты вытянулись, приложили руки к пилоткам.

— Ввиду отсутствия помещения гауптвахты исполнение наказания откладывается до конца войны. Пока зачисляю вас бойцами своего отделения.

Иван Шевченко отправился в Кукшин на заготовку картофеля для отряда, встретился со старостой Василием Косянко, работавшим по нашему заданию.

— Картофель приготовим,— сказал Косянко, услышав переданную просьбу командования отряда,— есть резервы. Тут еще вот какое дело. Третий день у меня немец живет.

— Что ему надо?

— Просится к партизанам.

— Вот как! А где он сейчас?

— Спит в доме.

— Пошли.

В доме Косянко на постели в форменных штанах и нижней рубашке лежал молодой, крепкий рыжеволосый немец.

— Вставай-ка, давай пушку!—приказал Шевченко.

Немец поднялся, с готовностью протянул «шмайсер».

— Собирайся! — Шевченко кивнул в сторону дверей.

Немец русский знал очень плохо, но смысл сказанного уловил. Спокойно надел китель, на котором оказались ефрейторские знаки отличия, вышел.

В отряде Герхард Кюнт рассказал историю своей жизни. До армии он был студентом, учился в Берлине и даже состоял членом гитлерюгенда. Но все же ему не нравилось, как фашистские пропагандисты насаждали

тупое исповедование весьма сомнительной идеологии. Однажды Кюнт рассказал солдату из своего отделения, что читал Энгельса. Он не давал никакой оценки прочитанному, лишь назвал сам факт. После этого у него были крупные неприятности. Они окончательно толкнули Кюнта на разрыв с фашистами. Он стал искать случая перейти к партизанам. Было очень нелегко. Жители украинских сел, с которыми он заговаривал на ломаном русском языке о партизанах, по совершенно понятным причинам пытались замять разговор или притворялись ничего не знающими. К тому же и заговорить с кем-нибудь удавалось не часто: в одиночку начальство теперь никого не отпускало, а при свидетелях беседу о том, как перейти к партизанам, не начнешь. Кюнту все же удалось уговорить Косянко. Тот прямого согласия не дал, просто велел подождать. Немец оказался настойчивым и добился своего.

Примерно в то же время перешел к нам Карл Фреземан. Этот сам разыскал в лесу партизанский пост. До войны он был рабочим в Гамбурге. Четырнадцатилетним мальчиком участвовал в революционных волнениях 1919 года, слушал Эрнста Тельмана. Фашистский режим сразу пришелся Карлу не по нутру. В армии он был танкистом. Воевал во Франции, в Польше, был ранен. К нам попал, бежав из эшелона, следовавшего на фронт.

Карл Фреземан высоко отзывался о боевых качествах нашего танка «Т-34». Помню, он приводил любопытные примеры удивительной несостоятельности геббельсовской пропаганды.

В тылу немецким танкистам говорили, что у русских танков почти нет, а те, что имеются, старые, образца «Рено» времен первой империалистической войны. Потом в бою те же танкисты сталкивались с мощными маневренными советскими боевыми машинами, и те, кто уцелел, кляли вралей, которые настроили их на легкий успех.

В газетах сплошь и рядом писали, что СССР отсталая страна, в которой нет заводов и фабрик, мало городов. Одновременно, вопреки логике, на тех же страницах размещались хвастливые сообщения о том, что «за прошедшие сутки доблестные войска вермахта уничто-

жили» большое количество, назывались конкретные цифры, советских танков, самолетов. Не нужно было обладать большим умом, чтобы самому себе задать вопрос: откуда же берутся эти танки и самолеты?

Все перешедшие к нам из армии противника солдаты — венгры, немцы, бельгийцы, румыны — воевали хорошо, часто выполняли ответственные задания, рисковали жизнью. Значит, не страх за себя привел их в наш лагерь, не от пуль бежали они, стремясь тихонько пересидеть до конца войны. Они пришли именно для того, чтобы бороться против гитлеровского режима, который дискредитировал себя все больше и больше. Соответственно, все больше и больше росла, крепла, множилась наша сила.

КОНЕЦ «АДОЛЬФА ГИТЛЕРА»

В середине лета 1943 года железная дорога фактически полностью оказалась под нашим контролем. Ночью по ней движения не было совсем. Охранял линию в это время бронепоезд. Он медленно курсировал на отрезке Нежин—Носовка, бесприцельно обстреливая лес из орудий.

Вообще на охрану дорог гитлеровцы поставили немало бронепоездов. Некоторые были такими, правда, только по названию. Состояли они обычно из нескольких платформ с песком, идущих впереди паровоза, и двух-трех площадок, на которых были установлены пушки и пулеметы. С такими бронепоездами мы расправлялись довольно легко.

Бронепоезд, о котором идет речь, значительно отличался от других. Были в нем те же платформы и площадки, но наряду с ними — четыре настоящих бронированных вагона с десятками амбразур. К таким не подойдешь близко даже под прикрытием огня.

Немцы присвоили ему имя своего фюрера. Надпись «Адольф Гитлер» крупными буквами повторялась несколько раз на паровозе и броне вагонов.

Гауляйтер Украины Эрих Кох поспешил доложить генеральному штабу, что участок дороги Нежин—Киев, охраняемый бронепоездом, носящим имя фюрера, стал безопасен для движения.

Николай Симоненко, конечно, ничего не мог знать о хвастливом заявлении гауляйтера. Но примириться с тем, что на территории, контролируемой его батальоном, спокойно гуляет какой-то «Адольф Гитлер», да еще обстреливает лес, конечно, не мог. Понимал он и другое: операция против бронепоезда сложная, требует тщательной разработки, продуманных действий. Когда Симоненко пришел ко мне с предложениями, план у него уже созрел. Начал Симоненко издалека.

— Беда, командир, с моими подрывниками.

— Жалуешься? — Я почувствовал в словах Симоненко иронию.

— Не знаю, что делать. Начисто лишились хлопцы сна.

— Что ты говоришь? Может, и аппетита тоже?

— Святая правда, как в воду смотришь.

— Я понимаю их, комбат. Думаю, что смогу даже назвать причину бессонницы.

— Назови, командир, будь доктором.

— Сдается мне, что беспокоит их некий «Адольф Гитлер». Надо признаться, мне самому он спать мешает.

— Похоже, ты прав. Раньше, когда его не было, хлопцы могли спать, хоть рядом оркестр из тысячи труб реви. А только он появился, все в них переменилось, стали нервными, беспокойными. Стоит бронепоезду выстрелить, тотчас вздрагивают, начинают ворочаться. Надо лечить ребят, и срочно.

— Надо,— согласился я.— У тебя, наверное, уже припасен способ лечения.

— В общих чертах, вот послушай.

Симоненко подробно изложил мне план предстоящей операции. Ничего особо сложного в нем не было. За основу брался проверенный метод. Правда, на этот раз в дополнение к нему комбат предлагал вырыть вдоль линии окопы, в которых могли бы прятаться подрывники и охранение. Я одобрил предложение.

Вечером на операцию вышел взвод Писоцкого, уси-

ленный тремя отделениями из роты Скотаря. Возглавил группу Симоненко и комиссар батальона Хахуда.

Подрывники Миша Иванов, Ваня Буранов и Гриша Сабанцев заложили под рельсы в трех местах по две спаренных пятидесятикилограммовых бомбы. Две «мины» должны были взорваться с помощью электродетонатора, третья — ударным устройством.

Разместились в заранее подготовленных окопах по обе стороны линии. Пути к отступлению в поле немцам были отрезаны. В окопах установили и две наших пушки на деревянных лафетах.

Долго, томительно тянулось ожидание. Взбадривая себя и друг друга, партизаны чехвостили «Гитлера». Одни утверждали, что он решил отказаться от ночных прогулок и преспокойно дрыхнет на бронированной постели. Другие считали, что такой последовательно педантичный фашист не может отказаться от какой-либо своей привычки и раз он не появляется, значит, его удерживают очень основательные причины...

Бронепоезд показался на рассвете. Шел он медленно, почти полз. Следом за платформами с песком впереди паровоза шла еще одна открытая, на которой стояло два пулемета. На краю ее сидел, свесив ноги, солдат и что-то старательно выводил на губной гармошке.

Три взрыва прозвучали одновременно. Паровоз и два бронированных вагона перевернулись и покатились под откос. Из двух уцелевших вагонов и с трех платформ немцы открыли бешеный огонь. В ответ им застрочили партизанские пулеметы. Следом вступила в действие наша артиллерия. Две окопавшиеся пушки били по фашистам бронебойными почти в упор. Это было для немцев полной неожиданностью. Решив, что окружены крупными силами красных и положение их безнадежно, они поспешили вывесить белый флаг.

Операция эта принесла нам богатые трофеи. Мы взяли около десятка станковых и ручных пулеметов, много автоматов, винтовок, большой запас патронов. И главное, наша артиллерия увеличилась еще на четыре ствола.

Когда Эриху Коху доложили, что «Адольф Гитлер», на которого возлагались большие надежды, прекратил свое существование, он вначале отказался верить известию. Потом его охватила ярость, быстро сменившаяся страхом. Как доложить Гитлеру о гибели его бронированного тезки? Суеверный фюрер найдет в этом дурное предзнаменование и наверняка попытается сорвать свою злость на гауляйтере.

Как всегда в таких случаях, Эрику Коху пришло на помощь испытанное средство — ложь. Было состряпано специальное донесение, согласно которому красные, узнав о появлении бронепоезда, выбросили под Нежин целый десантный полк, придав ему десятки бронебойных пушек. Окруженный десантниками «Адольф Гитлер» мужественно вел борьбу в течение двух суток. Когда у экипажа кончились боеприпасы, он взорвал бронепоезд вместе с собой, предпочтя мужественную смерть сдаче в плен.

Остатки поезда, кстати, и впрямь были взорваны. Эту операцию не спеша, со знанием дела выполнил Миша Иванов, после того как из вагонов вышла уцелевшая часть экипажа, «предпочтившего геройскую смерть».

Безусловно, фюрер ничего не узнал об этом. Кто угадает, может быть, в фальшивом рапорте гауляйтера он увидел предначертание своей будущей судьбы, в то время, конечно, казавшееся ему нереально далеким. У него еще были многочисленные армии. Что из того, что они «временно отступали, сокращая линию фронта»? Ведь они еще не были уничтожены, их можно было бросать в бой за свои бредовые идеи. Фюрер бросал, мобилизовывал новые силы. Мне думается, этот маньяк до последнего дня не хотел верить, что игра проиграна, и ушел только тогда, когда совершенно не оставалось никаких надежд. Пока в их власти посылать на смерть других, такие, как Гитлер, не кончают с собой.

О бесславном конце бронепоезда рассказала и партизанская газета, которую к тому времени мы начали выпускать в своей типографии. Сообщались в ней и сведения о событиях на фронте, о наступлении и приближении Красной Армии. Население Носовки, Нежина,

окрестных сел теперь регулярно получало правдивые сведения. Люди стали выше поднимать головы, почувствовали себя увереннее.

Наш отряд рос стремительно. Собственно говоря, его уже неправильно было называть отрядом. Мы превратились в партизанское соединение и соответственно переформировали батальоны в полки.

Все больше теперь заводила наша молодежь речь о мирной жизни, о будущем, чаще стали звучать беседы на научные, моральные, бытовые и другие невоенные темы.

Расскажу об одной из них, свидетелем которой я был и которая показалась мне довольно примечательной.

Был теплый июльский вечер. На поляне перед шалашами довольно тесным кругом сидела группа партизан. Особо азартно говорил Паша Жусубеков.

— Чего ж тут не понять?—горячился он.—Мне вот все ясно. Это как горы, понимаешь? Выйдешь в них, идешь-идешь, а там за горами еще горы. И нет конца им. Не ясно?

— Теоретически я, конечно, понимаю,— спокойно соглашался Хвостин, — а вот представить не могу. Как это так — бесконечно? Ведь всему где-то должен иметься предел.

— Должен иметься.— Михаил Иванович Марков улыбнулся в редкие усы.— Почему же, скажите на милость, должен? И что, по-вашему, должно быть за этим пределом?

— Конечно, — опять с жаром подхватил Жусубеков, — если б Вселенная имела конец, за ним еще что-то было бы. Значит, нет конца, понимаешь?

— Молодости свойственны порой слишком категорические суждения,— продолжал Михаил Иванович.— Это от желания разложить все по полочкам, иметь законченные представления о вещах. А законченных быть не может. Все представления относительны. Чем больше будешь узнавать, тем яснее станешь представлять, что тебе открывается лишь малая толика огромного многообразия мира.

— Нет, не так говоришь,— заторопился Жусубеков.— Вселенная бесконечна, так. А каждая вещь—это

просто вещь. У нее везде свой конец. Вот как у этого дерева.

— У дерева? — Марков снова улыбнулся.— Но ведь дерево это состоит из клеток. Клетки из молекул, молекулы из атомов, атомы из электронов.

— Да, об этом я читал,— согласился Хвостин.—Но электроны-то уж последняя часть, они-то дальше не делятся.

— Делятся. Последней части не может быть ни в бесконечности, ни в самом малом. Просто пока наука не нашла еще более мелких частиц. Но обязательно их найдет. И те, в свою очередь, будут делиться.

— Занятно получается,— вздохнул Первушкин.— Выходит, все вокруг связано, нет ничего отдельного.

— Конечно. И во Вселенной, и в природе, и в обществе все процессы взаимосвязаны и обусловлены, ничто не происходит само собой. В этом и заключается суть диалектики.

Интересный человек Михаил Иванович. Не голова, а настоящая энциклопедия. Недаром к нему, уже почти старому человеку, молодежь тянется. Очень много знает, умеет рассказать. Мне говорили, что он читал наизусть всего «Евгения Онегина», «Полтаву», массу стихов Лермонтова, сонетов Шекспира.

Однажды он декламировал стихи Гейне. Узнав, что Михаил Иванович читает немецкого поэта, Курт Кульке попросил его повторить. Тогда старик неожиданно для него заговорил по-немецки:

Вир воллен ауф эрде глюклих зайн,
Унд воллен нихт мер дарбен.
Дер химмель юберляссен вир
Ден энгельн унд ден шпатцен.

Услышав эти слова на родном языке, сдержанный, степенный Курт Кульке захлопал в ладоши и запрыгал, как ребенок. Любопытное наблюдение. Люди аккуратные, во всем придерживающиеся строгого порядка, часто склонны к весьма бурному проявлению чувств.

Помню, когда я отдал распоряжение, чтобы оружие содержалось в образцовом состоянии, кое у кого это вызвало недовольство. Боец Прищепа вслух возмущался:

— Делать нечего. Что мы, регулярная армия? Буду я им еще карабин драить. Стреляет — и ладно.

Случилось так, что его услыхал Кульке. Обычно невозмутимый, он взвился, словно его ужалила змея. Подскочил к Прищепе, лицо побагровело, весь дрожит, не кричит, а ревет.

— Дер тейфель! Кто ты есть? Фельдмаршал, министр? Как ты смеешь обсуждать приказ командир? Командир приказал чистить оружие. Чистый оружие — хороший оружие. Хороший оружие — победа. Понимаешь?

Эта неожиданная вспышка так перепугала Прищепу, что он, не думая больше бурчать, бросился драить свой карабин. Не чистить, а именно драить...

Видеть Кульке восторженно пляшущим после услышанного стиха было вдвойне забавно. И тоже радостно. Разве не подтверждало это ту простую истину, что в каждом человеке продолжает жить ребенок? И в неугомонном, озорном Володе Богданове, и в степенном Кульке.

И еще подумал я о том, насколько огромна сила искусства, как может воздействовать оно на человека.

Мы совсем почти отвыкли здесь от стихов, от музыки. Точнее, не отвыкли, а долго обходились без них. Но искусство ничуть не потеряло для нас своего значения, по-прежнему оно тянет нас. И будет, будет скоро время, когда мы, как в былые годы, с благоговением войдем в театральный зал и, словно чуда, будем ждать волшебного действа.

ПОРОШОК И КИНЖАЛ

Роман Труш хитро подмигнул и вытер вспотевшее лицо новеньким платком в голубую полоску. Оба жеста как-то не вязались один с другим. Где-то глубоко внутри меня шевельнулось неприязненное чувство. Я заставил себя подавить его. Передо мной стоял заместитель начальника

куликовской полиции, заявивший о желании сражаться на нашей стороне. Пришел он не с пустыми руками. Принес два автомата, ящик патронов и, что самое интересное, копию приказа майора Стесселя. Представительство солидное, даже слишком.

В приказе говорилось о направлении троих полицейских из Куликовки в распоряжение Киевского отделения абвера. Совершенно очевидно было, что немецкая военная разведка решила использовать их в качестве агентов. Возможно даже, для работы в советском тылу. Конечно же, отряд должен их обезвредить.

— Выходит, майор не отказался от планов подготовки шпионов. История с полицайшуле ничему его не научила.

— Майор — кадровый, профессиональный разведчик.— Труш доверительно улыбнулся.— Он скорее откажется от еды, чем от вербовки шпионов.

— Может быть. Хоть мне говорили, что за своим столом он следит весьма ревностно, принимает пищу всегда в одни и те же часы. Но дело не в том. Как вам удалось достать эту копию?

— Совершенно случайно. Я зашел в приемную в тот момент, когда машинистка оттуда вышла. Свежеотпечатанный в трех экземплярах приказ лежал на столе.

— Все же вы сильно рисковали. Копии должны были сразу хватиться. Вам могли не дать даже выйти из помещения.

— Я совершенно ничем не рисковал.— Труш улыбнулся и вытер лоб тем же платком.— Машинистка не такая дура, чтобы, обнаружив пропажу, поднять шум. Отвечать в первую очередь пришлось бы ей. Она наверняка поспешила отпечатать новый приказ.

— Логично,— согласился я.— А что вы скажете насчет полицейских, названных в приказе?

— Отпетые негодяи. Пожалуй, на этот раз майор не ошибся. Предварительно он заставил их пройти проверку. Все замешаны в расправах над мирными жителями. Для таких путей к отступлению нет.

— Они могут натворить новых бед. Мы не должны дать им ускользнуть.

— Это долг нашей совести.

Слова кольнули, все же принадлежали они замести-

телю начальника полиции. Снова поднялась неприязнь, я не удержался от замечания:

— Поздновато заговорили о совести. Где была она, когда вы надевали этот мундир?

Труш прямо посмотрел мне в глаза.

— Другой на моем месте причинил бы куда больше зла. Разве не так?

— Может быть,— сухо сказал я.— Перейдем, однако, к делу. Вы утверждаете, что полицейских еще не успели отправить в Киев.

— Ни в коем случае. Это сделают не раньше, чем завтра. Им нужно пройти немало формальных проверок. Немецкая педантичность.

— Так. Вы беретесь провести группу бойцов, чтобы схватить их?

— Вполне достаточно двух человек. Их нужно просто без шума убрать. Чего церемониться с палачами?

— Может быть. С вами пойдут четверо. И помните, они будут предупреждены. В случае малейшего недоразумения первая пуля — ваша.

— Я вас понимаю,— печально проговорил Труш.— На вашем месте вел бы себя точно так же.

— На мое место нельзя попасть через службу в полиции.

— Конечно. Разрешите действовать?

— Не разрешаю, а приказываю. Выполняйте.

Ночная операция прошла успешно. Труш оказался сообразительным и смелым человеком. Троих шпионов уничтожили, не подняв ни малейшего шума, благополучно вернулись в лагерь.

После этого Труш еще дважды ходил на диверсии. В обоих случаях поведение его было безукоризненным.

В то же время из Куликовки я получил сведения, что в ведомстве Стесселя поднялся сильный переполох. Будто бы пропала какая-то секретная бумага, майор свирепствует, арестовал машинистку.

Таким образом, все сказанное Романом Трушем подтвердилось. Более того, вопреки его словам получалось, что действовал он с риском.

Трушу доверили командовать отделением. Я в ду-

ше корил себя за беспричинную антипатию к человеку, оказавшемуся для нас таким полезным.

Теперь о деде Ющенко.

Дед не отличался прихотливостью. Босоногий, в старых заплатанных штанах, простой холщовой рубахе, бродил он от села к селу, питаясь тем, что подадут люди, и ночуя, где заставала темнота. Ни немцы, ни полиция не обращали на старика никакого внимания, мало ли бродит по дорогам убогих.

Между тем этот дед был одним из лучших наших разведчиков. Мысль использовать его для сбора информации появилась у Ткаченко. Он провел с Ющенко детальный инструктаж. За несколько месяцев старик передал отряду много ценных сведений. Чаще всего именно от него узнавали мы о том, где скапливаются, куда направляются подразделения противника, и, благодаря этому, успевали предупреждать готовящийся удар.

В один из августовских дней Ющенко рассказал Ткаченко, что в Мрине прячутся у людей пятеро каких-то подозрительных личностей, просят переправить их в отряд «За Родину!».

— Видать, из полицейских, морды больно откормлены,— заключил дед свое донесение.— Может, привести их?

— Пожалуй,— согласился Ткаченко.— Здесь будет проще разобраться, кто они и что им надо.

— Так я сбегаю. К вечеру, глядишь, обернусь.

— Нет, не надо. Вдруг они специально подосланы, еще рассекретим тебя. На этот случай найдем другого посыльного.

— И то верно. С конспирацией надо строго.

Услышанное сравнительно недавно слово «конспирация» понравилось старику, и он любит повторять его где только можно.

Дед Ющенко определил точно: пятеро человек, пожелавших пополнить соединение, имели вполне цветущий вид. Сразу становилось ясно, что длительное время они не испытывали никаких затруднений с питанием.

Пришедшие не думали запираться. Да, работали в полиции. Но вреда людям не делали. Сейчас хотят честно искупить свою вину.

— Долго вы чухались, прежде чем прийти,— сказал Ткаченко.—Скоро Красная Армия здесь будет.

— Другого выхода у нас не было. Да лучше поздно прозреть, чем всю жизнь с завязанными глазами жить.

— Сдайте оружие и личные вещи. Таков у нас порядок. Потом решим, кого в какой взвод направить.

Полицейские сдали винтовки, пистолеты, обоймы с патронами. Из карманов вытащили фонарики, зажигалки, кисеты, бумагу для самокруток и носовые платки. Последние по меньшей мере выглядели странно. Платки были все одинаковые — новенькие, в голубенькую полоску. В полицейскую униформу они не входили.

Ткаченко уже где-то видел подобные платки.

«Но где? — Александр Андреевич силился вспомнить.— Кажется, совсем недавно. Не просто платок, а точно такой же, в полосочку. У Романа Труша? Ну, конечно же, у него. А ведь они из разных мест. Странно. Что, если у этих платков специальное назначение?»

Ткаченко провел пальцами по подрубленному краю одного из платков. В углу нащупал выпуклость. Пригляделся — мелко вышитый номер. На другом тоже— только цифры иные. Все пять платков были пронумерованными. Теперь важно было сразу нанести удар, застать врасплох.

— Вы как раз те люди, которых мы ждали, Труш предупредил, — уверенно проговорил Ткаченко. — У него тоже такой платок. Какое задание дали вам немцы?

Все пятеро побледнели.

— Но мы не получали никакого задания,— запинаясь, проговорил один, самый молодой на вид.

— У меня нет времени играть в прятки! — Александр Андреевич говорил жестко, веско.— Будете молчать, церемониться не станем. Для того чтобы вздернуть вас, оснований и без того достаточно.

— Но честное слово,— молодой полицейский всхлипнул,— у нас не было никакого задания...

— Только в общих чертах,— перебил его второй.— Мы должны были уговаривать вас сложить оружие, вернуться по домам. Главное задание должен был нам передать человек с таким же платком.

— Труш?
— Может быть, мы не знаем такого.
Ткаченко немного подумал и решил, что так и есть. Эти люди не способны на решительные самостоятельные действия, слишком они трусливы. Скорее всего, немцы решили их использовать как орудие в руках опытного агента.
— Какой номер у платка того человека? — спросил он.
— Тринадцатый,— с готовностью в один голос ответили два полицая.
— Вы нас не расстреляете? — робко спросил молоденький.
— Не знаю, это суд решит. Одно могу сказать: что бы ни решил он — плохо ты начал, парень. Если будешь жить, много придется потрудиться, чтобы стать человеком.
Пятерых шпионов связали, увели. Ткаченко тут же сообщил о них мне. Я послал ординарца за Трушем. Того не оказалось, был на задании.
— Ловко замаскировался!—сказал Ткаченко.—Не сомневаюсь, что задание опять выполнит. Если же вникнуть в суть — взорвет какой-нибудь мостик на проселке, который уже для немцев не имеет значения.
— Да, хорош фрукт. У меня ведь сразу к нему неприязнь возникла. Вот и не верь интуиции.
— Он же полицейских по нашему заданию ликвидировал! — воскликнул Ткаченко.— Помните, трех шпионов?
— Скорее всего, маскировка, чтобы войти в доверие. Таким прихлопнуть своего ничего не стоит. Да и что значат для немцев несколько каких-то полицаев?
— Но ведь Труш не немец.
— В этом мы и разберемся.
Труш вернулся лишь к утру.
— Строй отделение! — сказал ему Ткаченко.
— Что за спешка? Дали б сначала отдохнуть человеку.
— Знаю, что был на задании, устал. Успеешь отоспаться. Идет общая проверка оружия, приказ командира.

— Ну, раз приказ...— Труш развел руками.

Автомат ему Ткаченко не вернул.

— Идем к командиру,— кивнул головой в сторону,— будет с тобой говорить.

В шалаше вместе со мной сидели Музыченко и Шевырев.

Труш вошел уверенно и бесцеремонно сел на перевернутый ящик.

— Садиться вас не приглашали! — тихо сказал Музыченко.— Встаньте!

— Вам хорошо говорить, а я целую ночь по болотам ползал.— Труш пытался и дальше изображать капризное недовольство.

— Расскажете, когда придет очередь, и о том, где вы ползали,— строго сказал я.— Разрешите ваш платок.

В глазах Труша мелькнула тревога.

— Какой?

— Носовой, тот, что у вас в кармане.

— Но я не понимаю, зачем?

— Дайте платок, сейчас поймете.

Труш достал скомканный комочек материи. Ткаченко взял его, осмотрел.

— Так и есть,— сказал он,— номер тринадцатый.

— Итак, ваше имя, отчество и фамилия? — начал я допрос.

— Вы же знаете.

— Отвечайте на вопрос.

— Труш Роман Данилович.

— Допустим. Какое задание вам дал майор Стессель?

— Никакого, уверяю вас. Произошло недоразумение.

— Не валяйте дурака, Труш. Агенты, посланные вам в подчинение, задержаны и разоблачены нами. У каждого из них имелись такие платки. Хотите очную ставку?

— Вы можете звать кого угодно! — Труш пожал плечами.

Я позвал ординарца.

— Пусть приведут задержанных полицейских,— сказал, когда он появился.

Алеша Рог повернулся.

— Подождите,— остановил его Труш,— пожалуй, мы можем обойтись и без свидетелей.— Очевидно, у него появилась какая-то новая мысль.

Я отменил распоряжение.

— Слушаем вас.

— Что ж, ваша взяла,— произнес Труш со вздохом.— Не нужно было полагаться на этих ослов.

— Ваше настоящее имя?

— Ланддорф, Вернер Ланддорф.

— Надеюсь, не служащий полиции?

— Ну разумеется. Я агент абвера.

— С какой целью вы появились в отряде?

— Как вам сказать... целей много...

— Рассказывайте обо всех.

— Может, лучше лишь о главных?

— И о главных и о второстепенных,— сказал я,— у нас хватит терпения выслушать все. Конечно, вы получили задание разведать нашу численность, расположение, маршруты передвижения?

— Нет, как раз не это, для таких незначительных целей меня не использовали бы. Майору хорошо известно и то, что в соединении сейчас около четырех тысяч, знает он и точное место базирования вашего лагеря. Все эти данные нам сейчас бесполезны.

— Почему? — вырвалось у меня несколько более заинтересованно, чем мне хотелось бы.

Труш заметил это.

— Ставка в нашей беседе крупная.— Ланддорф улыбнулся кисло, словно сморщился.— Жизнь. При такой игре нужно быть откровенным до конца.

— Откровенным — это верно.— Музыченко говорил все так же тихо, но от этого каждое слово казалось лишь значительней.— Однако вы ошибаетесь, с вами не играют.

— Все мы в какой-то степени играем. И у всех в игре один финиш — небытие. Не нужно обманывать себя...

— Переходите ближе к делу,— прервал я философствование шпиона.

— Хорошо. Сведения об отряде нам не нужны потому, что у нас уже практически не хватает сил высту-

пить против вас. Все забирает фронт. Потому единственная возможность бороться с вами — взорвать отряд изнутри, разложить, обезглавить. Для этого и прислали меня сюда.

— Какими же методами вы собирались действовать?

— Разнообразными. У меня богатый арсенал. Одна из задач состояла в том, чтобы убить вас.

Последние слова заставили меня пристально посмотреть на допрашиваемого.

— Однако вы действительно откровенны до цинизма,— сказал я.

— В моем положении нельзя иначе.

— Что еще вы собирались делать?

— После вашей гибели начался бы спор за главенство. В мои задачи входило разжечь его.

— Вы ошибаетесь,— сказал я холодно.— Моя гибель ничего не значила бы. Меня просто заменил бы другой. Без всяких споров. И отряд не стал бы слабее.

— Все зависит от того, как повернуть дело.

— Оно поставлено так, что повернуть его уже никто и ничто не в силах.

При всем своем шпионском опыте этот человек действительно ошибался.

— Случай отдал меня в ваши руки,— продолжал Ланддорф. — Моя карта бита. Тем не менее я хочу жить. Вы понимаете это?

— Понимаю, но не могу вам ничего гарантировать.

— О, я не прошу подачек! Я предлагаю обмен.

— Какой?

— Мою жизнь на вашу.

— На мою?

— Да, да, именно на вашу. Она находится в непрестанной опасности. Раз майор Стессель собрался вас убрать, он обязательно добьется своего. Вы не знаете майора, я знаю.

— И вы собираетесь меня защитить?

— Не защитить — спасти. Единственным возможным способом.

— Каким?

— Если вы меня отпустите, я убью майора.

— Мы вас не отпустим.

— В таком случае майор убьет вас. Здесь я ничем не смогу помочь.

— Я тоже. Считаю, что вас надо немедленно расстрелять.

— Это будет глупостью. Я профессиональный разведчик, меня выгоднее использовать.

— Может быть, если бы вы имели дело с профессионалами, они и вошли бы с вами в соглашение.—Музыченко встал.— Но мы не такие. Партизан — это не профессия. Вы вынудили нас уйти в лес, ворвавшись с оружием на нашу землю, в наш дом. Но мы не смирились, мы отстоим свою землю, защитим свой дом. С такими, как вы, у нас не может быть никаких сговоров, и вы не можете ждать от нас пощады. Вы получите свое. Стессель тоже от своего никуда не уйдет.

Ланддорф побледнел.

— Скажите, — спросил я, — ведь вы действительно в первом задании убили троих человек? Кем они были?

— О них не стоит говорить. Обжоры и жалкие трусы, ни на что не годный материал.

Ланддорфа увели.

Слова его оказались не пустой угрозой. Очень скоро я убедился в этом.

Гитлеровцы изменили тактику борьбы с нами. Теперь они взяли на вооружение метод провокаций и диверсий.

Вскоре после расстрела Труша-Ланддорфа ко мне привели пожилого человека в штатской одежде, назвавшегося Костюком. Придя к нам, он сразу сознался, что служил в частях власовской РОА и прислан для того, чтобы разложить отряд изнутри, вербовать партизан для перехода на сторону немцев.

— Они не хотят признать, что провалились, что уже ничего из их затеи не выйдет, — сказал Костюк. — Сейчас ни один человек не перейдет на их сторону, это и ребенку понятно.

— Да, фашистский корабль тонет, и крысы с него бегут,— сказал я.— Однако же вы согласились выполнить задание.

— Только до первого партизанского поста. Разве у меня был другой выход?

— Был.
— Какой?
— Прежде чем очутиться в РОА, вы носили форму бойца Красной Армии.
Я вспомнил, как, раненный, я пытался немецкими тылами пробраться к линии фронта, как ни за что ни про что чуть было не угодил под расстрел, как отлеживался в зловонном болоте, и совершенно невольно почувствовал прилив злости к человеку, так легко заявляющему, что у него не было выхода.
— Был выход, Костюк,— повторил я.— Он всегда есть, у каждого. Только одни его ищут, другие плывут по течению, выбирают дорожку полегче, побезопаснее.
— Не один я ошибся.
— За ошибки не судят. Судят за преступления. Вас будут судить, Костюк.
— Но ведь я добровольно пришел. Вы же сами в листовках призываете переходить на вашу сторону.
— Раньше, раньше надо было думать. Не сейчас, когда действительно нет другого выхода. Легкого выхода. Кто вас послал?
— Винцерский. Он служит у нас и одновременно в гестапо.
— Много у него таких, как вы?
— Не знаю. Задание он давал мне с глазу на глаз, не указал никаких связей.
— Ясно. Если вы вернетесь, расскажете ему, что вам удалось проникнуть в отряд, надежно укрепиться, что здесь найдется место и для него, он последует за вами?
— Не знаю. Наверное.
— Не знаете или наверное?
— Наверное. Думаю, что да.
— Тогда идите и приведите мне этого вашего Винцерского.
— Вы так меня отпускаете?
— А как тебя, с музыкой провожать?
— Но ведь я могу не выполнить обещания, удрать? — Костюк явно растерялся.
— Никуда тебе не удрать, Костюк. Единственный твой шанс делать так, как тебе говорят.

Через два дня он действительно пришел в наш лагерь вместе со своим шефом. Винцерский оказался невысоким худощавым мужчиной с острыми чертами лица.

— Я хочу бороться с фашистами,— заявил он, едва его привели ко мне, — я никогда не был их сторонником.

— Что же вы делали во власовской армии?

— Я попал туда вынужденно. Но я никогда не поднимал оружия против своего народа.

— У нас есть другие сведения. Они утверждают, что последнее время вы занимались посылкой провокаторов и убийц в партизанские отряды.

— Клевета.

— Это мы проверим.

Разоблачить Винцерского не составляло труда. Кроме показания Костюка, его изобличило удостоверение агента немецкой разведки, вшитое в подкладку пиджака. Поняв, что попал в ловушку, этот человек стал плакать, падал на колени...

Валентина Кравец добралась до Нежина вполне благополучно. Удостоверение переводчицы черниговской жандармерии послужило ей надежным пропуском. Правда, ехать поездом было небезопасно. Поезда далеко не регулярно доходили по назначению — партизаны установили свою пропускную систему. Но выбора у Валентины не было — она очень спешила.

Сидя в купе, она представляла, как недоумевает сейчас подполковник Штейнбах. Не застав ее в положенное время на рабочем месте, он наверняка послал за нею кого-нибудь из солдат.

«Интересно, что он решил, узнав, что меня и дома нету? — думала Валентина.— Может быть, записал в список жертв «красных бандитов»? А может, догадался и сообщил на дорогу мои приметы? — Она поежилась.— Нет, вряд ли. Он слишком самоуверен, кичится своим умением подбирать людей. К тому же в поезде была бы проверка, меня задержали бы».

Тут Валентина увидела, как по вагону идет унтер-

офицер с двумя солдатами и спрашивает у всех документы. Она закрыла на минуту глаза, прижалась к жесткой спинке сиденья.

«Спокойно,— мысленно приказала себе,— это ведь ничего еще не значит, обычный контроль».

Она достала из сумочки удостоверение и протянула унтер-офицеру. Немец прочитал, посмотрел на Валентину с интересом.

— Здесь написано, что вы работаете в Чернигове, — сказал он.— Зачем вы едете в Нежин?

— Специальное поручение шефа, подполковника Штейнбаха, — ответила она, стараясь казаться спокойной.— Здесь не совсем удобно говорить.

— Хорошо, хорошо.— Унтер улыбнулся, вернул удостоверение.— Меня совершенно не интересует ваше поручение. Я только хотел предупредить, что такой симпатичной девушке небезопасно ездить без провожатого.

Захохотав, он двинулся дальше.

«Пронесло! — облегченно вздохнула Валентина и почувствовала, как лицо ее покрылось жарким румянцем.— Он просто решил полюбезничать. Сама себе придумываю страхи. Хотя с такими, как они, не захочешь — станешь трусихой».

Валентина вспомнила вчерашний разговор у Штейнбаха. Когда подполковник пригласил ее, в кабинете у него сидели франтоватый майор с седыми висками и средних лет очень худая женщина.

— Можете быть спокойны, майор,— говорил подполковник,— это именно то, что вам требуется. Моя школа. И ценно, что никто в наших местах милую фрау не знает.

Штейнбах и незнакомый майор, как Валентина вскоре узнала из обращения подполковника, господин Стессель, говорили по очереди. Валентина переводила. Женщина, носившая необычную фамилию Книга, молча кивала, изредка задавая короткие вопросы.

Книге поручалось прийти в партизанский отряд «За Родину!», действовавший где-то в Нежинских лесах, получить доступ к кухне и отравить командный состав. В случае успеха ей обещали пять тысяч долларов и беспрепятственный выезд в Швейцарию.

Для осуществления этого плана женщине передали ампулу с цианистым калием. По этому поводу у абверцев возник небольшой спор. На своем языке они говорили свободно, совершенно не обращая внимания на переводчицу.

— Лучше действовать местными средствами,— сказал подполковник. — Ядовитые грибы, такие, как, например, бледные поганки, действуют также безотказно. Их не надо нести с собой, они всегда на месте. Таким образом исключается опасность обыска.

— Она и так исключена,— возразил майор.— Люди ежедневно приходят к партизанам десятками. У них просто не хватает времени всех обыскивать. К тому же эти славянские желудки...

— Вы боитесь, что славянские желудки переварят ядовитые грибы?

— Вот именно. Учитываю и такую возможность. Цианистый калий надежнее.

— Не забывайте, майор, он действует мгновенно. Тут же начнут искать виновного. Мы потеряем хорошего агента.

— Пустяки, найдем десяток других. Если партизаны с нею расправятся, мы сэкономим немало долларов — весь обещанный гонорар.

Книге Штейнбах объяснил, что яд начинает действовать только через двенадцать часов, поэтому у нее будет достаточно времени уйти.

Сначала Валентина решила поговорить с Книгой наедине, рассказать ей правду о том, что ее посылают на смерть. Ей казалось, что таким образом можно будет спасти отряд. Но когда майор откланялся, Книга ушла вместе с ним. Тогда у Валентины созрел новый план.

— Я вам сегодня больше не нужна, господин подполковник? — спросила она.— Дело в том, что у меня дома стирка.

— Ваш рабочий день кончился,— сухо сказал Штейнбах, посмотрев на часы.— Если вы понадобитесь, за вами пришлют.

— Спасибо, господин подполковник.

С работы Валентина не пошла прямо домой, а свернула в переулок, где жил ее школьный товарищ Миша

Гарбуз. Миша был озорным, смелым парнем, таких называют сорвиголовами. Валентина была почти уверена, что Гарбуз найдет выход. Она даже подозревала, что он связан с подпольщиками. Ведь недаром же он часто, как бы невзначай расспрашивал о том, что делается у подполковника.

Однако ее ждало разочарование. Дверь открыла мать Миши.

— Его нет,— сказала она,— уехал к бабушке в Киев.

Так ни с чем девушка вернулась домой. Заснуть не могла, долго лежала с открытыми глазами и перебирала в уме все возможные варианты спасения отряда от опасной диверсии. Осуществимым представлялся только один.

С рассветом она поднялась, быстро оделась, перекусила и направилась к вокзалу, где села на утренний поезд.

В Нежине девушка задерживаться не стала. У нее не было здесь знакомых, она не знала, где точно искать партизан. И потому просто пошла в лес.

Дорогой ей встретилась подвода, на которой ехало пятеро полицаев. Полицаи остановили Валентину.

— Ты кто такая? — строго спросил молодой быстроглазый полицай со свежим шрамом на щеке.

— Никто, человек.

— А идешь куда?

— По делу.

— По делу, слышите, ребята? — Полицай со шрамом весело подмигнул. — Документов, конечно, нет.

— Есть,— Валентина достала удостоверение.

— Тю-тю...— Взявший его полицай сдвинул на затылок пилотку. — Госпожа из черниговской жандармерии. Вот так здорово! Нас как раз вас встретить послали.

— Меня никто не должен был встречать,— удивленно сказала Валентина.

— Ну как же,— молодой полицай широко ухмыльнулся,— это вы так считаете. А нас специально предупредили.

— Этого не может быть.

— Нам лучше знать. Вы садитесь.— Молодой полицай подвинулся, освобождая место.

— Нет-нет, вы ошиблись.

— Ошибки не может быть. Мы ждем.

Валентина стояла в нерешительности.

— Вам помочь? — В голосе молодого полицая слышалась откровенная насмешка.

— Да что ты с ней миндальничаешь, Володька! — сказал ему товарищ. — А ну ты, кукла, быстро залазь на воз!

— Вы забываетесь,— Валентина вспыхнула,— у меня задание подполковника Штейнбаха.

— Ого-го! — Молодой полицай снова насмешливо сощурился. — Какое ж у мадам задание?

— Я не могу говорить, вы понимаете?

— Залазь на воз, тебе говорят! — рявкнул строгий полицай.— Приедем в комендатуру, там все расскажешь.

— Ничего не можем поделать, мадам,— не переставая улыбаться, сказал молодой,— у нас такой порядок.

Валентине пришлось покориться. К ее удивлению, подвода повернула назад и поехала к лесу.

— Куда вы меня везете? — встревоженно спросила она.

— Не стоит волноваться, мадам,— прозвучал в ответ спокойный насмешливый голос.— Вы все узнаете в свое время.

Полицаи свернули с дороги и ехали теперь прямо по лесу. Только тут у Валентины шевельнулась догадка, что она имеет дело не с обычными полицейскими.

— Скажите, а вы не партизаны? — спросила она и почувствовала, как часто-часто застучало сердце.

— Вы угадали, мадам,— ответил полицай со шрамом.— Разрешите представиться, так сказать, официально. Командир взвода Владимир Богданов. Это мои товарищи.

— Чего же вы раньше молчали!

К удивлению, партизаны услышали в голосе задержанной переводчицы откровенную радость.

— Вы нас не спрашивали...— пожал плечами Бог-

данов.— Сами мы как-то не догадались сразу. Ничего не поделаешь, живем в лесу, зачерствели.

— Ладно, не в этом дело. Везите меня скорей к вашему командиру.

— Так уж и скорей? — Богданов продолжал придерживаться иронического тона.— Может, сообщите хотя бы, какое у вас к нему дело?

— Самое срочное.

— Понимаю, подполковник Штейнбах...

— Ну да, подполковник. Вы понимаете, что вашему командиру грозит смертельная опасность? — Валентина почти кричала.

— Какая?

— А такая, что подполковник решил его отравить, послал специального человека.

— Откуда ты знаешь?

— Своими ушами слышала. Я у него переводчицей работала.

Раздался свист, подвода загрохотала, подпрыгивая на кочках.

Признаюсь, мне трудно было поверить рассказу Валентины Кравец, не мог я представить себе человека, который кого-то пытается отравить. Слишком несовременными, иезуитски-средневековыми казались подобные методы. Но передо мной стояла живая свидетельница.

Стессель не терял времени. Книга была уже в отряде. Валентина сразу указала на нее издали. Женщина беседовала с моим ординарцем.

— Новая знакомая? — спросил я у Алеши, подойдя.— Раньше я что-то ее не видел.

— Да, новая, — радостно улыбнулся Алеша. — Все интересуется, что вы есть любите. Говорит, раньше в ресторане поваром работала.

— Вот как? Очень нужная специальность в нашем отряде. Идемте вдвоем ко мне.

— Так... — сказал я, когда мы уселись в моем шалаше. Значит, вы твердо решили меня отравить?

Она вскрикнула:

— Неправда!

— Это мы легко проверим. Скажи, Алексей, чтобы привели гражданку Кравец.

Книге было достаточно одного взгляда на Валентину, чтобы понять всю безнадежность запирательства. Она закрыла лицо руками.

Две женщины сидели передо мною. Обе совершенно незнакомые. Ни одной из них я не сделал ни хорошего, ни плохого. Одна пришла ко мне с ядовитым порошком, чтобы лишить меня жизни. Ни за какие обиды — просто за пять тысяч долларов. Другая, рискуя жизнью, пришла, чтобы не дать свершиться преступлению. Не искала в этом никаких личных выгод, просто так велела ей совесть.

— Я ведь ничего не сделала, — всхлипнув, произнесла Книга,— меня заставили.

— Вы могли сразу заявить об этом.

— Я боялась.

— А держать при себе яд вы не боялись? Дайте его сюда.

Книга достала из обшлага рукава маленькую ампулу.

В дверях показалась голова радиста.

— Командиру радиограмма из Москвы.

— Положи сюда! Я прочту позднее.

— Передают, что очень важно.

— Хорошо.

Я распорядился, чтобы Книгу увели, и принялся изучать текст.

Через полчаса в моем шалаше собралось все руководство отряда, начиная от командиров батальонов.

— Товарищи,— торжественно сказал я.— Верховное командование поручило нам ответственную задачу. Мы должны наладить переправы через реки Десну, Припять и Днепр и удерживать их до подхода регулярных частей наших войск.

Взволнованный гул был ответом на эти слова.

— С рассветом снимаемся с места и идем к Десне,— продолжал я.— Всем службам подготовиться к походу. Задача ясна?

В ответ грянуло:

— Ура!

— Тогда у меня все, товарищи,— сказал я,— вы свободны.

— Что делать с этой отравительницей? — спросил меня Алеша Рог, когда командиры и начальники служб вышли.

— Судить, как судят всех предателей. Лично мне до нее нет дела.

Неудавшаяся попытка отравления больше не волновала меня. Мы со Стесселем решали совершенно разные стратегические задачи.

ПЕРЕПРАВА

Далеко, почти на два километра, растянулась походная колонна. В авангарде кавалерийский эскадрон, за ним пешие ряды. Обмундирование у людей разное, оружие тоже. Но вооружены теперь все шесть тысяч. Поблескивают на солнце стволы наших пушек, скрипят колеса повозок, похрапывают кони, гудят моторы автомобилей — они тоже появились в нашем хозяйстве.

— Песню надо, Иван Михайлович!

— Пожалуй, — соглашаюсь я и поворачиваюсь к Шевыреву: — Давай, Саша.

Шевырев скачет к командиру первого взвода, что-то говорит ему, склонившись в седле. И вот я уже слышу, как из первых рядов несется:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Сзади подхватывают:

Чтобы с боя взять Приморье —
Белой армии оплот...

Все новые и новые голоса присоединяются к поющим. Дорога гремит:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.

Изменилось время, изменилось соотношение сил. Теперь мы идем открыто, и, заслышав нашу партизанскую песню, сворачивают в сторону немецкие отряды, спешат унести ноги полицаи.

По Десне пароход тащил вниз четыре грузовых баржи.

— Вот и переправа,— весело говорит мне Шевырев,— сама к нам едет.

Двух выстрелов из пушки оказалось достаточно, чтобы вся эта флотилия капитулировала.

Переправляемся без всяких препятствий, можно даже сказать, с комфортом. Ночуем в Сукачах, здесь у наших бойцов много знакомых, здесь мы выступали с концертом. Снова до самой полуночи лились над селом песни:

...И врага ненавистного крепче бьет паренек...

С утра на марше. Идем дальше, к Днепру. Через Десну переправа обеспечена, Десна, можно считать, наша. На Днепре будет потяжелее. Правый берег усиленно обороняется фашистами. Они поклялись фюреру — эту клятву полки читали хором — не пустить советские войска за Днепр.

Дорогой нас настигает радостная весть: Нежин взят нашими! Вновь свободен район, где мы провели, хоронясь в лесах, в подполье, два нелегких года. Люди радуются, как на большом празднике, у многих там семьи.

Бойцы получили задание готовить плавучие средства. Мобилизованы все найденные в селе лодки. Среди них несколько «дубков» — лодок довольно вместительных. Этого, конечно, мало. Поэтому вовсю идет сооружение плотов.

Стук топоров, звон пил не смолкают и после наступления темноты.

— К вам гость, товарищ командир.— Голос Алеши Рога звучит необычно взволнованно. Он пропускает в дверь невысокого крепкого бойца в накинутой поверх мундира плащ-палатке.

Пришедший вытягивается по стойке «смирно», подносит руку к каске, говорит, как чеканит:

— Товарищ командир партизанского соединения!

Докладывает командир разведотделения гвардии старшина Иванов. Отделение прибыло в распоряжение соединения для установления связи.

Я поднимаюсь, делаю шаг вперед. Вот оно, одно из счастливейших мгновений нашей жизни. Мы не согнулись, мы выстояли, мы дождались своих. И мы можем смело смотреть им в лицо, потому что мы не отсиживались, а тоже сражались. И сейчас мы готовим для них переправу. С нашей помощью они форсируют могучую реку. И двинутся дальше на запад, погонят фашистскую нечисть. Мы пойдем вместе с ними.

Старшина стоял, все также держа руку у каски.

— Вольно! — скомандовал я, спохватившись, и пояснил: — Извините, я и забыл, что сейчас не в рядах регулярных войск. Но мы так долго ждали этой встречи...

— Понимаю. — Разведчик широко, добродушно улыбнулся.— Я тоже ждал. Кое-что связано у меня с этими местами, надо фрицам должок отдать.

— Кому?

— Фрицам. У нас немцев так называют, нешто не слышали?

— Нет, здесь их называли иначе.

— У вас тут, я вижу, порядок,— сказал старшина.— Идем, идем, территория вроде еще за фрицем считается, а фрицев нету. Вышибли, стало быть?

— Отсюда вышибли. Они сейчас за Днепром силы копят.

— Пусть копят. За Доном тоже копили.

— Да, теперь, видно, будем гнать их уже без остановок до самого Берлина. Как наши, далеко отсюда?

— Сутки перехода.

— Что ж, гвардии старшина, значит, надо скорее готовить переправу. Вместе двинем вперед.

Я вызвал начальника разведвзвода второго полка Федора Климюка.

— Пойдешь на ту сторону, переправишься вот здесь,— кончик карандаша ткнулся в то место карты, где Припять впадала в Днепр.— Разведаешь оборону противника в этом районе,— мой карандаш очертил треугольник, охватывающий села Домантово, Купова-

тое и город Чернобыль.— Задание срочное — на все даются сутки.

В вечерних сумерках четверо разведчиков долго рассматривали в бинокль противоположный берег.

— Не похоже, что у них там линия обороны,— сказал Сергей Матеюк.

— Как же, так они и выставят ее тебе напоказ,— усмехнулся Анатолий Петрак.

— Переплывем, узнаем,— сказал Климюк.— Только и вправду признаков жизни там не наблюдается.

Когда стемнело, разведчики спустили на воду челн. Управлять им без всякой сноровки оказалось нелегко. Вертлявая посудина все время норовила плыть туда, куда хотелось ей, а не гребцам. Мешали волны, ветер. К тому же вскоре обнаружилось, что челн изрядно протекает. Матеюк правил, трое остальных чем могли вычерпывали воду. Вот уж совсем близко берег. Лишь здесь Климюк бросил черпак и взялся за автомат.

На берегу тихо, пустынно. Ветер жалобно свистит в пружинящих, гибких ветках лозняка, да монотонно накрапывает мелкий частый дождик.

— Погода не для прогулок, ребята...— прошептал Матеюк.

— Помолчал бы,— оборвал Климюк.

Он с силой нагнул борт челнока, вода пошла через верх, и под ее тяжестью посудина послушно легла на дно. Климюк привязал веревку к выступавшему из песка корню, надломил вверху для приметы ветку.

Густой кустарник сменился редким сосняком. Нигде ни голоса, ни звука. Разведчики шли в полный рост, не скрываясь.

— Вот так оборона, — не выдержал Матеюк, — хвастали всё.

— Не кажи гоп, пока не перепрыгнул! — Климюку явно не нравилось легкомысленное настроение бойца.

Из темноты выступило что-то высокое, серое. Подошли ближе — телеграфный столб.

— Дорога,— сказал Климюк.— Здесь не мешает подождать.

Разведчики спрятались в кустах. С полчаса ничто не нарушало тишины. Потом послышался рокот мото-

ра. Промчался бронетранспортер с притушенными фарами. Он был полон немецких солдат.

— А ты говорил, никакой обороны.— Климюк с укоризной глянул на Матеюка.— Видишь, даже ночью им не спится. Нет, нелегко будет нам здесь, чует сердце.

К рассвету вышли к Куповатому. Неожиданно в лесу увидели движущуюся фигуру. Подошли ближе. Между деревьев неторопливо бродил старик, держа в руках лукошко с грибами. Появление разведчиков скорее удивило, чем напугало его.

— Откуда вы, папаша? — добродушно спросил Климюк.

— Из Домантова.

— И сюда забрели?

— Да места здесь для гриба получше.

— Как там у вас, немцы есть?

— Нет. Полицаев примерно с сотню стоит. А немца ни одного.

— В Куповатом не были, не знаете как?

— И быть бывал, и знаю. Там сейчас вообще никого. Ни немцев, ни полиции.

— Выходит, у вас здесь спокойно.

— Да как вам сказать... Немцев вроде и нет. Только машины с ними кажинный день ездют.

— Спасибо, отец. Удачной тебе грибной охоты.

— И вам того же, удачи.

— Вроде все ясно,— сказал Петрак, когда разведчики остались одни.

— Подожди,— не согласился Климюк,— надо еще проверить.

Вскоре они встретили двух жителей Куповатого. Те подтвердили сведения, сообщенные дедом.

— Вот теперь действительно ясно,— заключил Климюк.

На окраине Чернобыля встретили подводу. На ней сидели пожилые мужчина и женщина. Они рассказывали, что ездили в райцентр, в больницу. Немцев там нет. Зато полицаев много. Но они уже не те, исчезла прежняя наглость, самодовольство.

Можно было возвращаться. На подходе к Днепру разведчики явственно услышали немецкую речь. Под-

ползли ближе, залегли в кустарнике. Над обрывистым откосом стоял бронетранспортер. Рядом с ним и чуть поодаль возились немцы.

— Вот она, линия обороны,— прошептал Климюк.

— Похоже, что только начинают ее строить,— заметил Матеюк.— Меня вот еще что беспокоит: как мы теперь к челну доберемся?

— Надо ждать темноты.

— Не заметили б его раньше.

С наступлением темноты, однако, события приняли счастливый для разведчиков оборот — немцы сели в бронетранспортер и укатили.

Через час Климюк докладывал мне о положении дел на правом берегу. Вывод можно было сделать один: немедленно переправляться, не дав возможности противнику как следует укрепиться.

Ночь была ненастная, сырая, темная. Такая для переправы только удобнее. Поползли с берега в холодную воду плоты, легкие челноки и тяжелые дубы, отплывали метров на десять и таяли в темноте. За шумом ветра и волн не слышно было всплеска весел.

Время шло, на противоположном берегу было тихо.

На рассвете выше по течению, там, где переправился полк Шевырева, стали рваться бомбы.

Вскоре самолеты появились и над нами. С воем они проносились совсем низко над берегом, оставляя за собой огненные фонтаны. На противоположной стороне затрещали пули. Началось.

Взвод Андрея Кобы занял оборону на берегу возле самой переправы. За ночь бойцы успели окопаться, прорыли от траншеи ход к реке. Позиция казалась удобной. Слева нас «защищало» болото, справа было ровное, открытое, хорошо простреливающееся пространство.

Утром часовой доложил командиру взвода:

— В кустах прячутся какие-то люди.

Кусты были перед позициями, от передней траншеи их отделяло метров триста. Коба вышел вместе с часовым на наблюдательный пункт. Впереди в кустарнике маячили две фигуры. Немцы или ушедшие вперед наши? Хотя чего нашим здесь прятаться? На всякий случай Коба свистнул. Люди исчезли.

«Разведчики,— отметил про себя командир,— значит, скоро ждать атаки».

Он прошел траншеей, проверил готовность людей к бою.

Часов около одиннадцати из кустов показалась цепь вражеских автоматчиков.

«Ну, этих-то мы быстро заставим повернуть,— подумал Коба.— Когда танки пойдут, будет тяжелее».

Партизаны подпустили немцев метров на пятьдесят и ударили дружно из всех огневых средств. Автоматчики попáдали на землю, стали отползать.

Еще дважды пытались они подниматься, и дважды их отбрасывали назад.

Потом из кустов начали бить минометы. Мины рвались возле самых окопов, над головами свистели осколки.

Троих партизан ранило. Впрочем, все они остались на огневых позициях.

Обстрел продолжался примерно полчаса. Потом снова пошли вперед автоматчики. Положение партизан стало трудным. Подсчитав оставшиеся боеприпасы, Коба приказал вести огонь одиночными выстрелами.

Новая атака со стороны врага была более осторожной. Немцы слегка выдвинулись вперед и вели огонь из пулемета.

Одновременно застрочили выстрелы справа. Группа автоматчиков вышла на берег и атаковала с фланга.

— Быстрее! — крикнул Коба пулеметчику Николаю Ковальчуку.— Не дай им подойти!

Николай по траншее выбежал на берег, установил пулемет за выступом каменной гати. Он поспел вовремя. Немцы были уже близко.

Внезапный пулеметный огонь заставил автоматчиков отпрянуть, попрятаться за неровностями берега.

Николай напряженно наблюдал за ними, понимая, что исход боя далеко еще не предрешен.

За спиной снова заухали разрывы мин.

Коба передал по цепи, чтобы все раненые перешли влево, к болоту. Оттуда ближе было до острова.

Немцы приближались короткими перебежками. Коба бил по ним из автомата одиночными.

«Почему молчит Ковальчук? — недоумевал он.— Ведь обойдут же, обойдут с фланга».

Он распорядился, чтобы бойцы по одному слева отходили к болоту и переправлялись на остров, а сам побежал на берег. Возле перевернутого пулемета неподвижно лежало тело партизана.

Коба выглянул из-за каменного выступа — берег был безлюден. Он вернулся на прежнюю позицию. Теперь слева выстрелов почти не было слышно. Только б не отрезали от своих!

Приближались скорые южные сумерки.

«Теперь можно и мне отступить», — решил комвзвода. Он пошел вдоль воды во весь рост, не таясь.

Пулеметная очередь настигла Кобу неожиданно, когда до болота было совсем уже близко. Пуля выбила из руки автомат, вторая прошила ногу. Коба упал, потрогал раненое место — пуля сидела неглубоко, он вынул ее руками. Потом быстро подполз к кромке берега и поплыл.

На острове оказалось только пятеро бойцов. Остальные погибли или, будучи не в состоянии плыть, решили отсидеться в болоте. Пятеро тоже были ранены, правда легко, продрогли от вынужденной ванны — стояла вторая половина сентября. Нужно было скорее добираться до своих. Но как? До противоположного берега полкилометра холодной, неспокойной водной шири.

Наломали растущего в изобилии на острове верболоза, связали из него плот. Плыть на нем нечего было и думать, наверное, не удержал бы и курицы. Но все-таки подспорье. Коба решил добраться до своих и прислать подмогу.

Чем дальше, тем сильнее становилось течение. Неуклюжий плотик не только не помогал держаться, но стал даже помехой. Его тащило совсем не туда, куда надо было плыть. На середине реки Коба понял, что не в силах сладить с течением, вместе с плотом его стало относить к крутому правому берегу, на котором засели немцы.

Тогда он выпустил бесполезную теперь лозу, повернул наперерез течению.

Сил оставалось слишком мало. Накатившаяся вол-

на захлестнула его, выныривая, он выпрямился — нога нащупала дно.

Коба встал, сделал несколько шагов, дно полого поднималось. Впереди маячило большое черное пятно — остров. Комвзвода тяжело побрел к нему, сейчас он думал только об одном: немного согреться и передохнуть.

— Нашего полку прибыло, — услышал с берега.

Всмотрелся, у самой воды стояли два человека. Они оказались бойцами другого взвода. Тоже раненные, в одном нижнем белье.

Вырыли в песке яму, спрятались в ней от ветра, согревая друг друга телами. Поочередно выходили, всматривались в темноту. Около полуночи увидели, что по реке от нашего берега движутся длинные тени. Не было сомнения — партизаны продолжают переправу.

На сушу стали выпрыгивать люди, побежали вперед. Коба вышел им навстречу. Он ошибся. Это не были партизаны, это были бойцы регулярной Красной Армии.

В течение всего дня на правом берегу не смолкали выстрелы. Трещали автоматы, винтовки, ухали мины, тяжело гремели бомбы. Нелегко приходилось нашим бойцам. Но они держались, они не дрогнули — переправа осталась за нами.

К вечеру на берег вышли наши войска. С наступлением темноты погрузились на подготовленные нами плоты, лодки, поплыли к противоположному берегу.

Утром на них обрушились гитлеровцы. Снова завыли в небе их штурмовики, снова загремели на берегу выстрелы.

Выше по течению прорезали небо огненные трассы ракет. Заработали наши «катюши». И сразу же подавили сопротивление противника.

Стрельба стала еще яростней. И все же именно в этот момент я неожиданно почувствовал успокоение. Что-то неуловимо изменилось в боевой обстановке. Сначала я не мог взять в толк, что же именно. Затем понял: внизу уже не рвались бомбы. На крыльях пролетающих самолетов сияли красные звезды. Днепр был форсирован.

Враг откатывался на запад.

НЕСКОЛЬКО СТРОК В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне осталось рассказать совсем немного. Обеспечив переправу через Днепр, партизанское соединение «За Родину!» успешно завершило свою последнюю операцию. Преследуя отступающих гитлеровцев, части Советской Армии ушли дальше на запад. А мы возвращались назад — в Нежин, в Носовку. Вновь проходили лесами, где когда-то мы скрывались от карателей, уходили от них глухими звериными тропами. Переходили железные дороги, на которых мы пускали под откос поезда, шли по местам, где вели бои с противником, где остались лежать в земле наши товарищи.

Все, что было с нами за два трудных года, осталось позади. Но для нас оно не кончилось, оно сохранилось в нас навсегда.

Как победителей нас встречали в Нежине, Носовке, Олишевке, в окрестных селах. Родные встречали родных, друзья друзей, дома хозяев. Все мы — и уроженцы Черниговщины, и те, кто был из других мест, с Кубани, как я, или Урала, Чебоксар, Рустави — чувствовали себя дома. Земля, на которой мы два года дрались, не щадя сил и жизни, всем нам стала родной.

Пришел час расставанья. Он был грустным для нас. Несмотря на то, что мы выполнили свою задачу, свой долг, нам нелегко было расставаться.

Мы прощались. Мы старались казаться веселыми, мы бодрились, шутили, пели, даже плясали. И при этом порой по загорелым, обветренным, отмеченным шрамами лицам мужчин скатывались слезинки.

Что было потом? Большинство бойцов нашего соединения, среди которых немало было женщин, пожилых людей и даже стариков, поступили в распоряжение Черниговского обкома партии, получили назначение на работу и стали налаживать на родной земле жизнь, восстанавливать разрушенное войной хозяйство.

Тысяча триста человек по приказу командующего Воронежским фронтом были переданы 13-й армии и в ее рядах стали бить фашистов.

...Сейчас нас, тех, кто дожил до Победы, считают ветеранами. Я и мои соратники по партизанской борьбе получаем много писем, приглашений из школ. На все письма стараемся отвечать, все приглашения принять. Не всегда это оказывается легко, не хватает времени. Мы ведь не просто ветераны, мы не списали себя в архив, мы трудимся.

Дорогие мои мальчики и девочки, юные красные следопыты! Надеюсь, эта книга ответит на многие ваши вопросы. Я обещал в начале ее рассказать, за что был награжден Золотой Звездой Героя. Думаю, что теперь вам это понятно.

Наградили меня за организацию для советских войск переправы через Днепр. Такой же награды были удостоены мои товарищи Шевырев и Симоненко.

Но мы-то сами понимали прекрасно, что дело не только в переправе. Она началась для нас не в сентябре 1943 года, а значительно раньше. Тогда, когда я один, без бойцов переправлялся на левый берег в лодке старого рыбака, когда Шевырев уходил от преследования вражескими тылами с остатками своего взвода, когда Симоненко организовал в носовских лесах первую засаду на противника. Именно тогда были заложены мосты нашей будущей переправы.

Из разрозненных мелких групп, плохо вооруженных, скрывающихся, мы выросли в соединение, стали силой, с которой враг не мог не считаться, перед которой он в конце концов вынужден был отступить. Почему нам это удалось? Причин много. Главная — в том, что мы сражались за правое дело. Поэтому мы не могли не победить.

Мы были не одиноки в борьбе. Рядом с нами, в соседних районах и на всей оккупированной территории били захватчиков другие партизанские соединения и отряды.

Ближе всего к нам действовала группа Александра Кривца. Помню первую встречу с ним. В конце января 1943 года Овдиенко вернулся в отряд из Басанского района, сопровождаемый десятью незнакомыми людьми. Все они были молоды, аккуратно, тепло одеты и до зубов вооружены. Признаюсь, я невольно позавидовал их экипировке. Мои бойцы были одеты кто во что го-

разд, даже оружия всем не хватало. А эти в добротных полушубках и шапках, фетровых бурках, у каждого автомат.

— Лейтенант Кривец, — отрекомендовался командир прибывших.

— Богато живете, лейтенант,— сказал я, кивая в сторону приехавших с ним бойцов.

— Не жалуюсь,— ответил весело он,— в интендантской службе отряда вся полиция Басанского и Ичнянского районов. Немцы тоже ей помогают.

— И у нас своих заводов нет,— в тон подхватил я.— За счет врага вооружаемся. Только на нас он хуже работает. Поделитесь опытом.

Почти до утра проговорили мы с Кривцом. Его история во многом походила на мою. По специальности военный летчик. Самолет сбили над оккупированной территорией. Успел выпрыгнуть на парашюте. Пытаясь пройти к линии фронта, едва не попался в руки гестапо. Встретился в лесу с прятавшимися там окруженцами. Организовали отряд. Людей в нем и сейчас не много — около тридцати человек. Нигде долго не задерживаются. Сегодня нападают на врага в одном месте, а завтра в другом, иногда за сто километров. Небольшой отряд мобилен. И одеть и хорошо вооружить его легче. Даже свои автомашины есть — отбили у немцев. На них и переезжают с места на место.

Я заметил тогда Кривцу, что хоть и эффектно он действует, но не совсем правильно. Задача в том, чтобы формировать крупные отряды, целые соединения и вести в тылу врага масштабные планомерные военные действия.

— У каждого своя тактика,— ответил он.

После не раз к нам приходили сведения о том, как этот отряд на машинах среди бела дня врывался в населенные пункты, где стояли крупные гарнизоны немцев и полиции, на ходу расстреливал врагов из пулеметов, забрасывал гранатами и в считанные минуты скрывался. Смелость партизан не могла не вызвать уважения. Тактика Александра Кривца также оказалась вполне оправданной. Грудь командира отряда украсила Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Я упоминал здесь о своих встречах с Юрием Оли-

феровичем Збанацким в Междуречье. В этом же районе действовало и соединение Николая Михайловича Таранущенко. Николай Михайлович ходил в трофейном кителе, галифе, хромовых сапогах. По внешности от офицера вермахта его отличала лишь старая, видавшая виды пограничная фуражка. В самые трудные минуты, а их в нашей партизанской жизни было немало, он не падал духом, искал и находил наиболее приемлемые выходы. По природе очень общительный, гостеприимный, в часы затишья между боями Таранущенко любил вспомнить какую-нибудь веселую историю — знал их он во множестве — или затянуть душевную украинскую песню.

Отряды Збанацкого и Таранущенко действовали по такой же тактике, как и наш, к лету 1943 года выросли в соединения. Так же, как и мы, они обеспечивали наступавшим частям Красной Армии переправу через Десну, Днепр и Припять.

На севере Черниговщины действовало соединение секретаря Черниговского подпольного обкома партии Николая Никитовича Попудренко, на юго-восток от нас, в Полтавской области, били фашистов отряды Михаила Гордеевича Салая. Начальником штаба у него был Петр Коротченко, младший брат секретаря ЦК КП(б)У Демьяна Сергеевича Коротченко, руководившего партизанским движением непосредственно во вражеском тылу.

На юге нашими соседями были многочисленные отряды, возглавляемые Хитриченко. Из лесов Сумщины выходила в район Междуречья главная сила — соединение Ковпака, совершающее свой грозный рейд по тылам противника. Рядом с ним двигались отряды секретаря Черниговского подпольного обкома партии Федорова.

Руководимые и направляемые Коммунистической партией, Украинским штабом партизанского движения, все отряды и соединения наносили врагу удары, которые он уже не в состоянии был отражать.

Повсюду на оккупированной территории нас поддерживало население. Подпольные группы собирали для партизан оружие, переправляли в отряды пополнение. Все это в конечном счете склонило перевес в силах

на нашу сторону, способствовало скорейшему изгнанию врага с захваченных земель, приблизило победу.

Работая над этой книгой, я неоднократно пользовался помощью моих бывших соратников. Благодаря их рассказам в моей памяти оживали многие полузабытые эпизоды партизанской жизни. Сначала я просил своих боевых друзей поделиться воспоминаниями, рассказать о том, что наиболее запомнилось им. Потом ко мне стали приходить письма, на которые я не делал запросов. Бывшие бойцы соединения «За Родину!» связывались друг с другом, как эстафету передавали просьбу содействовать созданию книги.

Письма всё шли и шли — со всех концов страны. Их собралось несколько сотен. Скоро я понял тщетность попыток использовать каждое из них в книге. Я искренне благодарен авторам писем, моим бывшим однополчанам и совсем незнакомым людям. Их поддержка во многом помогла мне в работе. Но написать обо всем, что они мне напомнили, я просто не в состоянии. Одному человеку вообще не под силу рассказать о всех бойцах соединения, всех его делах.

Еще раз перелистал написанные страницы. Не рассказано многое. Но главные моменты нашей партизанской биографии приведены. Необходимо, пожалуй, сделать лишь одно дополнение.

Я писал здесь, как мы спорили со Стратилатом о тактике партизанской борьбы. Крайне неверно было бы делать из этого вывод о том, что я вообще отрицательно относился к Михаилу Ивановичу. Он всегда был и оставался честным человеком, преданным Родине и партии. Во время тяжелых испытаний, скитаний по тылам противника, неоднократных схваток с ним Стратилат переменил точку зрения, стал сторонником активных массовых выступлений. Он вернулся к нам, занял пост комиссара и успешно вел большую и нелегкую работу вплоть до расформирования соединения. Его знание людей, забота о них, серьезный, вдумчивый подход к делу помогли успешно провести не одну операцию и, наверное, сохранили не одну жизнь. Не сказать несколько теплых слов в заключении о Михаиле Ивановиче я просто не имею права.

Теперь можно переходить к последней странице.

...Помните, с чего началась эта книжка? Со случайной встречи с маленьким мальчиком, который теперь, кстати, подрос и давно уже играет в футбол со сверстниками. И читает книжки. Вот мне и хотелось бы, чтобы эта книжка попала в руки к нему, ко всем его товарищам — к тем, кому завтра предстоит начать самостоятельную жизнь, вершить судьбы страны. Если все то, что я нашел нужным рассказать им о чувствах, которые нами руководили в годину суровых испытаний для нашей Родины, передаст им как эстафету ту убежденность, ту веру в правоту своего дела, которая вела нас к победе в суровой схватке с фашизмом, я буду считать свою задачу выполненной.

Еще раз повторяю, что не собирался писать полный отчет о действиях нашего партизанского соединения «За Родину!». Это уже сделано. Да и вообще о нашем соединении написано немало. Сейчас же я ставил себе целью совершенно иное: обратиться к молодому поколению, уже не только к сыновьям, но и к внукам, с призывом помнить, беречь, приумножать то, что было завоевано в тяжелой борьбе, что нам удалось отстоять в схватке с врагом,— нашу советскую Родину, те высокие идеалы, которые и являются нашим главным достоянием и богатством.

СОДЕРЖАНИЕ

Для среднего и старшего возраста

Иван Михайлович Бовкун

ПОДВИГ ПОД ПСЕВДОНИМОМ

ИБ № 2258

Ответственный редактор
Г. А. Дубровская

Художественный редактор
А. В. Пацина

Технический редактор
Л. В. Гришина

Корректоры
В. В. Кудинова и *Е. И. Мартынова*

Сдано в набор 17/I 1978 г. Подписано к печати 23/V 1978 г. А00462. Формат 84×108 1/32. Бум. типогр. № 1 Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,02. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1857. Цена 60 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

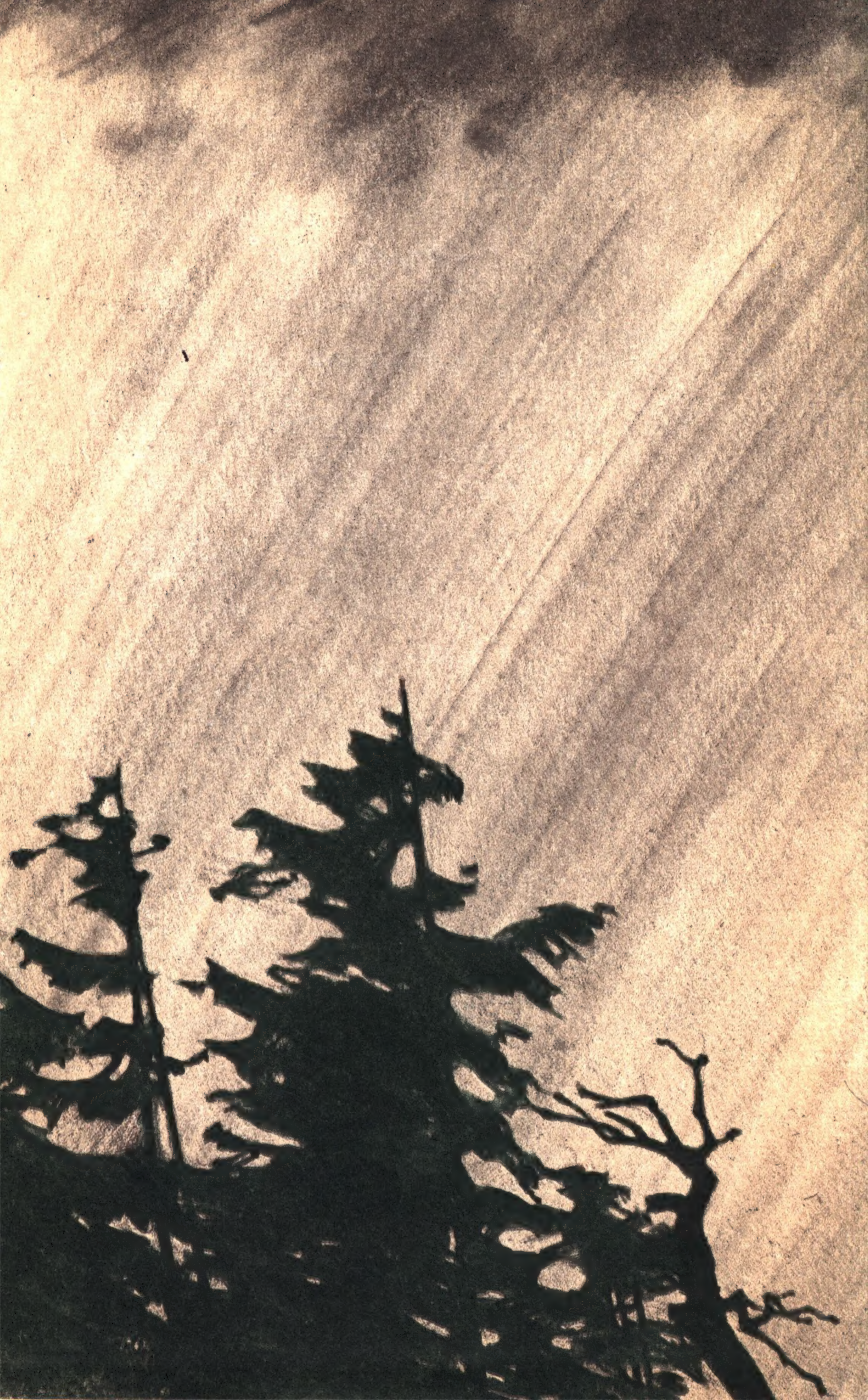
Бовкун И. М.

Б72 Подвиг под псевдонимом: Повесть/ Литер. запись Н. И. Леликова.— М.: Дет. лит., 1978.— 238 с.

В пер.: 60 к.

Документальная повесть Героя Советского Союза И. М. Бовкуна, командира партизанского соединения «За Родину!».

Б $\frac{70803-322}{М101(03)78}$ 351—78 Р2

60 коп.

И. М. БОВКУН • ПОДВИГ ПОД ПСЕВДОНИМОМ